

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
Уральского отделения
Российской академии наук

**НАУЧНЫЙ ЕЖЕГОДНИК
ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Том 18

Выпуск 4

Екатеринбург – 2018

Главный редактор

Виктор РУДЕНКО, директор Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), чл.-корр. РАН, д-р юрид. наук, проф.

Заместители главного редактора

Философия, политическая наука: **Виктор МАРТЬЯНОВ**, заместитель директора по научной работе Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. полит. наук, доц.

Право: **Валентина РУДЕНКО**, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. юрид. наук

Международный редакционный совет

Алексей АВТОНОМОВ, директор Центра сравнительного права НИУ – Высшая школа экономики (Москва, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Хоакин Х. АЛАРКОН**, проф. Университета г. Мурсии (Мурсия, Испания), д-р философии; **Александр КОКОТОВ**, судья Конституционного суда Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Владислав ЛЕКТОРСКИЙ**, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва, Россия, председатель), академик РАН, д-р филос. наук, проф.; **Ольга МАЛИНОВА**, проф. МГИМО-Университета, (Москва, Россия) д-р филос. наук, проф.; **Михаил МАЛЫШЕВ**, проф. Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика); **Юрий ПИВОВАРОВ**, научный руководитель ИНИОН РАН (Москва, Россия), академик РАН, д-р полит. наук, проф.; **Томас РЕМИНГТОН**, проф. политологии Университета Эмори (Атланта, США), д-р политологии; **Камерон РОСС**, проф. политических наук Университета Данди (Данди, Великобритания), д-р философии; **Ричард САКВА**, проф. Кентского университета (Кент, Великобритания), д-р философии; **Саския САССЕН**, проф. социологии Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), д-р философии; **Армандо СЕРОЛО ДУРАН**, проф. Университета г. Сан-Пабло (Сан-Пабло, Испания) д-р права, д-р полит. наук; **Кароль СИГМАН**, сотрудник Института политических и социальных исследований Национального центра научных исследований, д-р политологии (Париж, Франция).

Редакционная коллегия

Философия: **Владимир ДИЕВ**, директор Института философии и права Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия), д-р филос. наук, проф.; **Юрий ЕРШОВ**, зав. кафедрой философии и политологии Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук, проф.; **Елена СТЕПАНОВА**, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Елена ТРУБИНА**, профессор Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук.

Политическая наука: **Петр ПАНОВ**, главный научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (Пермь, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Ольга ПОПОВА**, зав. кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Сергей ПОЦЕЛУЕВ**, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия), д-р полит. наук; **Ольга РУСАКОВА**, зав. отделом философии Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р полит. наук, проф.

Право: **Олег ЗАЗНАЕВ**, зав. кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Михаил КАЗАНЦЕВ**, зав. отделом права Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Сергей КОДАН**, профессор Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Павел КРАШЕНИННИКОВ**, председатель комитета Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации (Москва, Россия), д. юрид. н., проф.; **Наталья ФИЛИППОВА**, зав. кафедрой государственного и муниципального права Сургутского государственного университета (Сургут, Россия), д-р юрид. наук.

Журнал с 2011 г. включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), «КиберЛенинку», базу данных Russian Science Citation Index на платформе Web of Science (RSCI), а также входит в международные базы данных EBSCO; Ulrich's Periodicals Directory; Open Academic Journals Index (OAJI); International Impact Factor Services (IIFS); ERIH PLUS.

Учредитель и издатель

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук

Издается с 1999 г. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России». Т. 1. «Газеты и журналы» 43669. Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средств массовой информации

ПИ № ФС77-29547 от 14 сентября 2007 г.

ISSN 1818-0566 (Print); ISSN 2312-5128 (Online)

Адрес учредителя, издателя и редакции: 620137, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

Тел./факс: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

Интернет-сайт журнала: <http://yearbook.uran.ru>

INSTITUTE OF PHILOSOPHY AND LAW
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

RESEARCH YEARBOOK
INSTITUTE OF PHILOSOPHY AND LAW
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Volume 18

Issue 4

Ekaterinburg 2018

Editor-in-chief

Viktor RUDENKO – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia).

Deputy Editor-in-chief

Viktor MARTYANOV – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia);

Valentina RUDENKO – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia).

International Editorial Council

Alexei AVTONOMOV – Center for Comparative Law, Higher School of Economics (Moscow, Russia);

Joaquin H. ALARCON – University of Murcia (Murcia, Spain);

Alexander KOKOTOV – Constitutional Court of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia);

Vladislav LEKTORSKY – Institute of Philosophy, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Olga MALINOVA – MGIMO University (Moscow, Russia);

Mikhail MALYSHEV – Autonomous University of Mexico (Toluca, Mexico);

Yuri PIVOVAROV – Institute of Scientific Information on Social Sciences, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Thomas REMINGTON – Emory University (Atlanta, USA);

Cameron ROSS – University of Dundee (Dundee, UK);

Richard SAKWA – University of Kent (Kent, UK);

Saskia SASSEN – Columbia University (New York, USA);

Carole SIGMAN – Institute for Humanities and Social Sciences, National Center for Scientific Research (Paris, France);

Armando ZEROLO DURAN – University of San Pablo (San Pablo, Spain).

Editorial Board

Vladimir DIYEV – Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia);

Yuri ERSHOV – Ural Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Ekaterinburg, Russia);

Elena STEPANOVA – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia);

Elena TRUBINA – Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia).

Petr PANOV – Perm Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russia);

Olga POPOVA – Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);

Sergey POCELUEV – Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia);

Olga RUSAKOVA – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia).

Oleg ZAZNAEV – Kazan Federal University (Kazan, Russia);

Mikhail KAZANTSEV – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia);

Sergey KODAN – Ural State Law University (Yekaterinburg, Russia);

Pavel KRASHENINNIKOV – State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (Moscow, Russia);

Natalia FILIPPOVA – Surgut State University (Surgut, Russia).

The journal is recommended by the Russian Ministry of Education and Science for publication of scientific results of doctorate theses. It is indexed and referenced in RSCI, Ulrich's Periodicals Directory; Open Academic Journals Index (OAJI); International Impact Factor Services (IIFS); ERIH PLUS; it is included to the RSCI database on the Web of Science platform.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

- Долин В.А.* Концепт «Четвертое поколение прав человека»: опыт философско-антропологического обоснования7
- Тарабанов Н.А., Гизбрехт Е.С.* Рациональность в науке и религии: интервально-континуальный подход21
- Кусенко О.И.* К истокам русской философской италянистики35

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

- Телин К.О.* Имитация «стабильности»: ложная оптика властного дискурса55

ПРАВО

- Нечкин А.В.* Органы конституционного контроля стран СНГ: порядок формирования и компетенция75
- Руденко В.Н.* Формы алеаторной демократии: генезис и развитие97

C O N T E N T S

PHILOSOPHY

- V. Dolin.** Concept of “Fourth generation of human rights”:
attempt of philosophical and anthropological rationale7
- N. Tarabanov, E. Gizbrekht.** Rationality in science and religion:
interval-continual approach.....21
- O. Kusenko.** Toward the origins of Russian studies in Italian thought.....35

POLITICAL SCIENCE

- K. Telin.** Imitation of “stability”: fake optics of political power discourse55

LAW

- A. Nechkin.** Constitutional control bodies of the CIS countries:
order of formation and competence75
- V. Rudenko.** Forms of aleatory democracy:
genesis and development97

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

Долин В.А. Концепт «Четвертое поколение прав человека»: опыт философско-антропологического обоснования // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2018. Т. 18, вып. 4, с. 7–20.

УДК 1(091):342.02

DOI 10.17506/ryipl.2016.18.4.720

КОНЦЕПТ «ЧЕТВЕРТОЕ ПОКОЛЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА»: ОПЫТ ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ

Вячеслав Александрович Долин

кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических
дисциплин Белгородского юридического института
МВД России им. И.Д. Путилина,
г. Белгород, Россия.
E-mail: v.a.dolin@mail.ru

Материал поступил в редколлегию 29.09.2017 г.

В статье предпринята попытка философско-антропологического обоснования концепта «четвертое поколение прав человека», развивающего генерационный подход к классификации прав человека. Объективная предпосылка возникновения концепта – прогресс конвергентных, объединяющих нано-, био-, инфо- и когнитивные направления, технологий. Методологическую базу статьи составляют постнеклассическая парадигма прав человека и антропология умеренного биоконсерватизма, выступающая за прогрессивное развитие технологий и против преобразования природы человека. Проведенный анализ позволяет выделить конвергентно-технологический и общечеловеческий варианты понимания концепта «четвертое поколение прав человека». На основе применения бритвы Оккама отвергаются представления о пятом и шестом поколениях прав человека. Четвертое

поколение прав человека отождествляется с правами индивида воздействовать, используя современные и будущие возможности конвергентных технологий, на собственное тело, но с учетом актуальных и потенциальных ограничений. Для обоснования концепта с философско-антропологических позиций в статье используются понятия «природа человека», «телесность» и «свобода», с опорой на которые формулируются выводы, имеющие методологическое значение для объяснения концепта «четвертое поколение прав человека». Во-первых, это диалектическое единство постоянства и изменения в природе человека, трактуемой как многокомпонентное образование. Во-вторых, значимость эволюционно сложившейся телесности человека. В-третьих, необходимость сочетания добровольного отказа на индивидуальном уровне от потенциально опасных для будущего человеческого вида технологий и законодательного ограничения применения технологий, опасность которых признана в обществе. Критикуется либерально-антропологическая интерпретация концепта «четвертое поколение прав человека», игнорирующая общность индивида с другими людьми. Данные выводы фундированы антропологией умеренного биоконсерватизма и являются концептуальными ограничениями реализации соматических прав человека, позволяющими синтезировать конвергентно-технологический и общечеловеческий варианты понимания концепта «четвертое поколение прав человека». Полученный результат вносит вклад в построение универсальной концепции прав человека.

Ключевые слова: права человека, поколения прав человека, конвергентные технологии, биоконсерватизм, природа человека, свобода, телесность.

Тезис о потенциальной способности концептуальных систем к эволюции принимается как аксиома. Не являются исключением и представления о правах человека. В данном контексте интересен генерационный подход к классификации прав человека (Vasak 1984: 837, 839). В его рамках выделяются три поколения прав человека: личные, или гражданские, и политические права (первое поколение); социально-экономические и культурные права (второе поколение); коллективные, или «права солидарности» (третье поколение) (Сунгуров 2003; Лукашева 2011).

В современной юридической науке в развитие генерационного подхода предлагается концепт «четвертое поколение прав человека» (Крусс 2000; Рудинский 2000; Венгеров 2005: 584; Лаврик 2005). Объективная основа его возникновения – прогрессивное развитие технологий, открывающее для человека широкие возможности преобразования собственной телесности (См., например: Дубровский 2013). В 2002 г. предложено понятие «конвергентные технологии» (лат. *convergo* – сближаю), фиксирующее объединение нано- (N), био- (B), инфо- (I) и когнитивные (C) технологий (аббревиатура NBIC) (Roco, Vainbridge 2002). Их отличительная особенность – продвижение «вглубь материи», на уровень атомов, генов, битов и нейронов соответственно, и интеграция названных элементов между собой. Данные технологии изучаются в рамках различных научных дисциплин (См., например: Ястреб 2014, Погодина, Баранова 2017), а также являются объектом правового регулирования (См., например: Федеральный закон № 180-ФЗ, 2016). Следует отметить, что ряд современных авторов отрицают ведущую роль технологий, полагая, что в диаде «человек – технологии», включая и кон-

вергентные, приоритет сохраняется за человеком (Ф. Фукуяма, Ю. Хабермас, П.С. Гуревич, В.А. Кутырев, И.В. Черникова, В.Ф. Чешко). В данном контексте становится очевидным, что хотя концепт «четвертое поколение прав человека» сформирован в юридической науке, он фундируется и философскими представлениями о человеке. Это определяет актуальность философско-антропологического рассмотрения данного концепта.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что система методологических оснований статьи носит двойственный характер. С одной стороны, это постнеклассическая парадигма прав человека в юридической науке, в рамках которой последние рассматриваются как комплексное социально-гуманитарное явление, учитывающее новые связи в системе «человек – общество – природа» (Глухарева 2004). В качестве ее центральных постулатов выступает идея коэволюции, трактуемая как «сопряженность индивидуальных возможностей человека с общественными интересами и императивами природы» (Алексеев 2016: 144). С другой стороны, это философское понимание человека в рамках умеренного биоконсерватизма, который ратует за прогрессивное развитие технологий, но против радикального преобразования природы человека (Долин 2017). Биоконсерватизм – в умеренной и радикальной версиях – является оппонентом антропологии трансгуманизма (Дубровский 2013: 183-192). Последняя видит в человеке прежде всего разум, телесность которого может и должна быть изменена технологическими средствами.

Итак, объект рассмотрения в статье – четвертое поколение прав человека как концепт, а ее цель – обоснование названного концепта с философско-антропологических позиций. Соответственно нам необходимо решить две задачи: во-первых, проанализировать существующие в юридической литературе варианты понимания концепта «четвертое поколение прав человека», во-вторых, обосновать данный концепт с философско-антропологических позиций.

В юридической литературе представлено три варианта интерпретации концепта «четвертое поколение прав человека». *Биотехнологический подход* увязывает его с защитой прав человека преимущественно в сфере биотехнологий (Крусс 2000; Рудинский 2000: 71; Лаврик 2005). Для обозначения права самостоятельно распоряжаться собственным телом («модернизация», «реставрация» или даже «фундаментальная реконструкция») предлагается термин «личностные (соматические) права человека» (греч. soma – тело) (Крусс 2000: 43). В рамках *информационно-технологического подхода* к четвертому поколению прав человека, представленного, например, в работах Дмитриева, Златопольского, относится право на информацию и информационные технологии (См. об этом: Глушкова 2005: 46; цит. Дмитриева, Златопольского по: Андрианова 2011: 10). *Общечеловеческая трактовка* отождествляет содержание концепта «четвертое поколение прав человека» с правами человечества (Венгеров 2005: 584). К ним относятся «право на мир, экологические, информационные права, на ядерную безопасность, космос и другие» (Венгеров 2005: 584). Данный подход доводит до логического завершения представление о третьем поколении

прав человека, поскольку человечество – это предельная общность, к которой принадлежит человек.

Здесь необходимо сформулировать два вопроса, важных для постижения смысла концепта «четвертое поколение прав человека». Первый – о соотношении выделенных выше вариантов. Очевидна содержательная близость биотехнологического и информационно-технологического подходов, объекты рассмотрения которых в формально-логическом аспекте являются видами конвергентных (NBIC) технологий. Будет обоснованным объединить их как конвергентно-технологический подход. Кроме того, логично предположить, что общечеловеческий и конвергентно-технологический подходы взаимосвязаны и образуют единство: реализация прав человечества невозможна без обеспечения соматических прав индивида, а обеспечение последних становится условием реализации прав человечества. Подобная трактовка выражает диалектику индивидуального и общечеловеческого и не противоречит как антропоцентризму, так и социоцентризму в понимании человека.

Второй вопрос связан с методологическим критерием определения соматических прав человека. Они нередко формулируются по различным основаниям, а их перечень является дискуссионным (Крусс 2000: 43; Лаврик 2005: 22-23). Абсолютизация тезиса о незавершенности перечня соматических прав человека порождает предположение о том, что «возможно на горизонте – пятое и шестое поколение прав...» (Сунгуров 2003: 83). С.И. Ивентьев в качестве четвертого и пятого поколений прав человека выделяет Божественные и духовно-нравственные права и свободы человека соответственно (Ивентьев 2012). Подобные точки зрения оправданы с позиций диалектического метода, но противоречат методологическому требованию бритвы Оккама, согласно которому не следует умножать сущности (в данном случае – поколения прав человека) без необходимости.

Для снятия выделенного противоречия обратимся к содержанию категории «конвергентные технологии». Это позволит обосновать собственную трактовку анализируемого концепта, способную выступить в качестве принципа выделения рассматриваемых прав человека. Исходя из этимологии понятия «соматический» содержание концепта «четвертое поколение прав человека» с необходимостью включает актуальные и потенциальные права, связанные с человеческим телом. Таким образом, к *четвертому поколению прав человека* (синоним – соматические права человека) *относятся права индивида на самостоятельное использование современных и будущих возможностей конвергентных технологий для воздействия на собственное тело (в рамках актуальных и потенциальных ограничений)*. Учет будущих возможностей конвергентных технологий потенциально снимает вопрос о выделении очередного поколения прав человека после нового этапа технологического прогресса. Данная трактовка анализируемого концепта соответствует конвергентно-технологическому варианту, но в принципе совместима и с общечеловеческим вариантом.

Для уточнения вопроса о совместимости перейдем к обоснованию концепта «четвертое поколение прав человека» с философско-

антропологических позиций (вторая задача). Начать следует с выбора понятий. Прежде всего, если данный концепт признает факт формирования новых взаимоотношений в системе «человек – техника и технологии», то это предполагает обращение к представлениям о природе человека. Далее, поскольку главной точкой приложения изменившихся взаимоотношений человека и мира является человеческое тело, то анализируемый концепт неотделим от проблемы телесности. Наконец, если перед человеком открываются новые возможности выбора, это свидетельствует о связи рассматриваемого концепта с представлениями о свободе человека. В итоге получаем, что концепт «четвертое поколение прав человека» фундируется понятиями «природа человека», «телесность» и «свобода».

Перейдем к изучению их взаимосвязей с анализируемым концептом. Начнем с понятия «природа человека». Обращение к нему подчиняется очевидной в историко-философском плане закономерности: возрастание интереса к данной проблематике совпадает с периодами радикальной трансформации социально-культурных связей и отношений. Именно такова современная эпоха NBIC-конвергенции, когда появляется непрогнозируемая ранее возможность глубокой интеграции человека и новейших технологий, потенциально упраздняющая различие биологического и технологического, «выросшего» и «сделанного» (Ю. Хабермас). В философско-антропологическом аспекте это означает, что в системе взаимоотношений «человек – мир», конституирующих человека, возрастает значимость аспекта «человек – техника и технологии».

Ввиду преобладания антиэссенциализма в современной философской антропологии (М. Фуко, П. Слотердаjk, Ж.-Л. Нанси, С.А. Смирнов, С.С. Хоружий) закономерен вопрос об обоснованности применения категории «природа человека». Совершенно очевидно, что история человечества и развитие отдельной личности не отменяют факта, что в их основе – динамика одного объекта (Хенгстенберг 1995: 211-212; Вальверде 2000: 11). Поэтому главный вопрос связан с пониманием природы человека в современной философской антропологии. Или, если формулировать мысль предельно просто: что есть человек в эпоху NBIC-конвергенции?

Данное понимание не может быть ни эссенциалистским (неизменная, «вечная» природа человека), ни радикально-антиэссенциалистским (человек – ничто, вечное становление). С учетом представленных ограничений природу человека обоснованно мыслить как «*постоянство-в-изменении*» (Хенгстенберг 1995: 213). Умеренный биоконсерватизм в этом контексте представляет собой «золотую середину» между трансгуманизмом (акцент на изменении природы человека) и радикальным биоконсерватизмом (акцент на ее постоянстве).

При обсуждении вопроса о возможной трансформации природы человека следует различать данное от рождения (природу человека) и желаемый образ человека как цель (сущность человека). Размышляя о будущем человека, их легко отождествить. Реализация сущности человека в отдельном индивиде имеет основой общую для всех людей природу *homo sapiens*. Результатом реализации сущности человека в отдельном индивиде явля-

ется человеческая личность. Ее своеобразие определяется балансом психофизиологического организма и духовной личности (Франкл 2017: 291). Соглашаясь с В. Франклом, следует признать, что в плане осмысления природы человека продуктивнее различать в ее составе *дух* – как выражающее себя начало, *область витального* – как средство выражения и *личностное начало* – как инстанцию для определения индивидуально-неповторимого баланса духа и области витального (Хенгстенберг 1995: 244). Их динамическое триединство формирует человека как личность.

Развитие новых взаимоотношений в системе «человек – техника и технологии» изменяет область витального, формально не затрагивая ни дух, ни личностное начало. Однако характер и способы взаимодействия духа и личностного начала с областью витального все же трансформируются. В этой связи правильнее исходить из многокомпонентного, «богатого» содержания категории «природа человека» (См. также: Фукуяма 2004: 241-242), включающего и телесное измерение человека. Редукция данной категории к однокомпонентному, «бедному» содержанию, отождествляющему человека с его сущностью (См., например: Дубровский 2013: 183), в эпоху NBIC-конвергенции менее целесообразна по причине игнорирования противоречивой двойственности природы человека.

Поскольку область витального в человеке в наибольшей степени затрагивается конвергентными технологиями, необходимо обратиться к понятию «телесность». Данное понятие формируется в неклассической философии (Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти) для обозначения единства духовного и телесного измерений человека, которые резко противопоставляются в классической традиции (мыслящий субъект Р. Декарта, трансцендентальный субъект И. Канта). Предшественницей понятия является установка Ф. Ницше, согласно которой вера в тело фундаментальнее, чем вера в душу. Антиплатонистский ход мысли сближает Ф. Ницше с постмодернистской философией (Ж. Деррида, Ж.-Л. Нанси, М. Фуко), которой выдвигается тезис о сконструированности телесных практик социумом.

Для анализа влияния конвергентных технологий на человеческую телесность необходимо выделить ее аспекты. Э. Гуссерль различает четыре измерения телесности: тело как физический объект; как живой организм («плоть»); как выражение и смысл; как объект культуры. В контексте вышеуказанного понимания природы человека очевидно, что первые два измерения относятся к области витального, а последние два – к сфере духа.

Доконвергентные технологии воздействуют на тело извне. В результате сохраняются неизменными его природно-биологические основания, выступающие в качестве витального измерения человеческой природы. На основе представлений Э. Гуссерля правомерно утверждать, что данные технологии влияют преимущественно на тело как выражение и смысл, а также на тело как объект культуры. Конвергентные технологии открывают принципиальную возможность изменения природно-биологических оснований телесности, то есть нацелены на все ее измерения в понимании Э. Гуссерля. По причине радикальной новизны конвергентных технологий

для объективной оценки их значения необходимо учитывать и социально-культурный контекст существования телесности.

В современном обществе тело человека рассматривается в экономическом (капитал) и психологическом измерении (фетиш). Во втором аспекте тело есть «самый прекрасный объект потребления» и «объект спасения», заменивший собой душу (Бодрийяр 2006: 167-168). Исходя из этого неизбежно возникает феномен управляемого потребления. Новый технологический продукт, улучшающий человека, обязательно будут покупать, даже если он потенциально опасен. Формируется феномен «коммодификации тела» как объекта научных исследований и биотехнологических преобразований (Попова 2016). В духе «философии подозрения» (К. Маркс, З. Фрейд, Ж. Бодрийяр) правомерно предположить, что индивидуалистическая трактовка соматических прав человека обслуживает социальный заказ на индуцирование нового цикла потребления. Налицо «квантификация человека» как конкретно-историческое проявление бесчеловечности (Любутин, Кондрашов, 2010: 241).

В данном контексте будет закономерным исследовать человеческую телесность с позиций умеренного биоконсерватизма (Долин 2017: 98-100), то есть как результат естественной эволюции, который имеет непреходящую ценность, не зависящую от новейших технологических трендов (См. также: Черникова, Черникова 2010: 92-93).

Вывод об ограничении выбора человека требует обращения к понятию «свобода». В философско-антропологическом аспекте оно обозначает возможность человека поступать самостоятельно и независимо. Человеческая свобода в обществе имеет правовую меру. Однако представление о соматических правах человека радикализирует идею индивидуальных прав («мое тело – мое дело»), что соответствует антропологии либертариизма. Тем самым отвергается принятие человеком общности с другими людьми (второе и третье поколения прав человека). В результате в ситуации возможности радикальной трансформации природы человека формируется новый аспект свободы – это индивидуальная ответственность за будущее собственного вида (Йонас 2004) в ситуации осознания роли случайности в онтологическом и гносеологическом аспектах (Магомедов 2014). В отличие от традиционного для юридической науки понимания соотношения прав индивида и коллективных прав (См., например: Лукашева 2011: 151) возникает возможность игнорирования индивидом коллективного права на будущее вида *homo sapiens*. Реализация отдельных индивидуальных прав по отношению к телу может угрожать качественной определенности человека как родового существа. Подобная ответственность акцентируется сторонниками общечеловеческой интерпретации концепта «четвертое поколение прав человека» и игнорируется последователями конвергентно-технологического подхода.

Такого рода ответственность непросто реализовать в рамках либертарианского понимания свободы (См. также: Фукуяма 2004: 145), которое фундирует конвергентно-технологическую трактовку концепта «четвертое поколение прав человека». В последнем случае количественные критерии

меры свободы (широта выбора) вступают в противоречие с качественными критериями (достижимые результаты) (Алексеев 2016: 221). А результатом является *свобода без ответственности*. Проблематично утверждать, что широта выбора – это благо, если ее следствием станет гибель человечества как биологического вида или радикальная трансформация природы человека по трансгуманистическому сценарию.

С другой стороны, постулат трансгуманизма об ответственности и самоограничении человека ради будущего (Дубровский 2013: 192) в контексте его трансформирующей интенции тяготеет к противоположной крайности: к *ответственности без свободы*. Узость предлагаемого человеку «коридора возможностей», предопределенность индивидуального выбора не позволяют говорить о подлинной свободе.

В этой связи следует с осторожностью воспринимать утверждение, что конвергентные технологии – ведущее средство обеспечения будущего для человечества. Выявленное противоречие целей и средств обуславливает необходимость поиска третьего пути, предполагающего усиление ответственности человека за собственное будущее, сохранение его эволюционно-биологической определенности и максимальную реализацию соматических прав.

Данный путь – умеренный биоконсерватизм (Долин 2017: 98–100), разделяющий обеспокоенность трансгуманизма за будущее человечества. Но при этом пространство возможностей человека как совокупность «практик свободы» (М. Фуко) определяется более широко, поскольку речь идет о традиционном социально-культурном развитии человека. Способы реализации последнего периодически изменяются (тезис, общий с трансгуманизмом). Средством реализации свободы человека по сценарию умеренного биоконсерватизма выступают антропопрактики, соответствующие концепции устойчивого развития (Евтеев, Перелет 1989). Синтез экономических, социальных и экологических практик согласно названной концепции наиболее «человекоразмерен» и не противоречит «экологическому императиву» (Н.Н. Моисеев).

Понимание свободы в данном случае отвечает центральному принципу «социологической теории соматических прав»: «...каждый человек имеет право распоряжаться своим телом по своему усмотрению ... если осуществление этого права не нарушает более важных прав и законных интересов других лиц» (Цалиев, Сланов 2009: 94). Следует уточнить: в том числе прав и интересов, связанных с угрозой для качественной определенности вида *homo sapiens*. Таким образом, ограничение прав человека в умеренном биоконсерватизме минимально и в целом согласуется с этикой ответственности (Йонас 2004), а не со сценарием этатистского наступления на права человека.

Представленная позиция противоречит пониманию человека в либеральной традиции, в рамках которой различаются принципы как «суждения о правах» и стратегические соображения как «суждения о целях» (Дворкин 2004: 132). Им соответствует принципиальная аргументация, «призванная установить некоторое индивидуальное право», и стратегическая аргумен-

тация, «призванная установить некую коллективную цель» (Дворкин 2004: 132). В контексте рассмотрения предмета статьи очевидно, что осознание угрозы для человечества как вида *homo sapiens* – это «коллективная цель». Вместе с тем сложно отрицать закономерный характер размышлений о «нашем общем будущем» (Евтеев, Перелет 1989; Хабермас 2002; Фукуяма 2004).

Однако в либеральной логике подобные аргументы не принимаются в расчет. Жить как всегда, даже если в результате погибнет человечество... Для либерализма индивидуальное право является единственно подлинным, «его не могут перевешивать все общественные цели» (Дворкин 2004: 135). Если человек принимает возможность отказа от индивидуального права ради коллективной цели, то «нет никакого смысла вообще признавать его в качестве права» (Дворкин 2004: 135). Ответ на контраргументы либерального понимания человеческой свободы должен соответствовать логике последнего. Очевидно, что антиавторитарный пафос либерализма игнорирует тот факт, что добровольный и сознательный учет отдельным человеком природных ограничений не предполагает политического насилия над индивидом.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что свобода человека в антропологии умеренного биоконсерватизма ограничивается лишь добровольным отказом от использования технологий, потенциально опасных для будущего человечества как биологического вида *homo sapiens*. Впрочем, добровольное самоограничение многих людей может подкрепляться законодательным запретом применения отдельных технологий, актуальная или потенциальная опасность которых признана обществом (например, мораторий на клонирование человека). Данная интерпретация свободы объединяет представления либерализма (индивидуалистическая трактовка прав и свобод человека) и коммунитаризма (учет индивидом будущего собственного вида). В праксеологическом аспекте подобный подход – даже с учетом двойных ограничений – позволяет сохранить многие соматические права человека.

Результатом философско-антропологического обоснования является синтез конвергентно-технологического и общечеловеческого вариантов понимания концепта «четвертое поколение прав человека». Кроме того, данное обоснование позволяет осознать главное ограничение в реализации соматических прав индивида – сохранение человеческой природы как продукта естественной эволюции и основы социально-культурного развития человека. Полученный результат соответствует постнеклассической парадигме понимания прав человека и вносит вклад в построение универсальной концепции их осмысления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеев С.С. (ред.) 2016. Права человека : энцикл. слов. / отв. ред. С.С. Алексеев. М. : Норма : ИНФРА-М. 656 с.
- Андрианова В.В. 2011. Права человека и современность // Вестн. Моск. гор. пед. ун-та. Серия: Юрид. науки. № 2. С. 8-14.

- Бодрийяр Ж. 2006. Общество потребления. Его мифы и структуры. М. : Республика : Культур. революция. 269 с.
- Вальверде К. 2000. Философская антропология. М. : Христиан. Россия. 411 с.
- Венгеров А.Б. 2005. Теория государства и права : учебник. М. : Омега-Л. 608 с.
- Глухарева Л.И. 2004. Права человека в системе теории права и государства: общетеоретические, философско-правовые и методологические проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. М. : Моск. гос. пед. ун-т. 417 с.
- Глушкова С.И. 2005. Права человека и гражданина в контексте глобализации // Правовая система России в условиях глобализации : сб. материалов «круглого стола». М. : Ось-89. С. 45-46.
- Дворкин Р. 2004. О правах всерьез. М. : Рос. полит. энцикл. 392 с.
- Долин В.А. 2017. Конвергенция человека и новейших технологий: подход умеренного биоконсерватизма // Вестн. Том. ун-та. Философия. Социология. Политология. № 38. С. 95-103. DOI: 10.17223/1998863X/38/10.
- Дубровский Д.И. (ред.) 2013. Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / под ред. Д.И. Дубровского. М. : МБА. 272 с.
- Евтеев С.А., Перелет Р.А. (ред.) 1989. Наше общее будущее : докл. междунар. комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) / под ред. С.А. Евтеева, Р.А. Перелет. М. : Прогресс. 376 с.
- Ивентьев С.И. 2012. Божественные и духовно-нравственные права и свободы человека : моногр. Новосибирск : СИБПРИНТ. 357 с.
- Йонас Г. 2004. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М. : Айрис-пресс. 480 с.
- Крусс В.И. 2000. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. № 10. С. 43-50.
- Лаврик М.А. 2005. К теории соматических прав человека // Сибир. юрид. вестн. № 3. С. 16-26.
- Лукашева Е.А. (ред.) 2011. Права человека : учебник / под ред. Е.А. Лукашевой. М. : Норма : ИНФРА-М. 560 с.
- Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. 2010. Историческая феноменология бесчеловечности. Екатеринбург : УрО РАН. 246 с.
- Магомедов К.М. 2014. Случайность – это характеристика объективных процессов или феномен человеческой экзистенции? // Гуманит., соц.-экон. и обществ. науки. № 1. С. 52-54.
- Погодина Т.Г., Баранова М.В. 2017. Опережающие начала российского законодательства о биомедицинских клеточных продуктах как коллизионный фактор медицинского права // Юридическая наука и практика : вестн. Нижегород. акад. МВД России. № 1(37). С. 69-74.
- Попова О.В. 2016. Человек, его цена и ценность: к проблеме коммодификации тела в научном познании // Эпистемология и философия науки. № 3(49). С. 140-157. DOI: 10.5840/eps201649356.
- Рудинский Ф.М. 2000. Гражданские права человека: общетеоретические вопросы // Право и жизнь. № 31. С. 70-78.
- Сунгуров А.Ю. (ред.) 2003. Поколения прав человека: основные этапы развития правовой идеи и правового института : учеб. пособие / под ред. А.Ю. Сунгурова. СПб. : Юрид. центр Пресс. 542 с.
- Франкл В. 2017. Десять тезисов о природе человека (новая ред.) // Доктор и душа: Логотерапия и экзистенциальный анализ. М. : Альпина-нон-фикшн. С. 290-300.

Фукуяма Ф. 2004. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. М. : АСТ : ЛЮКС. 349 с.

Хабермас Ю. 2002. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? М. : Весь мир. 144 с.

Хенгстенберг Г.Э. 1995. К ревизии понятия человеческой природы // Это человек : антология / сост. П.С. Гуревич. М. : Высш. шк. С. 211-250.

Цалиев А.М., Сланов О.Т. 2009. Нравственные проблемы клонирования человека в аспекте социологической концепции соматических прав и свобод личности // Философия права. № 1. С. 91-95.

Черникова Д.В., Черникова И.В. 2010. Проблема природы человека в свете NBIC-технологий // Изв. Том. политехн. ун-та. Инжиниринг георесурсов. Т. 316, № 6. С. 88-93.

Ястреб Н.А. 2014. Конвергентные технологии: философско-эпистемологический анализ. Вологда : Вологод. гос. ун-т. 250 с.

Roco M., Bainbridge W. (eds.) 2002. Converging Technologies for Improving Human Performance. Nanotechnology, biotechnology, information technology and cognitive science. NSF/DOC-sponsored report. National Science Foundation. June. Arlington : Virginia. 468 p.

Vasak K. 1984. Pour une troisieme generation des droits de l'homme // Studies and essays on International humanitarian law and Red Cross principles / ed. by C. Swinarski. Hague. P. 837-841.

Федеральный закон от 23 июня 2016 года № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» // Рос. газ. 2016. 28 июня.

V. Dolin Kontsept «Chetvertoye pokoleniye prav cheloveka»: opyt filosofsko-antropologicheskogo obosnovaniya [Concept of “Fourth generation of human rights”: attempt of philosophical and anthropological rationale], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 7–20. (in Russ.).

Vyacheslav A. Dolin, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Humanitarian and Socio-Economic Sciences, Belgorod Law Institute of the Ministry of Interior Affairs of Russia, named after I. Putilin, Belgorod, Russia.
E-mail: v.a.dolin@mail.ru

Article recived 29.09.2017, accepted 05.03.2018, available online 29.12.2018

CONCEPT OF “FOURTH GENERATION OF HUMAN RIGHTS”: ATTEMPT OF PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL RATIONALE

Abstract. This article is an attempt of philosophical and anthropological substantiation of the concept the “Fourth generation of human rights”, which develops the generational approach to the classification of human rights. Progress of convergent technology combining nano-, bio-, info- and cognitive technologies, is the objective basis for emergence of the analyzed concept. The methodological ground of the article is post-non-classical paradigm of human rights, and the anthropology of moderate bio-conservatism advocating

for progressive development of technology against the human nature transformation. Convergent-technological and panhuman understanding of the concept of the “fourth generation of human rights” is identified based of conducted analysis. The submission on the fifth and sixth generations of human rights is refused through the application of “Occam's razor”. The fourth generation of human rights is associated with individual rights to influence current and further capabilities of convergent technologies to his or her own body but taking into account actual and potential limitations. In the article, the concepts of “human nature”, “corporality” and “freedom” are used for justification of analyzed concept from philosophical and anthropological standpoint. Their analysis allows us to formulate conclusions with methodological significance for understanding of the concept of the “fourth generation of human rights”. Firstly, it is the dialectical unity of constancy and change in human nature, which is understood as a multicomponent phenomenon. Secondly, it is the importance of human being as the evolutionary current corporality. Thirdly, it is the combination of voluntary refusal at individual level from potentially dangerous of the future of human technology and legal limitations of technology usage, the threat of which is regarded dangerous for community. The author criticizes the liberal anthropological understanding of the concept the “fourth generation of human rights”, which ignores the commonality with other people. These conclusions are substantiated with anthropology of moderate bio-conservatism; they constitute a conceptual limitation of implementation of somatic rights of person, which makes possible to synthesize the convergent-technological and panhuman understanding of the concept the “fourth generation of human rights”. The results of the research contributes to rationale of universal conception of human rights.

Keywords: human rights; generation of human rights; convergent technologies; biological conservatism; human nature; freedom; corporality.

References

Alekseev S.S. (ed.) *Prava cheloveka : entsikl. slovar'* [Human rights: encyclopedic dictionary], Moscow, Norma, INFRA-M, 2016, 656 p. (in Russ.).

Andrianova V.V. *Prava cheloveka i sovremennost'* [Human Rights and the Present Time], *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2011, no. 2, pp. 8-14. (in Russ.).

Baudrillard J. *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury* [The society of consumption. Its myths and structures], Moscow, Respublika, Kul'turnaya revolyutsiya, 2006, 269 p. (in Russ.).

Chernikova D.V., Chernikova I.V. *Problema prirody cheloveka v svete NBIC-tekhnologiy* [The problem of human nature in the context NBIC-technologies], *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. Inzhiniring georesursov*, 2010, vol. 316, no. 6, pp. 88-93. (in Russ.).

Dolin V.A. *Konvergentsiya cheloveka i noveyshikh tekhnologiy: podkhod umerennogo biokonservatizma* [Human being and latest technologies convergence: approach of moderate bioconservatism], *Vestnik Tomskogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2017, no. 38, pp. 95-103. DOI: 10.17223/1998863X/38/10. (in Russ.).

Dubrovskiy D.I. (ed.) *Global'noe budushchee 2045. Konvergentnye tekhnologii (NBICS) i transhumanisticheskaya evolyutsiya* [Global future 2045. Convergent technologies (NBIC) and transhuman evolution], Moscow, MBA, 2013, 272 p. (in Russ.).

Dvorkin R. *O pravakh vser'ez* [Taking Rights Seriously], Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2004, 392 p. (in Russ.).

Evteev S.A., Perelet R.A. (eds.) *Nashe obshchee budushchee : dokl. mezhdunar. komissii po okruzhayushchey srede i razvitiyu (MKOSR)* [Our common future: Report of the world Commission on environment and development (MCOR)], Moscow, Progress, 1989, 376 p. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 23 iyunya 2016 goda № 180-FZ «O biomeditsinskikh kletochnykh produktakh» [Federal law of June 23, 2016 No. 180-FZ On biomedical cell products], *Rossiyskaya gazeta*, 2016, June 28. (in Russ.).

Frankl V. *Desyat' tezisev o prirode cheloveka (novaya red.)* [Ten theses on human nature (new edition)], *Doktor i dusha: Logoterapiya i ekzistentsial'nyy analiz*, Moscow, Al'pina-non-fikshn, 2017, pp. 290-300. (in Russ.).

Fukuyama F. *Nashe postchelovecheskoe budushchee. Posledstviya biotekhnologicheskoy revolyutsii* [Our Posthuman Future. Consequences of the Biotechnology Revolution], Moscow, AST, LYuKS, 2004, 349 p. (in Russ.).

Glukhareva L.I. *Prava cheloveka v sisteme teorii prava i gosudarstva: obshcheteoreticheskie, filosofsko-pravovye i metodologicheskie problemy : dis. ... d-ra yurid. nauk* [Human rights in the system of theory of law and state: theoretical, philosophical, legal and methodological problems: dissertation], Moscow, Moskovskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 2004, 417 p. (in Russ.).

Glushkova S.I. *Prava cheloveka i grazhdanina v kontekste globalizatsii* [The rights of a man and a citizen in context of globalization], *Pravovaya sistema Rossii v usloviyakh globalizatsii : sb. materialov «kruglogo stola»*, Moscow, Os'-89, 2005, pp. 45-46. (in Russ.).

Habermas J. *Budushchee chelovecheskoy prirody. Na puti k liberal'noy evgenike?* [The future of human nature: On the way to liberal eugenics?], Moscow, Ves' mir, 2002, 144 p. (in Russ.).

Hengstenberg G.E. *K revizii ponyatiya chelovecheskoy prirody* [A revision of the concept of human nature], *P.S. Gurevich (comp.) Eto chelovek : antologiya*, Moscow, Vysshaya shkola, 1995, pp. 211-250. (in Russ.).

Iventiev S.I. *Bozhestvennye i dukhovno-nravstvennye prava i svobody cheloveka* [Divine and moral and law human rights and freedoms], Novosibirsk, SIBPRINT, 2012, 357 p. (in Russ.).

Jonas H. *Printsip otvetstvennosti. Opyt etiki dlya tekhnologicheskoy tsivilizatsii* [Principle of responsibility. Experience of ethics for technological civilization], Moscow, Ayris-press, 2004, 480 p. (in Russ.).

Kruss V.I. *Lichnostnye («somaticheskie») prava cheloveka v konstitutsionnom i filosofsko-pravovom izmerenii: k postanovke problemy* [Human rights personality (somatic) in constitutional and legal philosophical dimension: on the problem statement], *Gosudarstvo i pravo*, 2000, no. 10, pp. 43-50. (in Russ.).

Lavrik M.A. *K teorii somaticheskikh prav cheloveka* [The theory of somatic rights of a human], *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik*, 2005, no. 3, pp. 16-26. (in Russ.).

Lukashева E.A. (ed.) *Prava cheloveka : uchebnik* [Human rights: textbook], Moscow, Norma, INFRA-M, 2011, 560 p. (in Russ.).

Lyubutin K.N., Kondrashov P.N. *Istoricheskaya fenomenologiya beschelovechnosti* [Historical phenomenology of inhumanity], Ekaterinburg, UrO RAN, 2010, 246 p. (in Russ.).

Magomedov K.M. *Sluchaynost' – eto kharakteristika ob»ektivnykh protsessov ili fenomen chelovecheskoy ekzistentsii?* [Randomness – a characteristic of the objective processes or phenomenon of human existence?], *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2014, no. 1, pp. 52-54. (in Russ.).

Pogodina T.G., Baranova M.V. *Operezhayushchie nachala rossiyskogo zakonodatel'stva o biomeditsinskikh kletochnykh produktakh kak kollizionnyy faktor meditsinskogo prava*

[Ahead of the start of the Russian law on biomedical cell products as conflict factor medical law], *Yuridicheskaya nauka i praktika : vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2017, no. 1(37), pp. 69-74. (in Russ.).

Popova O.V. *Chelovek, ego tsena i tsennost': k probleme kommodifikatsii tela v nauchnom poznanii* [Human's price and value: the problem of body commodification in the context of scientific knowledge], *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2016, no. 3(49), pp. 140-157. DOI: 10.5840/eps201649356. (in Russ.).

Roco M., Bainbridge W. (eds.) *Converging Technologies for Improving Human Performance. Nanotechnology, biotechnology, information technology and cognitive science*, NSF/DOC-sponsored report. National Science Foundation, June, Arlington, Virginia, 2002. 468 p.

Rudinskiy F.M. *Grazhdanskie prava cheloveka: obshcheteoreticheskie voprosy* [Civil rights of a human: theoretical issues], *Pravo i zhizn'*, 2000, no. 31, pp. 70-78. (in Russ.).

Sungurov A.Yu. (ed.) *Pokoleniya prav cheloveka: osnovnye etapy razvitiya pravovoy idei i pravovogo instituta : ucheb. posobie* [Generations of human rights: main stages of development of legal ideas and legal institutions: study guide], Sankt-Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press, 2003, 542 p. (in Russ.).

Tsaliev A.M., Slanov O.T. *Nravstvennye problemy klonirovaniya cheloveka v aspekte sotsiologicheskoy kontseptsii somaticheskikh prav i svobod lichnosti* [Human cloning moral aspects in the personal somatic rights and liberties socioological conception], *Filosofiya prava*, 2009, no. 1, pp. 91-95. (in Russ.).

Valverde K. *Filosofskaya antropologiya* [Philosophical anthropology], Moscow, Khristianskaya Rossiya, 2000, 411 p. (in Russ.).

Vasak K. *Pour une troisieme generation des droits de l'homme*, C. Swinarski (ed.) *Studies and essays on International humanitarian law and Red Cross principles*, Hague, 1984, pp. 837-841.

Vengerov A.B. *Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik* [Theory of state and law: Textbook], Moscow, Omega-L, 2005, 608 p. (in Russ.).

Yastreba N.A. *Konvergentnyye tekhnologii: filosofsko-epistemologicheskii analiz* [Convergent technologies: philosophical and epistemological analysis], Vologda, Vologodskiy gosudarstvennyy universitet, 2014, 250 p. (in Russ.).

Тарабанов Н.А., Гизбрехт Е.С. Рациональность в науке и религии: интервально-континуальный подход // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2018. Т. 18, вып. 4, с. 21–34.

УДК 165.19

DOI 10.17506/ryipl.2016.18.4.2134

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ В НАУКЕ И РЕЛИГИИ: ИНТЕРВАЛЬНО-КОНТИНУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Николай Александрович Тарабанов

кандидат философских наук,
доцент кафедры онтологии, теории познания
и социальной философии
Национального исследовательского
Томского государственного университета,
г. Томск, Россия. E-mail: nikotar@mail.tsu.ru

Евгения Сергеевна Гизбрехт

студентка первого курса магистратуры
Национального исследовательского
Томского государственного университета,
г. Томск, Россия. E-mail: ev.gizbrekht@gmail.com

Материал поступил в редколлегию 30.01.2018 г.

Необходимость иерархической организации познавательных практик, выявленная постмодернистской критикой, по-прежнему определяет характер взаимодействия науки и религии. Формирование нового (постнарративного) типа сосуществования дискурсов определяет актуальность проблемы соотношения научного и религиозного способов познания мира. Эта проблема может быть рассмотрена через анализ исторического взаимодействия науки и религии в свете понятия «рациональность». Мы исследуем вопрос о возможных определениях рациональности в разных когнитивных практиках посредством компаративного и концептуального анализа теории исторической смены типов научной рациональности (классической, неклассической и постнеклассической) Степина, а также способов соотношения науки и религии в концепциях Хота (конфликт, контраст, контакт, сопричастность) и Барбура (конфликт, независимость, гармония, диалог, интеграция). Классическая рациональность в данном контексте предстает как продуцирующая конфликт науки и религии, неклассическая рациональность – как дающая основания для их независимости (контраста), а постнеклассическая рациональность – как создающая возможность активного взаимодействия между ними в различных формах (контакт, сопричастность, диалог, интеграция). Мы объясняем историческую смену типов (или способов) соотношения науки и религии с точки зрения интервально-континуального подхода, который объединяет представление о континуальном характере истины с идеей истины как устанавливаемой исключительно в границах определенного понятийного и теоретического интервала. Таким образом, диалектика рационального

и нерационального проявляется в исторической смене типов соотношения науки и религии. Мы делаем вывод о том, что развитие этой диалектики происходит в направлении от гипостазирования эпистемологического измерения рациональности к признанию онтологического измерения рациональности. Вследствие этого интервально-континуальный подход может служить теоретическим базисом для описания возможных способов взаимодействия науки и религии.

Ключевые слова: вера, интервально-континуальный подход, истина, наука, разум, рациональность, религия.

Соотношение христианства и институализированной западной науки осмыслялось с момента возникновения последней, однако наиболее активно потребность в изучении проблемы приоритетности научного и религиозного способов познания реализуется философией в последние несколько десятилетий (Касавин 2006). Вероятно, эта потребность связана с постпозитивистской – равно как и постмодернистской – критикой сложившейся ранее иерархии когнитивных практик, в которой высшая ступень занята наукой (Forrest 2014). Впрочем, отказ от иерархической организации познавательных практик может быть воспринят и как отказ от их систематизации вообще, в связи с чем новая эпистемическая ситуация порой воспринимается как не несущая позитивного содержания и требующая преодоления (Никифоров 2008). По нашему мнению, отказ от иерархической модели когнитивных практик не означает отказа от их систематизации, то есть фиксации их сходств, различий и связей между ними. Напротив, новая организация всего, что может быть воспринято как система методов познания, – актуальная задача современной эпистемологии. Ее решение требует последовательного выявления связей между разными когнитивными практиками. Вследствие этого проблема научно-религиозного взаимодействия представляется весьма актуальной, несмотря на то что религия нередко занимает маргинальное положение по отношению к такому «привилегированному» способу познания, как наука.

В числе предлагаемых способов решения проблемы систематизации познавательных дискурсов привлекает внимание интервальный подход, описанный Феликсом Васильевичем Лазаревым и Сергеем Александровичем Лебедевым. Данная концепция нацелена на уравнивание эпистемического статуса социогуманитарного и естественнонаучного знания. Для достижения этой цели интервальная эпистемология фиксирует конститутивность истины: «Интервальный подход исходит из того, что в научном познании могут существовать в качестве допустимых разные “картины” одного и того же объекта. Однако эти точки зрения могут рассматриваться как равноправные лишь при одном условии, если все они удовлетворяют требованиям рациональной обоснованности» (Лазарев Ф., Лебедев С. 2005: 106).

Относительность истины в рамках рассматриваемой теории постулируется в качестве утверждения о том, что истинность любого осмысленного высказывания может быть оценена исключительно в границах определенного интервала абстракций, то есть в пределах применимости понятий и

теорий, к которым апеллирует высказывание. Однако наряду с оригинальной трактовкой относительности истины интервальный подход утверждает и абсолютность истины, понимаемую в трех аспектах: как абсолютность истин в рамках интервала; как связь внутриинтервальной истины с более широким интервалом; как возможность восхождения к более общей истине в контексте постепенного прироста знания и обусловленного им перехода к новой интеллектуальной перспективе.

Диалог научного и религиозного способов познания, базирующихся на научной и религиозной рациональности¹ как на соответствующих интервалах абстракций, может быть описан с позиции интервального подхода. В рамках данной методологии наука и религия получают основания для подобного диалога, поскольку и та и другая априори исходят из разумного устройства мира (общий для науки и религии интервал).

Тем не менее синхронический подход, то есть подход интервальной эпистемологии, описанный выше, не способен дать объяснения всему многообразию отношений науки и религии, поскольку любое взаимодействие, кроме диалогического, в рамках данной методологии будет понято как эпистемически незрелое, а тем самым недопустимое. Более нейтральный подход к проблеме обеспечивается дополнением интервального подхода представлением о континуальном (непрерывно становящемся) характере истины, которая в масштабе первопричины мироздания остается не до конца определенной². Континуальность в данном случае подразумевает, что «рациональная обоснованность» утверждений в рамках определенного интервала абстракций подвергается трансформациям с течением времени.

Именно поэтому закономерной методологической установкой стоит признать обращение к концепциям философии науки, которые описывают хронологию теоретического знания. Данная установка объясняется тем, что господствующие формы как институционального, так и эпистемического взаимодействия науки и религии отчетливо связаны с историческими периодами. Так, зарождение западной науки, несмотря на причинную связь с определенными компонентами религиозного мировоззрения (Гайденко 2006), во многом было обусловлено противопоставлением веры и разума³. Например, у Фрэнсиса Бэкона можно встретить следующее: «Самих же наук,

¹ Под рациональностью в настоящей статье понимаются нормативно закрепленные способы получения и организации знания. В разных дискурсах, а также с течением времени рациональность подвергается изменениям.

² Джон Хот описывает сходное требование как «критический реализм»: поскольку и Вселенная, и Бог слишком велики, чтобы мы могли о них судить, познавательный процесс с необходимостью остается незавершенным, так что наука вкупе с религией уточняют и углубляют понимание своих сфер в согласии с принципом критицизма (Naught 1995).

³ Разум в данном случае понимается в кантовском смысле, для определения веры используется «Сумма теологии». А именно: верить – значит «мыслить с согласием» (Фома Аквинский 2011: 31); здесь «под согласием ... понимается акт ума, определенный к единственному объекту в соответствии с волей» (Фома Аквинский 2011: 32). Эта направленность воли объясняет твердость, с которой принимается объект веры.

опирающихся скорее на фантазию и веру, чем на разум и доказательства, насчитывается три: это астрология, естественная магия и алхимия» (Бэкон 1971: 115).

В теории Вячеслава Семеновича Степина системная динамика теоретического знания рассматривается в контексте трех исторически сменяющихся типов научной рациональности. Классическая рациональность господствует с XVII в., неклассическая – формируется с конца XIX в. и сменяет первую в начале XX в., а постнеклассическая рациональность ведет отсчет со второй половины XX в. (Степин 2000; Степин 2012). Можно предположить, что упомянутые типы научной рациональности неявно определяют и соответствующие способы описания форм познания, воспринимаемых как ненаучные (нерациональные или иррациональные). Примером этому, в частности, служит неопозитивистская программа логико-методологического анализа языка науки, которая предполагала прежде всего аналитико-философское решение проблемы демаркации: сопоставление науки с метафизикой и религией (Карнап 1993). По-видимому, в пояснении нуждается само понятие рациональности, которое нередко трактуется как своего рода гарантия истины.

Вопрос о понимании рациональности в разных когнитивных практиках будет исследован на материале предложенной В.С. Степиным концепции исторической смены типов научной рациональности, а также выделенных Джоном Хотом и Иеном Барбуром известных способов соотношения науки и религии. К последним относятся конфликт, независимость, гармония, диалог, интеграция (Барбур 2000) и конфликт, контраст, контакт, сопричастность (Naught 1995). Суть соотношения достаточно точно задается применяемыми ими терминами. Несмотря на то что построения И. Барбура и Дж. Хота производят впечатление синхронически организованных, временное измерение присутствует и в них. Так, например, подзаголовок книги Хота «От конфликта к коммуникации» (см.: Naught 1995) сам по себе подразумевает диахронический аспект. У Барбура же изучение выделенных способов соотношения вписано в определенный историко-культурный контекст.

Описание способов взаимодействия науки и религии у Барбура по большей части остенсивно, тем не менее оно позволяет выделить несколько критериев, которые фиксируют существенные характеристики каждой из разновидностей по следующим критериям: совпадение областей объясняемых (или понимаемых) явлений, сходность применяемых методов, а также совместимость и сопоставимость познавательных результатов, получаемых религией и наукой; у Хота эти критерии выявляются преимущественно напрямую. Отметим определенное родство с критериями выделения типов рациональности в концепции Степина: «совпадение области объяснения (понимания)» – парафраз «объекта исследования», трактуемого компаративно (применительно к науке и религии), «сходность применяемых методов» и «сопоставимость и совместимость познавательных результатов» аналогичным образом соотносятся с «идеалами и нормами исследования» (Степин 2012). Характеристики субъекта познания, а также философских

оснований науки, отмеченные в концепции Степина, по нашему мнению, в моделях Барбура и Хота присутствуют имплицитно.

Рассмотренные таким образом типы рациональности по Степину могут быть приняты в качестве своеобразной концептуальной основы для соответствующих способов соотношения науки и религии у Барбура и Хота. Влияние стратегий осмысления науки на способы научно-религиозного взаимодействия можно обосновать ее динамичностью: она легче, чем религия, обновляет свои выводы и способы их получения, потому что научная истина имеет скорее становящийся характер, а религиозная истина – уточняющийся (то есть наука способна трансформировать свои выводы глобально, а религия ограничивается локальными модификациями). Это связано со спецификой соответствующих науке и религии характеристик рациональности: вера строже, чем знание, определяет свой объект и его свойства. Более конкретно об этом говорит тот факт, что для науки не является деструктивным изменение основополагающей парадигмы (например, появление квантовой механики не дискредитировало физику как таковую, а лишь преобразовало вектор исследовательского поиска в этой области знания). Для религии, напротив, смена важнейших принципов означает уничтожение или трансформацию религии как таковой.

При сопоставлении типов рациональности по Степину со способами соотношения науки и религии у Барбура и Хота нельзя утверждать строгое, не знающее исключений хронологическое соответствие, так как на протяжении всей истории взаимоотношений науки и религии их осмысление не было однородным. Выделение общих тенденций заставляет вынести за скобки отдельные анахроничные концепции. Мы полагаем, что представленный анализ может сделать явными основные тенденции, которые формировались в тот или иной период времени.

Классическая рациональность: конфликт науки и религии

Совокупно концепции Барбура и Хота описывают три варианта конфликта науки и религии: библейский буквализм, научный материализм (научный скептицизм) и делегирование науке ответственности за пустоту современной жизни (наука как причина постмодернистской неустойчивости) (Барбур 2000; Naught 1995). Из этого следует, что в рамках выделенных концепций наука и религия понимаются как принципиально непримиримые. В исходном значении слово «конфликт» предполагает наличие двух сторон, но в данном случае ситуация конфронтации разворачивается в первую очередь виртуально, поскольку Барбур и Хот классифицируют не сами факты социальной жизни, а способы их теоретической систематизации и осмысления. Несмотря на то что представители указанных выше течений наделяют науку и религию разным аксиологическим статусом, варианты конфликта предполагают совпадение областей интереса науки и религии; при этом методы науки и религии воспринимаются как принципиально разные.

Классическая рациональность – это, прежде всего, рациональность научная, и в силу этого она опирается на строгую демаркацию рациональных

и нерациональных форм познания. Методы последних оцениваются как недостоверные, причем наука и иные способы когнитивного освоения действительности претендуют на решение одних и тех же задач: достоверное описание и объяснение действительности, сущности природы и человека. Тем не менее только наука имеет возможность создавать обоснованные теории посредством обобщения эмпирического материала, полученного путем наблюдений и экспериментов, не говоря о том, что естественное богословие не принимается в расчет.

Таким образом, классическая рациональность задает сциентистский взгляд на конфликт науки и религии, что вполне соответствует идеям научного материализма, но слабо подходит для описания библейского буквализма. Отдельное рассмотрение подвидов конфликта с точки зрения науки (научный материализм) и с позиций религии (библейский буквализм) – необходимость, диктуемая классикой, которая определяет рациональное главным образом как научное. Именно такая методологическая установка обнаруживается в подходе Хота, выделившего способы взаимодействия науки и религии в зависимости от того, какой дискурс является определяющим. Аналогичный способ организации может быть использован и применительно к конфликту; по-видимому, имплицитно он также применяется Барбуром.

В период становления классического типа научной рациональности конфликт науки и религии эксплицируется разными когнитивными практиками, но здесь необходимо признать неоднозначность взаимоотношений исследуемых дискурсов на данном историческом этапе. В частности, примечательно следующее: «И. Ньютон в “Оптике” писал, что Бог создал мир из неделимых корпускул (атомов) и все тела (твердые, жидкие и газообразные) составлены из них, возникают благодаря взаимодействию корпускул» (Степин 2012: 18). Не менее интересным представляется и такой момент: «Концепция Бога у Галилея не сильно отклонялась от традиционных христианских представлений. Он считал, что Книга Природы и Книга Писания не могут противоречить друг другу, поскольку созданы одним и тем же автором» (Барбур 2000: 17). И далее: «Ньютон также утверждал, что непрерывное действие Бога проявляется в регулировке Солнечной системы. Он полагал, что ее строение нельзя объяснить научно, поскольку компланарное движение планет по орбитам в одном и том же направлении не может быть следствием естественных причин» (Барбур 2000: 26). Все эти исторические ремарки свидетельствуют о драматичности процессов, происходивших на этапе формирования классического типа научной рациональности, который ассоциирован с представлением об иррациональности религии.

В целом в рамках конфликта сфера интересов науки и религии определяется предельно широко. Это может означать включение проблем истории природы в область богословия (библейский буквализм), выведение из науки метафизических и этических положений, отождествление физической реальности с миром вообще (научный материализм). Однако тип системной организации объекта (существенный признак типа рациональности в концепции Степина) не может быть охарактеризован применительно к объяс-

нению всего, на что изначально пытаются претендовать как наука, так и религия в первый период формирования рациональности. Впрочем, в сфере идеалов и норм науки сопоставление классической рациональности и концепций конфликта науки и религии представляется более перспективным. Идеал теории, точно соответствующей объекту и основанной на эмпирических данных, в рамках религии реализуется как естественное богословие (выведение религиозных положений из наблюдаемых свойств природы), однако оно применяется не только относительно концепций конфликта. Дополнительными признаками классического типа рациональности являются существенные характеристики субъекта научного познания: он трансцендентен; это разум, способный познать мир как таковой (Степин 2000).

Неклассическая рациональность: независимость науки от религии (их контраст)

Неклассическая рациональность у Степина связывается, прежде всего, с рефлексией нового типа объектов, способных к саморегуляции и демонстрирующих эмерджентные свойства. Вследствие усложнения предметов исследования «укореняется норма, допускающая альтернативные теоретические описания одной и той же реальности, в каждом из которых может содержаться момент объективно-истинного знания» (Степин 2012: 21). В приведенной цитате особое внимание привлекает использование терминов: в более ранней работе (Степин 2000) проводится разграничение категорий «мир» и «реальность»: реальность – это фрагмент мира. Повидимому, именно поэтому Степин указывает на трудности с применением понятия «картина мира» относительно всех наук. Соответственно неклассическая познавательная установка дает некоторую возможность скорее для «легитимации» религиозного миропонимания, нежели для его творческого взаимодействия с наукой, то есть построения некой общей картины мира. Аналогичным образом Хот отмечает, что *контраст* – в варианте Барбура речь идет о *независимости*, которая каких-либо существенных отличий от контраста, судя по всему, не имеет, – не предполагает создания унифицированного образа мира, хотя каждый из способов познания получает возможность полного контроля над определенной областью интереса (Haught 1995: 17).

Такое разграничение сфер приводит к тому, что неклассическая рациональность, а вместе с ней независимость и контраст уже не могут быть названы «сциентистским взглядом» на способ отношения науки и религии. Однако здесь нет аксиологической нейтральности: проблема ценностного статуса науки и религии в неклассике может быть решена различным образом и это зависит от того, как оцениваются сферы, отведенные науке и религии в каждом конкретном случае. Например, закрепление за наукой исключительно «решаемых» (то есть доступных эмпирической и логической проверке) вопросов в неопозитивизме зачастую ведет к утверждению гегемонии науки (Карнап 1993), «отрицанию всякой спекулятивно-догматической метафизики» (Крафт 2003: 51), причем антиметафизическая позиция может означать и антирелигиозную, главным образом в силу того,

что «прилагать наши усилия к... абсолютной реальности бессмысленно» (Крафт 2003: 194). С другой стороны, известны описания, в которых утверждается приоритет религии: в частности, Серен Кьеркегор единственно значимым признает отношение единичного и абсолютного, которое недостижимо «критическим прилежанием», «подменой вероятности надежными гарантиями»: «*желание количественным образом приблизиться к вере* всегда остается недоразумением, самообманом» (Кьеркегор 2005: 26).

Вышесказанное открывает возможность небуквального понимания цитаты Хота: «Мы не должны судить о религии посредством стандартов науки, и наоборот, потому что задаваемые ими вопросы полностью несоизмеримы, а содержание их ответов так различно, что не имеет смысла сопоставлять их друг с другом» (Haught 1995: 12). Безусловно, здесь речь идет об отсутствии взаимодействия между наукой и религией, но не об отсутствии целесообразности их сравнительного анализа. Кроме того, неклассический этап рациональности постулирует не только обусловленность познавательного результата способом его получения, но и относительность истины вне зависимости от самого этого способа. Вследствие этого закладывается установка на возможность и взаимодополнительность различных путей освоения действительности, в том числе науки и религии.

В неклассике деятельностный компонент познания (то есть способность знания служить не только отражением мира, но и его преобразованием), будучи впервые по-настоящему осознанным, становится значимым для характеристики дискурсов, претендующих на понимание и объяснение мира. Варианты независимости имеют существенное сходство: в них фиксируется несхожесть методов науки и религии, которые приводят к зачастую несопоставимым познавательным результатам, поскольку относятся к различным областям познания (Барбур 2000: 100). В свою очередь, Степин обращает внимание на то, что классический принцип «теории соответствия» (то есть принцип, согласно которому с познавательной точки зрения предпочтительнее теория, которая наиболее адекватно отражает объект своего исследования) сменяется установкой на внутреннее совершенство теории (Степин 2000). Этот признак может быть присущ не только системе научных утверждений; религиозные доктрины тоже могут быть оценены с позиции внутреннего совершенства, под которым понимается возможность исходя из минимального набора предложений объяснить максимальное число явлений. Более того, соответствующий потенциал религии в сравнении с научным может быть даже выше. Этому способствует единство или взаимопроникновение философской и религиозной традиций (например, астика в индийской философии, исламская философия, патристика и схоластика). Кроме того, в отношении религии говорить о применении гипотез *ad hoc*, вредящих внутреннему совершенству теории, труднее, чем в отношении науки: презумпция существования Бога обеспечивает объяснение значительного массива фактов; попыткой такого рода является «Бог белых пятен» – концепция, которая вызывающие затруднения научные проблемы разрешает Божественным вмешательством (Барбур 2000: 27). Таким образом, реализация принципа внутреннего совершенства теории вполне

может быть одной из предпосылок перехода к вариантам взаимодействия науки и религии.

Постнеклассическая рациональность: взаимодействие науки и религии

Существенной чертой постнеклассики (постнеклассической рациональности) является усиление значимости ценностных характеристик знания. В постнеклассической науке идеал емкой, внутренне согласованной теории дополняется новыми свойствами. Интерес к ценностно-целевым структурам субъекта связан с осознанием социокультурной детерминации знания в постпозитивизме, пониманием субъекта не как данности, а как конструируемого и воспроизводимого продукта социальной общности, чьи ценностно-целевые установки с необходимостью влияют на познавательный результат.

Примечательна фиксируемая консолидация аксиологических аспектов в культуре: целенаправленное изучение связей внутринаучных ценностей с внеучными (в частности, религиозными) возникает именно в указанный период. Типичными становятся также междисциплинарные исследовательские программы, в которых междисциплинарные общности выступают своеобразным коллективным субъектом познания (Степин 2012). Все это создает предпосылки для взаимодействия разных познавательных дискурсов, то есть генерирования совместных эпистемических проектов. В ряде таких проектов взаимосвязи науки и религии подвергаются детальному рассмотрению в силу того, что в постнеклассике целевая причинность оказывается элементом не только религиозного, но и научного мировоззрения. То же самое происходит и с гуманистическими ценностями: изначально олицетворяемые религией, а также светской этикой, они реализуются как часть научного дискурса, например в виде этических комитетов.

Уравнение эпистемических дискурсов, ориентация на плюрализм приводят к многообразию способов взаимодействия науки и религии. Отметим выделяемые Хотом (контакт, сопричастность) и Барбуrom (гармония, диалог, интеграция) подходы. *Контакт* предполагает религиозную интерпретацию научных фактов. По утверждению Хота, это не самый плодотворный тип научно-религиозного соотношения: научные данные постоянно уточняются, и не способствует укреплению религиозных положений. Более перспективна, по мнению исследователя, *сопричастность*¹: она фиксирует, что на глубоком уровне религия поддерживает жажду познания, составляющую сущность науки (Haught 1995: 21).

Сходная идея транслируется Барбуrom в понятии гармонии (тем не менее, в рамках теории Барбура оно не может быть отнесено к постнеклассике

¹ Ранее термин «confirmation» переводился не как «сопричастность», а как «подтверждение»; попытка такого рода существует только в виде сноски в произведении другого автора (Барбур 2000: 91). Между тем *подтверждение* скорее соответствует хотовскому *контакту*, хотя автор понятия предостерегал и от такого словоупотребления (Haught, 1995). Термин «сопричастность» выбран как предполагающий соотнесенность с основаниями.

хронологически). Если сопричастность предстает религиозной убежденностью в разумном устройстве мира, которая имманентна идее науки, то гармония – это, прежде всего, исторический этап, иллюстрируемый мыслями Кеплера, который сочетал в представлениях «о “тайне чисел”, “музыке сфер” и “Боге как вечном геометре” ... как эстетические и религиозные, так и научные мотивы» (Барбур 2000: 11). *Интеграция* Барбура близка понятию гармонии тем, что соединяет науку и религию в едином мировоззренческом комплексе. Барбур выделяет три варианта интегративных теорий: *естественное богословие*, где существование Бога выводится из доказательств существования замысла природы, которые наука делает еще более убедительными; *богословие природы*, где основные источники богословия – за пределами природы, но научные теории влияют на интерпретацию определенных доктрин, особенно касающихся человеческой природы; *систематический синтез*, где наука и религия включаются во всеобъемлющую метафизику, в развитие которой они обе вносят свой вклад.

Попытки совмещения креационизма и неodarвинизма суть не что иное, как интегративные теории. Примечательно, что эти подходы (например, *союз* у Хота (Хот 2011)) также соотносимы с постнеклассическим этапом развития рациональности, поскольку само их существование – реализация идеи свободного диалога между разными дискурсами.

Диалог оказывается менее тесным взаимодействием, чем интеграция. Он фиксирует возможность и необходимость согласования познавательных результатов науки и религии в основных положениях (например, происхождения Вселенной) и поднимаемых наукой пограничных (в том числе онтологических) вопросах, на которые она не в состоянии ответить (Барбур 2000). Все приведенные варианты научно-религиозного взаимодействия могут быть поняты как следствие установок постнеклассической рациональности, которая выходит за рамки исключительно сциентистского сценария.

* * *

Определения рациональности, фиксируемые на классическом и неклассическом этапах становления рациональности в концепции теоретического знания Степина, исключают религию в качестве равноценного науке способа познания. Однако постнеклассика создает условия для их продуктивного взаимного обмена данными, потому что рациональность в этот исторический период предстает как множественная, то есть как возможность сосуществования разных рациональностей, и уходит в прошлое демаркация рациональных и нерациональных форм осмысления действительности. Таким образом, обращение к выделенным Барбуром и Хотом способам отношения науки и религии позволяет обозначить вероятные исторические векторы их взаимосвязи: от конфликта в классике через независимость в неклассике к взаимодействию в постнеклассике.

Различие в способах познания отражает несхожесть эпистемических позиций: в гносеологическом измерении научная рациональность, в осно-

ве которой находится разум, противостоит религиозной иррациональности, в основе которой – вера.

Однако в онтологическом измерении обе эти когнитивные практики имеют общий постулат разумности (упорядоченности) мироздания. Историко-теоретическая рефлексия рационального и нерационального заключена в переходе от гносеологического измерения рациональности к онтологическому, что сопровождается появлением новых познавательных возможностей: сначала для науки (классическая рациональность), затем еще и для религии (неклассическая рациональность) и, наконец, для взаимодействия науки и религии (постнеклассическая рациональность).

Различие двух измерений рациональности (гносеологического и онтологического) позволяет фиксировать общность не всегда явно осознаваемых предпосылок науки и религии: оба эти пути познания исходят из общего интервала, разумной устроенности мира; но в случае науки разумность мироустройства подтверждается наличием универсальных законов природы, а в случае религии – наличием общезначимых Божественных законов, что и определяет главное их отличие в эпистемическом измерении. Интервальный подход фиксирует упорядоченность мира как общий интервал науки и религии. Данный метод совершает это синхронически, то есть вне исторических трансформаций рациональности, понятой как правила научного или религиозного дискурса. Диахронический, то есть континуальный, подход представляет собой необходимое дополнение, которое позволяет говорить о науке и религии не как о застывших вневременных формах, а как о подверженных изменениям способах организации содержания, вырабатываемого в процессе взаимодействия с действительностью. В этом смысле континуальный (непрерывно становящийся) характер истины совпадает с континуальным характером рациональности, потому что истина предстает как то, что достигается в процессе корректного применения рациональных практик.

Таким образом, совмещение гносеологического и онтологического измерений рациональности отчасти происходит в рамках интервально-континуального подхода, где истины науки и религии являются не только равноценными, но и принципиально сопоставимыми в процессе уточнения вопроса о причинах и целях мироздания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Барбур И. 2000. Религия и наука: история и современность. М. : Библейско-богослов. ин-т св. апостола Андрея. 430 с.

Бэкон Ф. 1971. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М. : Мысль. 590 с.

Гайденко П.П. 2006. Христианство и генезис новоевропейского естествознания // Наука и религия. Междисциплинарный и кросс-культурный подход. М. : Канон + : РООИ «Реабилитация». С. 79–119.

Карнап Р. 1993. Преодоление метафизики логико-методологическим анализом языка / пер. А.В. Кезина // Вестн. Моск. гос. ун-та. Серия 7 «Философия». № 6. С. 11-26.

Касавин И.Т. 2006. О возможности нового направления исследований «Science & Spirituality» // Наука и религия. Междисциплинарный и кросс-культурный подход. М. : Канон + : РООИ «Реабилитация». С. 5-10.

Крафт В. 2003. Венский кружок: возникновение неопозитивизма. М. : Идея-Пресс. 217 с.

Кьеркегор С. 2005. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам». СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та. 680 с.

Лазарев Ф.В., Лебедев С.А. 2005. Проблема истины в социально-гуманитарных науках: интервальный подход // Вопр. философии. № 10. С. 95115.

Никифоров А.Л. 2008. Понятие истины в теории познания // Понятие истины в социогуманитарном познании / отв. ред. А.Л. Никифоров. М. : Ин-т философии РАН. С. 5-29.

Степин В.С. 2012. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Вопр. философии. № 5. С. 18-25.

Степин В.С. 2000. Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция. 744 с.

Фома Аквинский. 2011. Сумма теологии. Ч. 2–2. Вопр. 1–46. Киев : Ника-Центр. 576 с.

Хот Дж. 2011. Бог после Дарвина. Богословие эволюции. М. : Библийско-богослов. ин-т св. апостола Андрея. 236 с.

Forrest P. 2014. The Epistemology of Religion [Электронный ресурс] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2014/entries/religion-epistemology> (дата обращения: 15.01.2017).

Haught J.F. 1995. Science and Religion: From Conflict to Conversation. New York : Paulist Press. 227 p.

N. Tarabanov, E. Gizbrekht. Ratsional'nost' v nauke i religii: interval'no-kontinual'nyy podkhod [Rationality in science and religion: interval-continual approach], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 21–34. (in Russ.).

Nikolay A. Tarabanov, Candidate of Philosophy, Assistant Professor, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia. E-mail: nikotar@mail.tsu.ru

Evgeniya S. Gizbrekht, Student, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia. E-mail: ev.gizbrekht@gmail.com

Article received 30.01.2018, accepted 15.03.2018, available online 29.12.2018

RATIONALITY IN SCIENCE AND RELIGION: INTERVAL-CONTINUAL APPROACH

Abstract. The issue of hierarchical organization of cognitive practices – revealed by postmodernist critics – still influences on the interaction between science and religion. The formation of new (post-narrative) type of coexistence between discourses is important for the problem of correlation between scientific and religious ways of knowing the world. The problem can be considered through the analysis of historical interactions between science and religion in the light of the concept “rationality”. We investigate the question of possible definitions of rationality in different cognitive practices by the comparative and conceptual analysis of the Stepin’s conception of historical change of scientific types of rationality (classical, nonclassical, and post-nonclassical), as well as the ways of relation between science and religion in Haught’s (conflict, contrast, contact, collaboration) and

Barbour's (conflict, independence, harmony, dialogue, integration) conceptions. The "classical rationality", in this analysis, is appeared to be as producing the conflict between science and religion, the "nonclassical rationality" – as founding their independence (contrast), and the "post-nonclassical rationality" – as enabling the active interaction between them in different ways (contact, collaboration, dialogue, integration). We explain the historical change of types (or ways) of relation between science and religion from the point of interval-continual approach, which combines the view on continual nature of truth with the idea of truth as revealing exclusively within a certain conceptual and theoretical interval. Thus, the dialectic of rational and non-rational is appeared to be as historical change of types of relation between science and religion. We conclude that the development of the dialectic goes from the hypostatization of epistemological dimension of rationality to the recognition of ontological dimension of rationality. That is why interval-continual approach can be used as epy theoretical basis for a description of possible ways of relationship between science and religion.

Keywords: faith, interval-continual approach, rationality, reason, religion, science, truth.

References

Bakon F. *Sochineniya*. V 2 t. T. 1 [Writings, in 2 vols. Vol. 1], Moscow, Mysl', 1971, 590 p. (in Russ.).

Barbour I.G. *Religiya i nauka: istoriya i sovremennost'* [Religion and Science. Historical and Contemporary Issues], Moscow, Bibleysko-bogoslovskiy institut sv. apostola Andrey, 2000, 430 p. (in Russ.).

Carnap R. *Preodolenie metafiziki logiko-metodologicheskim analizom yazyka* [Overcoming metaphysics by the logical-methodological analysis of the language], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7 «Filosofiya»*, 1993, no. 6, pp. 11-26. (in Russ.).

Forrest P. The Epistemology of Religion, *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2014, available at: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2014/entries/religion-epistemology> (accessed January 15, 2017).

Gaydenko P.P. *Khristianstvo i genezis novevropeyskogo estestvoznaniya* [Christianity and the genesis of new european natural history], *Nauka i religiya. Mezhdistsiplinarnyy i kross-kul'turnyy podkhod*, Moscow, Kanon +, ROOI «Reabilitatsiya», 2006, pp. 79-119. (in Russ.).

Haught J.F. *Bog posle Darvina. Bogoslovie evolyutsii* [God After Darwin: A Theology of Evolution], Moscow, Bibleysko-bogoslovskiy institut sv. apostola Andrey, 2011, 236 p. (in Russ.).

Haught J.F. *Science and Religion: From Conflict to Conversation*, New York, Paulist Press, 1995, 227 p.

Kasavin I.T. *O vozmozhnosti novogo napravleniya issledovaniy «Science & Spirituality»* [On the possibility of a new direction of research «Science & Spirituality»], *Nauka i religiya. Mezhdistsiplinarnyy i kross-kul'turnyy podkhod*, Moscow, Kanon +, ROOI «Reabilitatsiya», 2006, pp. 5-10. (in Russ.).

Kierkegaard S. *Zaklyuchitel'noe nenauchnoe posleslovie k «Filosofskim krokham»* [The final unscientific afterword to the «Philosophical Crumbs»], St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2005, 680 p. (in Russ.).

Kraft V. *Venskiy kruzhok: vznikovenie neopozitivizma* [Vienna circle: the emergence of neopositivism], Moscow, Ideya-Press, 2003, 217 p. (in Russ.).

Lazarev F.V., Lebedev S.A. *Problema istiny v sotsial'no-gumanitarnykh naukakh: interval'nyy podkhod* [The problem of truth in the social sciences and humanities: the interval approach], *Voprosy filosofii*, 2005, no. 10, pp. 95-115. (in Russ.).

Nikiforov A.L. *Ponyatie istiny v teorii poznaniya* [The concept of truth in the theory of knowledge], A.L. Nikiforov (ed.) *Ponyatie istiny v sotsiogumanitarnom poznanii*, Moscow, Institut filosofii RAN, 2008, pp. 5-29. (in Russ.).

Stepin V.S. *Nauchnaya ratsional'nost' v tekhnogennoy kul'ture: tipy i istoricheskaya evolyutsiya* [Scientific rationality in technogenic culture: types and historical evolution], *Voprosy filosofii*, 2012, no. 5, pp. 18-25. (in Russ.).

Stepin V.S. *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical knowledge], Moscow, Progress-Traditsiya, 2000, 744 p. (in Russ.).

Thomas Aquinas. *Summa teologii. Ch. 2-2. Vopr. 1-46* [Summa Theologica, pt. 2-2, questions 1-46], Kiev, Nika-Centr, 2011, 576 p. (in Russ.).

Кусенко О.И. К истокам русской философской итальянистики // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2018. Т. 18, вып. 4, с. 35–54.

УДК 1(091)(450)

DOI 10.17506/ryipl.2016.18.4.3554

К ИСТОКАМ РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ИТАЛЬЯНИСТИКИ

Ольга Игоревна Кусенко

кандидат философских наук,
научный сотрудник сектора истории
западной философии Института философии РАН,
г. Москва, Россия. E-mail: isafi137@gmail.com

Материал поступил в редколлегию 21.05.2018 г.

История изучения итальянской философии в России имеет достаточно долгую, однако не слишком насыщенную событиями судьбу. Италия, ее прошлое, ее культура стали предметом пристального внимания отечественных специалистов, в то время как итальянская философская мысль представлена в научной литературе весьма фрагментарно. В настоящей статье автор обращается к истокам исследований итальянской философии отечественными учеными: описывает спор Бориса Яковенко с Бенедетто Кроче о существовании и положении русской философии и намечает линии критического рассмотрения итальянских историко-философских трудов Владимира Эрн. Анализируя работы Эрн об Антонио Розмине-Сербати и Винченцо Джоберти, автор приходит к выводу, что в этих монографиях он предстает скорее как оригинальный мыслитель, обосновывающий свою собственную программу, нежели как объективный и беспристрастный исследователь. В поисках аргументов автор обращается к тексту магистерской диссертации Джованни Джентиле и к современным критическим публикациям итальянских авторов, посвященным изучению творчества Розмине и Джоберти. Кроме этого, предлагаемая статья отправляет к основным философским направлениям и концепциям итальянского Рисорджименто и к насыщенной интеллектуальной атмосфере Италии начала XX в. – времени возникновения различных философских сообществ, объединений, периодических изданий и появления целой плеяды выдающихся итальянских мыслителей.

Ключевые слова: итальянская философия, русская философия, В.Ф. Эрн, Б.В. Яковенко, Б. Кроче, А. Розмине-Сербати, В. Джоберти, Дж. Джентиле, исследования итальянской философии в России.

Диалог между Россией и Италией на протяжении многих веков шел очень интенсивно. Рим, Италия всегда имели для русских особое значение, играли важную роль в духовной истории нашей страны и наложили неповторимый отпечаток на творчество многих русских художников. Известный

культуролог и мыслитель Владимир Вейдле писал: «Если б я ее (Италию. – О.К.) на пороге юности не встретил, не стал бы я тем, кем я стал» (Кара-Мурза 2016: 474). Действительно, Италия открывала душе эталонную высоту эстетического. Покидая ее (особенно после продолжительного вдумчивого путешествия), русский человек сохранял в себе это гумилевское шестое чувство. Однако в плане сугубо философском с Италией у России складывались непростые отношения. Так повелось, что если увлекаешься музыкой, куда ехать поучиться, вдохновиться? – конечно, в Италию. Интересно театр? – Италия. Художник, хочешь стать настоящим мастером? Обязательно поезжай в Италию: там ждут Микеланджело и Тинторетто, Беллини и Леонардо, Джотто и Мазаччо, чтобы посвятить в тайны красок и гениальности. А если изучаешь философию, зачем в Италию? Для философских занятий и контактов есть места поинтереснее: Германия, Франция, наконец Англия и Швейцария, но никак не Италия. Таково было и таким остается распространенное мнение о философском потенциале этой страны. Еще в 1915 г. Эрн в своей речи перед защитой диссертации «Розмини и его теория знания»¹ в Московском университете, сетуя на столь «странное пренебрежение» (Эрн 1915: 242) итальянской мыслью, указывал, что «Розмини и следующие за ним итальянские мыслители должны занять по праву принадлежащее им место, и несправедливость, допущенная в отношении к ним обозревателями новейшей философии, не должна иметь более продолжения» (Эрн 1915: 242-243). Столетие минуло с тех пор, однако ситуация с исследованием итальянской философии, насколько можно видеть, ничуть не изменилась.

Интерес к итальянской мысли возникает в России в начале XX столетия. В это время в обеих странах происходят важные философские события, появляется большое количество интеллектуалов, обладающих задатками выдающихся мыслителей. Эти молодые люди живо следили за философскими новинками Европы и Нового Света, создавая различные сообщества, объединяясь на страницах философских периодических изданий для обсуждения собственных идей. В Италии к этой новой плеяде философов относились Б. Кроче, Дж. Джентиле, Дж. Папини², Дж. Вайлати³, Э. Буонаюти⁴, А. Джемелли⁵, П. Мартинетти⁶, Дж. Ренци⁷ и др. Они ви-

¹ В 2010 г. сочинение Эрна о Розмини впервые вышло на итальянском языке под редакцией Р. Адзаро-Пульвиренти (См.: Эрн 1914).

² Джованни Папини (Giovanni Papini, 1881–1956) – итальянский писатель, мыслитель, поэт, литературный критик. Папини принимал активное участие в насыщенной литературной, философской и политической жизни Италии начала XX в. Один из основателей флорентийских журналов «Леонардо» и «Лачерба».

³ Джованни Вайлати (Giovanni Vailati, 1863–1909) – итальянский философ, математик, историк науки. Был последователем прагматизма и активно популяризировал это философское учение в Италии (особенно идеи Ч. Пирса и У. Джеймса).

⁴ Эрнесто Буонаюти (Ernesto Buonaiuti, 1881–1946) – итальянский мыслитель, теолог, представитель итальянского модернизма.

⁵ Агостино Джемелли (Agostino Gemelli, 1878–1959) – итальянский религиозный мыслитель, монах-францисканец, основатель Миланского университета Святого Сердца. Его большой философский проект – неосхоластический вариант интерпретации наследия Канта.

дели свою задачу в проведении философской и общекультурной реформы и преодолении провинциального характера итальянского философского процесса.

В 1906 г. во время национального философского конгресса в Болонье организуется Итальянское философское общество (*Società Filosofica Italiana*)¹ с филиалами во всех крупных городах страны. Самыми активными локальными обществами стали философская библиотека Палермо под руководством Джентиле и философская библиотека Флоренции, которая была создана в 1908 г. усилиями группы флорентийских мыслителей и литераторов (среди которых Дж. Амэндола, Дж. Вайлати, Дж. Папини, М. Кальдерони, Дж. Преццолини и др.), объединенных антипозитивистской установкой и желанием найти всеобъемлющую философскую доктрину для обновления итальянского общества. Членами данного объединения регулярно проводились семинары и конференции по актуальным проблемам философии и религии, публиковались сборники докладов, получившие широкий резонанс в Италии. Флорентийская философская библиотека примечательна также своим вниманием к русской мысли: в каталогах ее архива, хранящегося на философском факультете Флорентийского университета, можно обнаружить работы Вл. Соловьева и Н.О. Лосского. Папини и Вайлати даже начинали учить русский язык, дабы полноценно постичь богатство русской культуры (их учителем выступал поэт Ю. Балтрушайтис), но дальше общего увлечения дело не пошло.

Флоренция по праву заняла одно из центральных мест на философской карте Италии в начале XX в. Именно здесь стали выходить известные журналы «Леонардо» (*Leonardo*, 1903–1907) и «Ла Воце» (*La voce*, 1908–1916)². На страницах этих и других периодических изданий развернулась интенсивная полемика между сторонниками позитивизма, прагматизма, неокантианства, христианского спиритуализма, неотомизма, неоидеализма и других течений. Насыщенный и острый обмен идеями составлял особый колорит духовной жизни Италии начала прошлого столетия. Погрузиться в столь удивительную атмосферу, во многом схожую по накалу с философскими дебатами, происходящими в это время в России, имели возможность

⁶ Пьеро Мартинетти (*Piero Martinetti*, 1872–1943) – итальянский философ, профессор теоретической философии, представитель итальянского спиритуализма. Основатель итальянского религиозно-философского общества в Милане (1920).

⁷ Джузеппе Ренци (*Giuseppe Rensi*, 1871–1941) – итальянский мыслитель, представитель философии абсурда. Его взгляды отличаются крайним онтологическим и гносеологическим пессимизмом. В своих работах развивал открытую апологию атеизма.

¹ Инициатором создания SFI выступил Федерико Энрикес (*Federigo Enriques*, 1871–1946) – итальянский математик, философ, историк науки. Помимо многочисленных работ в области математики Энрикес известен своими трудами по эпистемологии, логике и философии науки (работы «Смысл истории научной мысли» (Болонья, 1936), «Теория научного знания от Канта до нашего времени» (Болонья, 1936) и др.).

² Об итальянских философских журналах первой половины XX в. см.: (Шевакин 2012).

Б.В. Яковенко, Вяч. Иванов, В.Ф. Эрн, Л.П. Карсавин, Ф.А. Степун и другие русские интеллектуалы, посещавшие Италию в те годы. К сожалению, большинство наших мыслителей не смогли по достоинству оценить особенности философской жизни Италии ввиду ограниченности времени и наличия обширного списка необходимых к посещению достопримечательностей.

Б. Яковенко и итальянские философы. Спор с Б. Кроче

Борис Яковенко глубже всех русских собратьев по цеху был интегрирован в итальянский философский процесс. В 1908 г., после женитьбы, Яковенко с семьей уехал в Италию. В Риме он учил итальянский язык и занимался философией. Несколько позже (в 1914 г.) Борис Валентинович прочно обосновался в Италии на целых десять лет. В живой и полемически яркой атмосфере культурной жизни этой страны он наверняка чувствовал себя как дома (в частности потому, что имела место определенная синхронизация итальянского и русского философских процессов, и прежде всего интерес к сходным философским направлениям, фигурам, идеям). Русский мыслитель общался с философами, группирующимися вокруг журналов «Леонардо» и «Воче» (с первыми разделял интерес к новому американскому прагматизму, со вторыми – стремление к перепрочтению гегельянства). Он поддерживал контакт с такими известными философами того времени, как Кроче¹, Джентиле², Бернардино Вариско³, Антонио Алиотта⁴; участвовал

¹ Письма Яковенко к Кроче (9 писем) хранятся в архиве Б. Кроче в Неаполе. Опубликованы К. Ренной. (См.: Renna 2006).

² Письма Яковенко к Джентиле (7 писем) хранятся в архиве Дж. Джентиле в Риме. Они также включены приложением в кандидатскую диссертацию К. Ренны «Итальянский период в жизни и творчестве русского философа Б.В. Яковенко», защищенную в Римском университете «Ла Сапиенца» в 2006 г. (Renna С. Il periodo italiano nella vita e nel pensiero del filosofo russo Boris V. Jakovenko / Tesi di dottorato. Università degli studi di Roma «La Sapienza». А.А. 2005/2006).

³ Бернардино Вариско (Bernardino Varisco, 1850–1933) – итальянский философ, профессор теоретической философии Римского университета «Ла Сапиенца». Прделав путь от позитивистской идейной ориентации до плюралистического спиритуализма, Вариско разрабатывал подходы для критики позитивизма, находясь при этом под достаточно сильным влиянием итальянского идеализма. Наиболее значительные работы: «Наука и мнения» (1900), «Величайшие проблемы» (1910), «Познай самого себя» (1912), «От человека к Богу» (1939).

⁴ Антонио Алиотта (Antonio Aliotta, 1881–1964) – итальянский философ, профессор теоретической философии Неаполитанского университета (1919–1951). Под руководством известного итальянского философа и психолога Франческо Де Сарло (Francesco De Sarlo, 1864–1937) освоил экспериментальную психологию, на основе которой противопоставил идеалистическим концепциям Кроче и Джентиле собственную теорию экспериментализма. Мир явленный и мир духовный составляют единство бесконечных «центров опыта», стремящихся посредством взаимных действий и реакций достигать гармонии. Будучи равно удаленным от позитивизма, с одной стороны, и борьбы с ним, развернутой, прагматистами, интуитивистами и неогегельянами, – с другой, Алиотта уделял внимание и методологическим проблемам науки, и религиозно-богословским аспектам. Наиболее известные работы – «Идеалистическая реакция на науку» (1912), «Релятивизм и идеализм» (1922), «Проблема Бога и новый плюрализм» (1924), «Жертва как мировой смысл» (1946).

во Всемирных философских конгрессах в Болонье (1911), Неаполе (1924 г.); входил в редакторский комитет итальянского издания журнала «Логос»¹; делал переводы с итальянского на русский и немецкий и с русского на итальянский, в частности перевел «Записки из подполья» Достоевского на итальянский язык.

В связи с пребыванием Яковенко в Италии хочется обратить внимание на диалог Яковенко – Кроче и спор о состоятельности русской философии. Дело в том, что Борис Валентинович как участник проекта «Логос» известен своими остро критическими выпадами, отказывая в оригинальности русской философии и в целом уничижительно высказываясь в адрес русской философской культуры, а также призывами поучиться у представителей более развитых философских традиций (в первую очередь – немецкой). Что касается Кроче, то Яковенко очень ценил итальянского мыслителя за его профессиональный, научный подход к философии и не только подготовил перевод его труда по эстетике², но и посвятил ему ряд критических работ, включая монографическое исследование на чешском языке³. Учитывая данные обстоятельства, логично предположить, что Борис Валентинович должен был согласиться со следующими суждениями Кроче о русской мысли, высказанными философом в 1918 г. в рецензии на книгу Т.Г. Масарика о русской философии: «Русский народ не создал ничего своего, он просто заимствовал немецкую философию, компилировал труды на основе рецепции английской и французской мысли. П. Лавров основывается в своих сочинениях на Прудоне, Бауэре. Михайловский повторяет все за Гегелем и Контом. Соловьев не умеет философствовать и слепо подражает Эдуарду Гартману... Никакого следа оригинальности: все эти люди не стоят того, чтобы их читать, и должны заново начать свое обучение прописным истинам философской науки, формальной логики и многим другим вещам, которые являются базовыми и очевидными для

¹ Итальянское издание «Логоса» стало выходить в Перудже под руководством Б. Вариско и А. Бонуччи в феврале 1914 г. Договариваться об издании итальянской версии журнала в 1909 г. приезжал Ф.А. Степун (на тот момент двадцатипятилетний выпускник Гейдельберга). Степун встречался с Кроче и Вариско и задержался во Флоренции, успев ознакомиться с интенсивной философской жизнью этого города. В 1916 г. издание «Логоса» в Италии было приостановлено и возобновлено в 1920 г. под руководством А. Алиотты. Секретарями редакции журнала на протяжении его существования были такие известные итальянские мыслители, как Николо Аббьяно и Микеле Федерико Шака. В 1920–1925 гг. в состав международного комитета при редакции входил Б. Яковенко.

² Кроче Б. Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика. М., 1920. Книга вышла в издательстве М. и С. Сабашниковых. К статье В.В. Сапова о Яковенко прилагается переписка Б.В. Яковенко и М.В. Сабашникова по поводу перевода и издания книги; см.: (Сапов 1994). Подробнее об истории и судьбе перевода «Эстетики...» см.: (Степанова 2007).

³ Труд Яковенко, включающий антологию избранных текстов Б. Кроче под рабочим названием «Бенедетто Кроче: философия абсолютного историцизма: Антология» не был опубликован при жизни автора. В настоящее время ведется его подготовка к печати.

европейской философской традиции» (Croce 1950: 278)¹. Но Яковенко категорически не согласен с подобной оценкой и публикует на итальянском языке работу «Русские философы. Очерк истории русской философии»². Книга увидела свет во Флоренции в 1927 г. Написана она, очевидно, раньше, но были сложности с публикацией. Предисловие к книге носит остро полемический характер, Яковенко прямо обращается к Кроче и пишет следующее: «Я был глубоко потрясен и огорчен, прочитав эти строки. Все не потому, что обиделся на слова о дорогой мне русской философии... Скорее, я был потрясен тем, что увидел, как Кроче, которого я считал вдумчивым ученым и серьезным исследователем в лучшем смысле этих слов, позволил себе поддаться эмоциям до такой степени, что стал рассуждать столь поверхностно и забывать – кто знает почему – о доводах разума» (Яковенко 2016: 240). Борис Валентинович критикует позицию Кроче по отношению к русской мысли, апеллируя к собственной научной платформе последнего. Ведь Кроче определяет философию как методологию истории и называет свою концепцию «абсолютный историцизм». Вслед за Дж. Вико и Ф. Де Санктисом³ Кроче утверждает, что философия есть критический ответ конкретных людей на конкретные исторические проблемы и вызовы. Философия активно участвует в непрекращающемся творении мира, в человеческой практике и предлагает решение насущных проблем. Поэтому философия всегда абсолютно исторична. Здесь необходимо отметить, что в философии Кроче (взятой в ее долгом пути и развитии) отношения между идеализмом и историцизмом всегда были достаточно сложными. Утверждение, согласно которому «жизнь и реальность суть история и ничего кроме истории» (Croce 1978: 59), входит в противоречие с другим важным для Кроче принципом, по которому реальность состоит из вечных непреходящих категорий, не могущих принимать участие во временном и становиться историей. Тем не менее преимущественное внимание в своих работах итальянский философ обращал на динамику общественного развития, что было, безусловно, связано с его интересами как историка. Причем главный упор им делался, как правило, на изучении сферы духовной жизни общества. Точная фик-

¹ Данные мысли Б. Кроче высказал в статье-рецензии на две книги об истории русской мысли, одна из которых – уже к тому моменту переведенная, но не опубликованная на итальянском языке монография Т.Г. Масарика «Россия и Европа». Книга была переведена на итальянский Этторе Ло Гатто в 1918 г., но Кроче заблокировал ее публикацию. В итальянском переводе «Россия и Европа» все же увидела свет в 1922 г. в издательстве Института Восточной Европы.

² Jakovenko B. *Filosofi russi: Saggio di storia della filosofia russa*. Firenze: La voce, 1927. Книга Яковенко стала настоящим событием для итальянских исследователей, интересующихся русской философией, ведь в Италии в то время не было работ обобщающего характера, дающих целостное представление об основных идейных течениях русской мысли.

³ Франческо Де Санктис (Francesco de Sanctis 1817–1883) – итальянский философ, политик, литературный критик. Известный труд Де Санктиса «История итальянской литературы» (1870–1871) соединял в себе литературоведческое исследование (начиная со Средних веков и заканчивая XIX в.) с историей идей и развития национального итальянского самосознания.

сация и осмысление конкретных исторических явлений Духа составляет значительную часть наследия Кроче. В случае с русской историей и мыслью итальянский философ взялся за область, им доподлинно не изученную, что исключает возможность каких бы то ни было строгих суждений и верных выводов. Приводя примеры из русской истории, Яковенко говорит о том, что народу, свергнувшему татаро-монгольское иго, остановившему Наполеона, давшему миру Достоевского и Толстого, нельзя отказать в наличии собственной духовной культуры и собственных идей. Затем, защищая русских философов от упрека в несоблюдении законов формальной логики, Яковенко (в общем-то сам не раз предъявлявший своим философским соотечественникам сходные претензии) пишет, что «наука и формальная логика не выдерживают испытания перед глубиной философского анализа» (Яковенко 2016: 241), и в отказе русских философов от строгого рационально-логического мышления видит стремление к нахождению новых путей ответа на вечные вопросы. Наконец, отсутствие у русской мысли оригинальности Борис Валентинович справедливо объясняет молодостью национальной философской традиции и, переадресовывая подобный упрек самому Кроче и всему новейшему европейскому философскому процессу, говорит буквально следующее: «Последние восемьдесят лет после Гегеля и Розмини все философы только тем и занимались, что более или менее успешно реанимировали старые идеи. В этом отношении и сам Б. Кроче пребывает отнюдь не в лучшем положении, чем те русские собратья, над которыми он с легкостью иронизирует» (Яковенко 2016: 242).

Весьма вероятно, что обширное обобщающее исследование Яковенко по истории отечественной философской мысли XVIII – первой трети XX в. не вышло бы в свет, не опубликуй Кроче критическую статью, вызвавшую значительный резонанс в среде русскоязычного и русофильского населения Италии. Взгляд Бориса Валентиновича на историю русской мысли в этой работе стал мягче и в хорошем смысле «плюралистичнее», определенная доля воинственности, свойственная суждениям Яковенко периода московского «Логоса», совершенно «растворилась» в этом взвешенном зрелом исследовании, исключительной особенностью которого является историографическая объективность, четкая фиксация философских позиций рассматриваемых им авторов и постоянное обращение к первоисточникам.

Борис Яковенко блестяще состоялся как медиатор между философской Россией и Италией. Помимо важной работы по подготовке объективных сведений о русской философской мысли для итальянской публики он впервые предоставил русским читателям полноценную информацию о традиции итальянской философской мысли XIX – начала XX в. в обзорной статье, опубликованной в русской версии журнала «Логос» за 1910 г. (Яковенко 1910). Данный обзор, пожалуй, лучшее из всего, что до сих пор написано про итальянскую философию в нашей стране. Он представляет собой настоящий концентрат фактов и верно схваченных взаимосвязей. Изучая этот небольшой, но очень густой текст, можно почерпнуть множество тем для перспективных исследований итальянской мысли. Последнее, по предположению самого Б.В. Яковенко, сделал его философский оппонент В.Ф. Эрн.

В примечаниях к указанному выше предисловию к итальянскому изданию труда «Русские философы» Яковенко пишет: «Я был первым в России (1910), кто открыл учения Розмини и Джоберти, и, вообще, новую итальянскую философию. Этим я обратил на нее внимание В. Эрна, который потом опубликовал две книги – по философии Розмини (1914) и Джоберти (1916)» (Яковенко 2016: 242). Борис Валентинович подробно изучал труды А. Розмини: осенью 1913 г. готовился читать доклад о нем в Московском психологическом обществе и намеревался дать обзор основных его положений в «Вопросах философии и психологии». О своих исследованиях и планах он поведал Эрну в письме от тринадцатого мая 1913 г., закончив послание следующими словами: «Мне не думается, чтобы эти мои планы были для Вас помехой в каком-либо отношении. Но мне хотелось бы услышать по этому поводу Ваше собственное мнение» (Кейдан 1997: 446). Мнение Эрна нам неизвестно, возможно, оно было выражено в устной форме при одной из личных встреч двух мыслителей. Работу о Розмини Яковенко, по всей вероятности, не завершил, переключившись на обзор крайне увлекшей его американской философии (Яковенко 1913).

Между тем убежденности Яковенко в своем историко-философском первенстве явно противоречит одно обстоятельство, на которое указывают отечественные исследователи творчества Эрна. Так, О.А. Жукова пишет: «Итальянская философия привлекла внимание Эрна уже на рубеже 1909–1910 гг. В “Новом энциклопедическом словаре” в 1910 г. выходят две его статьи “Джоберти” и “Итальянская философия”» (Жукова 2016: 83). В Приложении V («Материалы к библиографии В.Ф. Эрна»)¹ в антологии «В.Ф. Эрн в pro et contra» (СПб., 2006) обе энциклопедические статьи также датированы 1910 г. Наконец, в каталоге Российской государственной библиотеки обнаруживаем, что вместо точных дат публикации шестнадцатого и девятнадцатого томов «Нового энциклопедического словаря» (Брокгауза и Эфрона) стоят знаки вопроса. Внимательно читаем саму статью «Джоберти» и в библиографическом приложении находим работу итальянского историка философии Эдмондо Солми² «Винченцо Джоберти в 1848 г.: из неопубликованной переписки» (Solmi 1912), увидевшую свет в Риме в сентябре 1912 г. С одной стороны, эта нехитрая находка указывает на ошибочность датировки статей Эрна и, следовательно, опровергает тезис о том, что русский мыслитель обратился к основательному изучению итальянской философии еще на рубеже 1909–1910 гг. С другой стороны, само содержание статьи о Джоберти явно свидетельствует о том, что перед нами уже знающий специалист, проделавший значительную работу по сбору и анализу материала во время своей итальянской стажировки. Мысль Яковенко о некотором идейном заимствовании Эрна остается весьма примечательным историко-философским фактом, который, однако, несколько не умаляет значение трудов Владимира Францевича, к итальянским работам которого мы далее и обратимся.

¹ См.: (Ермичев 2006: 1020).

² Эдмондо Солми (Edmondo Solmi, 1874–1912) – исследователь итальянской философии эпохи Возрождения, XVII в. и философских направлений эпохи Рисорджименто (в частности, трудов В. Джоберти и Дж. Мадзини).

**А. Розмини и В. Джоберти в работах В. Эрн.
К постановке проблемы**

Исследования итальянской мысли В.Ф. Эрн прочно вошли в анналы русской философской италянистики как первые (и на настоящий момент единственные) русскоязычные монографии, посвященные ключевым итальянским мыслителям эпохи Рисорджименто. Для сбора материала и написания своих работ Эрн в апреле 1911 г. уезжает с семьей в Италию (накануне отъезда выходит сборник его статей «Борьба за Логос», вызвавших оживленную полемику среди русских интеллектуалов) и обосновывается на два года в Риме. Об этом периоде жизни Эрн достаточно много свидетельств, в частности им самим создан автобиографический очерк «Письма о христианском Риме», знакомящий нас с духовными и культурными предпочтениями и умонастроениями автора. Подобно тому как во время своей стажировки Эрн в своих вдумчивых прогулках предпочитает уходить от Рима современного и от Рима барокко вглубь, в прохладу раннехристианских катакомб, так и в своих историко-философских исследованиях он отворачивается от современного ему философского «бурления» Италии и обращается к итальянской мысли первой половины девятнадцатого столетия, к двум основным философским фигурам того времени: Винченцо Джоберти и Антонио Розмини-Сербати. Жили и творили оба мыслителя (они почти ровесники, Розмини старше Джоберти всего на четыре года) как раз в ту эпоху, когда итальянский «сапожок» из лоскутного стал практически цельным. И Розмини, и Джоберти самым конкретным образом поучаствовали в процессе объединения Италии: своими философскими трудами, политической и священнической деятельностью (оба были священниками, представителями так называемого католического либерализма¹).

Большинство итальянских историков философии сходятся во мнении, что именно в лице Розмини итальянская философия вернула себе былую славу: после эпохи Возрождения, итальянских гуманистов, яркой социально-политической мысли Макиавелли и трудов Гвичардини итальянский философский гений ненадолго вспыхивает в XVIII в. в трудах Вико, чтобы, наконец, во второй половине XIX в. в полной мере снова заявить о себе в трудах Роверетанца². Розмини тщательно изучает все философские новинки Европы, подробно их анализирует, критикует, видя свое

¹ Католический либерализм этих мыслителей, конечно, далек от современных коннотаций этого внутрицерковного направления и равно далек от встраивания в бинарную оппозицию «традиционализм-либерализм». В данном случае подразумевается стремление к освобождению человеческой личности (и народа как соборной личности) от всяческих форм абсолютного внешнего давления и принуждения: идиолатрии, «статолатрии» и пр. Подробнее о католическом либерализме см. Antiseri D. *Il liberalismo cattolico italiano dal Risorgimento ai nostri giorni*. Soveria Mannelli, Rubbettino, 2010.

² А. Розмини-Сербати родился в городке Роверето (Трентино), где сейчас располагаются его дом-музей, библиотека и архив, открытые для всех, кто желает углубить свои знания о жизни и творчестве философа.

собственное призвание как философа служить опорой Католической церкви и христианской культуре. Масштабный философский проект Розмини – это овладение всеми частными философскими истинами и приведение их в согласие с единой христианской Первоистиной.

Такие же цели ставил перед собой и Джоберти, проповедуя в философии возврат к корням, простоте и ясности древнегреческого и христианского логоса и борьбу со всякими веяниями Нового времени. Между стремлением к целостности в философии и борьбой за национальное объединение была прямая связь. Подобно тому как оба мыслителя остро ощущали раздрганность и потерю цельности человека Нового времени и ратовали за его «реконструкцию» в свете высшего абсолютного начала, они полагали необходимым объединение Италии под верховной властью римского первосвященника, то есть объединение страны сверху: Папа должен олицетворять и светскую, и духовную власть. Рисорджименто интерпретировалось мыслителями как событие религиозное, как начало духовного обновления, когда папство станет не аристократическим и монархическим, а народным и демократическим: вернется к раннехристианскому идеалу.

Чаяния духовного обновления облеклись у Розмини и Джоберти в весьма конкретные формы. Между 1832 и 1833 гг. Розмини пишет работу «О пяти язвах Святой Церкви»¹, занесенную в 1849 г. в Индекс запрещенных книг. В каждой главе Розмини рассматривает одно из основных бедствий, постигших Католическую церковь и нарушивших ее целостность, соотнесенное с определенной язвой на теле Христа. Этими язвами являются отсутствие связи между народом и духовенством, невежество духовенства, разобщенность духовенства между собой, внутрицерковная бюрократия, стяжательство. Подробно анализируя эти проблемы, философ предлагает пути церковного обновления, благого устройства и единения клира и мира. Примерно в то же время (в 1833 г.), находясь в ссылке за пределами Италии, Джоберти подготовил для «Молодой Италии»² статью, пронизанную патриотическим и мессианским пафосом. Известный лозунг Мадзини «Бог и народ» в джобертианской интерпретации становится провозвестием новой христианской эры, в которой «Бог воплотится не в Богочеловеке, но в народе... и в довершении всего его ждет не крест, но надежное государство, вечный мир, бессмертие и слава» (Gioberti 1833: 191). Спустя десять лет в 1843 г. в Брюсселе выходит получивший широкую известность труд Джоберти «О моральном и гражданском примате итальянцев», в котором мыслитель выдвигает неогвельфскую³ концепцию объединения итальянских государств в конфедерацию под эгидой римского папы, а также

¹ См.: (Розмини-Сербати 1999).

² «Молодая Италия» – итальянская патриотическая революционная организация, основанная в 1831 г. Джузеппе Мадзини и просуществовавшая до 1848 г.

³ Неогвельфизм – культурное и политическое движение, оформившееся в католической и либеральной среде Италии в первые десятилетия XIX в., когда началось столкновение различных взглядов на процесс объединения Италии. Значительную роль в консолидации движения сыграло сочинение В. Джоберти «О духовном и гражданском первенстве итальянцев».

реанимирует миф о древней итальянской мудрости¹. Философ утверждает, что человеческая мысль развивается согласно некой идеальной формуле знания, данной Творцом, которую именно итальянские мыслители (Августин Аврелий, Бонавентура, Фома Аквинский и др.) смогли наиболее полно постичь, раскрыть в своих трудах и, что немаловажно, сохранить принципы этой формулы нетронутыми. На этой связи с божественным Логосом и зиждется величие духа итальянской нации, ее единство и ее первенство. Именно Италия, пишет Джоберти, может и должна стать ориентиром для других народов, открыть им истинное знание. Труд «О моральном и гражданском примате итальянцев» завершается обращением к итальянцам с призывом не забывать о прежней славе и о высоком всемирном предназначении, им уготованном. Книга Джоберти оказала сильнейшее влияние на общественное мнение Италии и явилась знаменем либерального католического крыла национального движения, выступавшего за объединение Италии сверху.

Зачем Эрн обращается к этим итальянским мыслителям? У Владимира Францевича была своя достаточно артикулированная философская и социально-политическая программа. В области философской это борьба против рационализма новоевропейской мысли и выявление единства русской и европейской культуры как культуры христианской, допускающей и признающей опыт разума и опыт веры, их непротиворечивость друг другу. Подобная программа как раз предполагала поиск тех фигур на Западе, которые были бы близки по своим глубинным интенциям русской мысли (той ее линии, которая не оторвана от святоотеческих корней, единых для Церкви первого тысячелетия ее существования). Социально-политические цели Эрн нашли свое выражение в непродолжительной деятельности революционного общества «Христианское братство борьбы», члены которого верили в реальность общественных перемен на основе евангельских идеалов. Программа общества была полностью построена на основополагающей для Эрн и его друга В.П. Свентицкого идее богочеловечества как залога эсхатологического освобождения в Царстве Божьем.

Открыв для себя ризорджиментальные религиозно-философские концепции и их определенное внутреннее сродство собственным академическим и христианско-революционным общественным идеям, Эрн берет Розмини и Джоберти в свои философские союзники в битве против рационализма и психологизма новоевропейской мысли. Но в Розмини (которому была посвящена магистерская диссертация «Розмини и его теория знания»,

¹ «Древняя итальянская мудрость» – мессианская утопическая концепция, идущая от античных доксографов к традиции XIV–XIX, проявившая себя также и в культуре XX в. Идею о своеобразной *philosophia perennis* поддерживает и развивает, например, Дж. Вико. В своей «Метафизической книге (О древнейшей итальянской мудрости книга первая)» (*Liber metaphysicus (De antiquissima Italorum sapientia liber primus)*) 1710 г. он предпринимает попытку реконструировать древнюю мудрость итальянского народа, который населял Италию в первое тысячелетие до Рождества Христова. Вико настаивает на том, что из этимологии латинских слов мы можем экстрагировать это философское знание. Подробнее о развитии концепта «*antiqua italorum sapientia*» см. обобщающее исследование П. Казини (Casini 1998).

защищенная в 1915 г. в Московском университете) он скоро разочаровывается как в соратнике в деле гносеологического оправдания веры отцов, считая что тот, сражаясь с новоевропейской «ересью», сам заразился от нее психологизмом, став «итальянским Кантом»¹. Эрн переключает свое внимание на Джоберти (в частности, на спор Джоберти с Розмини). Происходит это уже в той самой диссертации, посвященной Розмини: четвертая глава работы сфокусирована на учении Джоберти и на его критических замечаниях Роверетанцу. Именно в Джоберти Эрн усматривает подлинного и верного союзника. В 1916 г. должна была состояться защита его докторской диссертации о наследии этого философа. В предисловии к данному исследованию Эрн определяет свою предшествующую работу над творчеством Розмини как некую пропедевтику, необходимую для рецепции творчества Джоберти: «Настоящее исследование находится в связи с предыдущей моей работой “Розмини и его теория знания”, которую можно рассматривать, как необходимое историческое введение в обширные построения философии Джоберти» (Эрн 1916: V). За четыре дня до защиты этой работы Владимир Францевич умирает в возрасте тридцати пяти лет от долго мучившего его хронического заболевания. Возможно, если бы не столь ранний уход из жизни, Эрн закончил бы свои труды, присовокупив к ним новые исследования. Думается, они были бы весьма востребованы, так как имеющихся публикаций о Розмини и Джоберти совсем недостаточно для аутентичного восприятия этих авторов в нашей стране. Ведь после смерти Эрна фактически прекращается едва начавшаяся работа по изучению творческого наследия представителей итальянской религиозно-философской мысли эпохи Рисорджименто.

Эрн, как и любой историк философии, описывает личность мыслителя и его концепцию, но чего больше в этом описании? Весьма вероятно, что здесь избыток творческой репрезентации. Подробный критический анализ

¹ Этот взгляд на Розмини как на «итальянского Канта» или, вернее, как на «хорошо понятого Канта» и на Джоберти как на итальянского предшественника Гегеля идет от известного философа и историка Бертрандо Спавенты (Bertrando Spaventa, 1817–1882). Обосновывая свою концепцию истории европейской философской мысли и итальянской традиции как одного из принципиальных моментов ее развития, Спавента намечает следующую схему развития философии XIX в.: Кант – Розмини – Джоберти – Гегель. Розмини углубляет Канта, Джоберти доводит до конца дело Розмини и, наконец, появляется Гегель, который «исправляет» Джоберти. Так итальянская философия буквально вливается в общее русло развития европейской мысли. Этот достаточно «умышленный» концепт имел, несомненно, важное значение с общекультурной и социально-политической точки зрения: Спавента (как рисорджиментальный мыслитель) стремился показать, что едва появившееся на карте национальное государство Италия имеет давнюю историю органических спекулятивных взаимообменов с другими европейскими странами и входит в их число как равноправный интеллектуальный партнер. Вторым важным моментом в построениях Спавенты явилась задача противопоставить иную модель национальной самоидентичности популярной джобертианской теории примата итальянской нации. Подробнее см.: (Catalano 2017). Перевод первой и третьей лекций Спавенты из цикла, опубликованного под названием «Итальянская философия в ее отношении к философии европейской», см.: (Спавента 2013).

магистерской диссертации о Розмине дал учитель Владимира Францевича, профессор Лев Михайлович Лопатин¹. Добавим к его замечаниям несколько принципиальных, на наш взгляд, моментов. Действительно, Эрн в своем исследовании творчества Розмини основывается лишь на двух работах итальянского философа, а ведь он был крайне плодовитый автор, и эти труды («Новый опыт о происхождении идей» и «Теософия») – важная, но лишь малая часть его богатого и многообразного наследия. Несомненно, значимое место в данном наследии занимают работы «Аристотель, изложенный и рассмотренный», «Психология», «Логика», по которым можно составить представление о метафизике Розмини (естественным и теснейшим образом связанной с его гносеологией, о которой пишет Эрн) и о его платонизме. Кроме того, анализ философских идей Розмини по своей структуре и отдельным аргументационным положениям очень напоминает магистерскую диссертацию Дж. Джентиле, защищенную в 1897 г. и опубликованную как монографическое исследование с заголовком «Розмини и Джоберти» в 1898 г.² Вслед за итальянским философом Эрн избирает для анализа две работы Розмини «Новый опыт...» и «Теософию» и приходит к тому же выводу, что и Джентиле: Розмини в итоге принимает ту самую кантианскую точку зрения, с которой предполагал сражаться³. Дальше, подобно Джентиле, который в четвертой главе своей работы подробнейшим образом разбирает полемику Розмини и Джоберти, привлекая обширный исторический материал и прослеживая постепенное развитие их спора, Эрн также освещает основные пункты критических замечаний Джоберти. Но здесь позиции итальянского и русского интерпретаторов этой острой философской полемики расходятся. Джентиле говорит, что в споре нет ни победителей, ни побежденных, а важность самого процесса состоит в развитии спекулятивного мышления Италии. Для Эрна же в споре «явственно пульсирует вселенская

¹ См.: (Лопатин 1915).

² Эта работа Джентиле вызвала волну продолжительной полемики между религиозными и светскими розминианцами, которая едва утихла к моменту приезда Эрна в Рим. В своей работе Джентиле настаивает на том, что «Новый опыт...» Розмини должен быть прочитан как принятие (по крайней мере имплицитное) кантианского гносеологического дуализма.

³ Работа Джентиле предлагает более законченную и убедительную интерпретацию Розмини как «итальянского Канта» по сравнению с намеченной Спавентой линией. Необходимо заметить, что «мифу о Розмине» (так называет П.П. Оттонелло, современный итальянский мыслитель и историк философии, интерпретацию учения Розмини как итальянского кантизма; см.: (Ottonello 1995)) противостоит иная интерпретационная линия, идущая от современника Спавенты, историка философии и учителя Джентиле, – Донато Джая (Donato Jaja, 1839–1914). В своем труде «Критическое исследование категорий и форм бытия А. Розмини» (Болонья, 1878) Джая представляет Розмини как очевидного философского противника Гегеля, а метафизическую систему Роверетанца – как альтернативу трансцендентальному идеализму. Джентиле же сделал как бы шаг назад от своего учителя, повторив историко-философское «клише» Спавенты. Линия Джая была продолжена в трудах ученика Джентиле Микеле Федерико Шакки (Michele Federico Sciasca, 1908–1975), представителя христианского спиритуализма, и его учеников П.П. Оттонелло, М.А. Рашины, П. Прини.

значительность» (Эрн 2006: 521): Джоберти отводится роль «борца за Логос», а Розмини – роль побежденного новоевропейским психологизмом. Очевидно, что от этой бескомпромиссной бинарной оппозиции «Розмини (психологист) – Джоберти (онтологист)», прочно закрепившейся в отечественной историографии благодаря Владимиру Францевичу, необходимо отказаться. В обширной итальянской историко-философской литературе программы и взаимоотношения этих мыслителей представляются намного сложнее и неоднозначнее¹. Так, для А. Дель Ноче² мысль Розмини представляет собой метафизическую альтернативу светскому и имманентному «рисорджиментализму» Джоберти. Его «Теософия», согласно Дель Ноче, – отправная точка для восстановления значения абсолютного трансцендентного бытия и реконструкции подлинной метафизики в XX в., непревзойденная модель размежевания онтологизма и рационализма, а также концептуальная платформа для критики современного идеализма (от гегельянства до джентелианского актуализма), с одной стороны, и марксизма – с другой³.

Вероятно, подобная схема – противопоставление Розмини и Джоберти, психологизма и онтологизма – не возникла бы в работе Эрна, обратись он к обширному эпистолярному наследию Роверетанца, тринадцать томов которого были опубликованы братьями из общины «Институт христианской любви»⁴ к моменту приезда русского мыслителя на стажировку в Рим⁵. Это

¹ См.: (Intini 2002; Beschini 2003; Raschini 1966).

² Аугусто Дель Ноче (Augusto Del Noce, 1910–1989) – мыслитель католического направления, историк философии, профессор Римского университета «Ла Сапиенца». Критик атеистических, нигилистических и сциентистских философских концепций. Желая восстановить метафизическую традицию и вновь утвердить значение личности против абстрактной реальности, против чистого познания, представленного в истории философии линией, ведущей от Гегеля к Джентиле, итальянский мыслитель изучает религиозно-философскую традицию и экзистенциальную мысль. В поле его исследований попадают и русские философы (преимущественно Вл. Соловьев, Ф.М. Достоевский и Лев Шестов). Дель Ноче явился одним из первых итальянских мыслителей, показавших значение русской философии как антитезы любой форме разрушительной тоталитарной идеологии. Основные сочинения: «Проблема атеизма» (Болонья, 1964), «Секуляризация и кризис современного общества» (Неаполь, 1982), «Джованни Джентиле. К философской интерпретации современной истории» (Болонья, 1990).

³ См.: (Del Noce 1961; 1992).

⁴ Эта община была основана Розмини в 1828 г. в Пьемонте, в горном итальянском местечке Домодоссоло на границе со Швейцарией. Отцы-розминианцы активно участвуют в популяризации наследия философа не только в Италии, но и в других европейских странах. В 1966 г. по инициативе М.Ф. Шапка в городе Стреза открылся «Международный центр розминианских исследований».

⁵ Безусловная сложность обращения к этой переписке состояла в том, что вплоть до 1917 г. факт ее публикации не был широко известен. Будучи действительно заинтересованным в аутентичном представлении Розмини, Эрн мог бы, конечно, поехать к розминианцам в Институт христианской любви и взять у них консультацию: розминианцы были очень подкованы в наследии своего *padre*, в 1906 г. они начали выпускать журнал «Розминианский вестник» (выходит по сей день).

наследие высвечивает принципиальные моменты спора Розмини с Джоберти. Из писем последнего становится понятно, что он относился к Розмини с глубочайшим уважением как к своему учителю, а его критические выпады были во многом продиктованы желанием вызвать Розмини на открытое изложение своих философских идей. Дело в том, что одним из определяющих принципов для Роверетанца был принцип пассивности (ничего неделания и ожидания, пока само Провидение не призовет на какое-то дело), и без настойчивого и открытого вопрошания Джоберти, вероятно, многие мысли Розмини не легли бы на бумагу.

Необходимо отметить, что в Италии отношение к историко-философской работе Эрна весьма полемическое. Волна критики¹ поднялась после перевода его работы о Розмини на итальянский язык. В своих итальянских трудах автор «Борьбы за Логос» предстает перед нами скорее как оригинальный мыслитель, обосновывающий свою собственную программу, нежели как объективный и беспристрастный исследователь. Эрн «выборочно» воспринимал Рим; так же воспринял он и итальянских философов. В статье Сергея Аскольдова, посвященной памяти В.Ф. Эрна, есть очень верное, на наш взгляд, замечание: «Вообще не для исторических тем предназначены были интеллектуальные силы Эрна и его философский эрос. И несомненно, что именно с окончанием докторской диссертации Эрн получил бы возможность перейти к более свободной и систематической форме философского творчества. Однако этой возможностью ему не суждено было воспользоваться. Но если незаконченность философских замыслов и была уделом Эрна, то мы можем все же уверенно сказать, что и в незаконченной, эскизной форме он дал много ценного, а главное – в высокой степени идейно динамического содержания. Все написанное Эрном для нас, современников, живет и еще долго будет жить полною внутреннею жизнью, настоятельно призывая к ответу одних, поддерживая и двигая вперед других» (Аскольдов 2006: 658).

Философская итальянистика начала XX в. в работах Эрна, Яковенко, Карсавина (труды по средневековой Италии, монография о Дж. Бруно), безусловно, явилась фундаментом исследований итальянской мысли в нашей стране и вызвала интерес среди ученых. В советское время отечественными авторами (А.Х. Горфункель, А.Ф. Лосев, Н.В. Ревякина, Л.М. Брагина, Л.М. Баткин, Л.М. Абрамсон, Б.Г. Кузнецов, М.А. Гуковский, В.И. Рутенбург, Штекли А.Э.) проведены системные исследования итальянской философии эпохи Средневековья и Возрождения, социально-политической мысли Италии. Современному итальянскому философскому процессу уделено достаточно скромное внимание: вышли перевод «Хроники итальянской философии XX в. (1900–1943)» (М., 1965) известного итальянского историка философии Эудженио Гарэна (Eugenio Garin, 1909–2004), монографический обобщающий труд С.А. Эфирова «Итальянская буржуазная философия XX века» (М., 1968), исследование А.Л. Зорина «Этика итальянских неоиdealистов» (Краснодар, 1999). Опубликованы работы, посвященные творчеству

¹ См.: (Ottonello 2010; Krienke 2015).

Б. Кроче, Н. Боббио, А. Менегетти, переводы трудов Дж. Джентиле¹, Н. Аббанняно, Дж. Агамбена, У. Эко. Несмотря на отдельные, весьма ценные, труды и переводы, традиция исследования итальянской философии в нашей стране, к сожалению, до сих пор отсутствует. Для создания подобной традиции нам необходимо последовать примеру самих итальянцев, у которых на протяжении XX в. сложилась национально-своеобразная школа историко-философских исследований русской мысли².

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аскольдов С. 2006. Памяти Владимира Францевича Эрн // В.Ф. Эрн : pro et contra / сост. А.А. Ермичев. СПб. : Рус. христиан. гуманист. акад. С. 655-658.

Ермичев А.А. (сост.) 2006. В.Ф. Эрн : pro et contra / сост. А.А. Ермичев. СПб. : Рус. христиан. гуманист. акад. 1063 с.

Жукова О.А. 2016. Логос и Ratio: Владимир Эрн как исследователь европейской мысли // Филос. науки. № 2. С. 74-88.

Кара-Мурза А.А. 2016. Знаменитые русские о Флоренции. М. : Изд-во Ольги Морозовой. 639 с.

Кейдан В.И. (сост.) 1997. Взыскующие града. Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках современников. М. : Шк. «Яз. рус. культуры». 745 с.

Кусенко О.И. 2018. Историко-философские исследования русской мысли в Италии (XX–XXI вв.). М. : Ин-т философии РАН. 210 с.

Лопатин Л.М. 1915. По поводу сочинения В.Ф. Эрн «Розмини и его теория знания. Исследование по истории итальянской философии XIX столетия» // Вопр. философии и психологии. № 127 (2). С. 268-282.

Розмини-Сербати А. 1999. О пяти язвах Святой Церкви / пер. с итал., вступ. ст. и коммент. Н. Ладариа. Тбилиси : Бакур Сулакаури. 175 с.

Сапов В.В. 1994. Рыцарь философии. Штрихи к портрету Б.В. Яковенко // Вестн. Рос. акад. наук. Т. 64, № 8. С. 753-760.

Спавента Б. 2013. Итальянская философия в ее отношении к философии европейской / пер. с итал. Ю.Г. Россиус // Филос. журн. № 2. С. 54-69.

Степанова Л. 2007. Б.В. Яковенко как переводчик: к истории первого русского издания «Эстетики» Кроче // Вопр. лит. № 1. С. 318-341.

Шевакин Г.Г. 2012. Итальянские философские журналы первой половины XX в. // Историко-философский ежегодник, 2011. М. : Ин-т философии РАН. С. 268-277.

Эрн В.Ф. 1914. Розмини и его теория знания : Исследование по истории итальянской философии XIX столетия. М. : Путь. 296 с.

Эрн В.Ф. 1915. Место Розмини в истории философии // Вопр. философии и психологии. № 127 (2). С. 242-250.

¹Что касается Джентиле, то его творчество до последнего времени находилось под запретом, так как связывались исключительно с текстом «Доктрины фашизма». Только в конце 1990-х гг. в России началась публикация его произведений и критической литературы о нем. Переводом трудов Джентиле и исследованием его творчества занимается профессор Краснодарского университета Александр Леонидович Зорин. С 2008 по 2012 г. в его переводе и с его комментариями вышло шесть томов избранных философских произведений Дж. Джентиле.

²Подробнее об итальянской традиции исследования русской философии см.: (Кусенко 2018).

- Эрн В.Ф. 1916. *Философия Джоберти*. М. : *Путь*. 351 с.
- Эрн В.Ф. 2006. Спор Джоберти с Розмини // В.Ф. Эрн : pro et contra / сост. А.А. Ермичев. СПб. : Рус. христиан. гуманист. акад. С. 521-537.
- Яковенко Б.В. 1910. *Итальянская философия последнего времени*. Обзор // *Логос*. Кн. 2. С. 259-285.
- Яковенко Б.В. 1913. *Современная американская философия*. Обзор // *Логос*. Кн. 3-4. С. 269-343.
- Яковенко Б.В. 2016. Предисловие [к книге «Русские философы. Очерк истории русской философии»] / пер. с итал. К.В. Артём-Александров // *Вестн. Рус. христиан. гуманист. акад.* № 3. С. 240-243.
- Beschin G. (ed.) 2003. *Rosmini e Gioberti: pensatori europei*. Brescia : *Morcelliana*. 436 p.
- Casini P. 1998. *L'antica sapienza italica. Cronistoria di un mito*. Bologna : *Il mulino*. 373 p.
- Catalano S. 2017. *Bertrando Spaventa: Storiografia e identità nazionale tra Rinascimento e Risorgimento* // *Rosmini Studies*. № 4. P. 307-322.
- Croce B. 1950. *Il pensiero russo secondo due libri recensiti* // *L'Italia dal 1914 al 1918: pagine sulla guerra*. Bari : *Laterza*. P. 276-283.
- Croce B. 1978. *La storia come pensiero e come azione*. Roma : *Laterza*. 324 p.
- Del Noce A. 1961. *Per una interpretazione del Risorgimento. (Il pensiero politico del Gioberti)* // *Humanitas*. № 1. P. 16-40.
- Del Noce A. 1992. *Da Cartesio a Rosmini* // *Scritti vari, anche inediti, di filosofia e storia della filosofia*. Milano. P. 531-552.
- Gioberti V. 1833. *Ai compilatori della Giovane Italia* // *La Giovine Italia : Serie di scritti intorno alla condizione politica, morale, e letteraria della Italia, tendenti alla sua rigenerazione*. Marsiglia. P. 180-199. Авт. указан под псевд. Demofilo.
- Intini D. 2002. *La controversia fra Rosmini e Gioberti*. Stresa : *Sodalita*. 110 p.
- Krienke M. 2015. «Logos» e «Sofia» per una filosofia critica della creazione. Vladimir Ern lettore di Rosmini // *Rivista Rosminiana di filosofia e di cultura*. № 109 (1-2). P. 77-96.
- Ottonello P.P. 1995. *Il mito di Rosmini «Kant italiano»* // *Rivista Rosminiana*. № 3. P. 229-240.
- Ottonello P.P. 2010. *Prefazione* // V. Ern. *Rosmini e la sua teoria della conoscenza*. Cinisello Balsamo : *San Paolo*. P. 5-12.
- Raschini M.A. 1966. *Validità e limiti dell'interpretazione spaventiana del Rosmini e del Gioberti* // *Giornale di Metafisica*. № 2-3. P. 265-269.
- Renna C. 2006. *Lettere di Boris V. Jakovenko a Benedetto Croce (1912–1930)* // *Russica Romana*. № 13. P. 177-184.
- Solmi E. *Vincenzo Gioberti nel 1848: dal carteggio inedito* // *Nuova antologia di lettere, scienze ed arti*. Roma, 1912. P. 215-240.

O. Kusenko. K istokam russkoy filosofskoy ital'yanistiki [Toward the origins of Russian studies in Italian thought], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 35–54. (in Russ.).

Olga I. Kusenko, Candidate of Philosophy, Research Fellow, Department of Western Philosophy, Institute of Philosophy, the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: isafi137@gmail.com

Article received 21.05.2018, accepted 23.08.2018, available online 29.12.2018

TOWARD THE ORIGINS OF RUSSIAN STUDIES IN ITALIAN THOUGHT

Abstract. The history of Russian studies in Italian thought dates back to the turn of the nineteenth and twentieth century; but for now Italian philosophy remains *terra incognita* for Russian researchers. This article presents the origins of this historiographical tradition. The author describes the philosophical dispute between Boris Jakovenko and Benedetto Croce over the status of ideas in Russian philosophy; she gives some critical consideration of Vladimir Ern's historical and philosophical works on Italian thought (about A. Rosmini-Serbati and V. Gioberti) providing a comparative study of G. Gentile magister thesis "Rosmini and Gioberti", and Ern's work "Rosmini and his Theory of Knowledge". In addition, the article contains information about the key-philosophical figures, issues and specific trends of two important periods in the development of Italian thought: the *Risorgimento* period and the beginning of the 20th century (when a number of Italian philosophical movements, intellectual circles and journals were flourishing).

Keywords: Italian philosophy; Russian philosophy; V. F. Ern; B. V. Jakovenko; Russian studies in Italian philosophy; Russian historiography; A. Rosmini-Serbati; V. Gioberti; G. Gentile.

References

Askoldov S. *Pamyati Vladimira Frantsevicha Erna* [To the memory of Vladimir Frantsevich Ern], A.A. Ermichev (comp.) *V.F. Ern : pro et contra*, St. Petersburg, Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya, 2006, pp. 655-658. (in Russ.).

Beschin G. (ed.) *Rosmini e Gioberti: pensatori europei* [Rosmini and Gioberti: European philosophers], Brescia, Morcelliana, 2003, 436 p. (in Italian).

Casini P. *L'antica sapienza italiana. Cronistoria di un mito* [Ancient Wisdom of the Italians. A History of the Myth], Bologna, Il mulino, 1998, 373 p. (in Italian).

Catalano S. *Bertrando Spaventa: Storiografia e identità nazionale tra Rinascimento e Risorgimento* [Bertrando Spaventa: Historiography and national identity between Renaissance and Risorgimento], *Rosmini Studies*, 2017, no. 4, pp. 307-322. (in Italian).

Croce B. *Il pensiero russo secondo due libri recensiti* [Russian thought according to two reviewed books], *L'Italia dal 1914 al 1918: pagine sulla Guerra*, Bari, Laterza, 1950, pp. 276-283. (in Italian).

Croce B. *La storia come pensiero e come azione* [History as Thought and Action], Roma, Laterza, 1978, 324 p. (in Italian).

Del Noce A. *Da Cartesio a Rosmini* [From Descartes to Rosmini], *Scritti vari, anche inediti, di filosofia e storia della filosofia*, Milano, 1992, pp. 531-552. (in Italian).

Del Noce A. *Per una interpretazione del Risorgimento (Il pensiero politico del Gioberti)* [On the interpretation of Risorgimento (Gioberti's political thought)], *Humanitas*, 1961, no. 1, pp. 16-40. (in Italian).

Ermichev A.A. (comp.) *V.F. Ern : pro et contra* [V.F. Ern : pro et contra], St. Petersburg, Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya, 2006, 1063 p. (in Russ.).

Ern V.F. *Filosofiya Dzhoberti* [Gioberti's philosophy], Moscow, Put', 1916, 351 p. (in Russ.).

Ern V.F. *Mesto Rozmini v istorii filosofii* [The Place of Rosmini in the History of Philosophy], *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1915, no. 127 (2), pp. 242-250. (in Russ.).

Ern V.F. *Rozmini i ego teoriya znaniya : Issledovanie po istorii ital'yanskoy filosofii XIX stoletiya* [Rosmini and His Theory of Knowledge. The study of Italian philosophy of XIX century], Moscow, Put', 1914, 296 p. (in Russ.).

Ern V.F. *Spor Dzhoberti s Rozmini* [The controversy between Gioberti and Rosmini], A.A. Ermichev (comp.) *V.F. Ern : pro et contra*, St. Petersburg, Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya, 2006, pp. 521-537. (in Russ.).

Gioberti V. *Ai compilatori della Giovane Italia* [To the compliers of Young Italy], *La Giovine Italia : Serie di scritti intorno alla condizione politica, morale, e letteraria della Italia, tendenti alla sua rigenerazione*, Marsiglia, 1833, pp. 180-199. The author is listed under the pseudonym Demofilo. (in Italian).

Intini D. *La controversia fra Rosmini e Gioberti* [The controversy between Gioberti and Rosmini], Stresa, Sodalita, 2002, 110 p. (in Italian).

Kara-Murza A.A. *Znamenitye russkie o Florentsii* [Famous Russians about Florence], Moscow, Izdatel'stvo Ol'gi Morozovoy, 2016, 639 p. (in Russ.).

Keydan V.I. (comp.) *Vzyskuyushchie grada. Khronika russkoi religiozno-filosofskoi i obshchestvennoi zhizni pervoi chetverti KhKh veka v pis'makh i dnevnikakh sovremennikov* [Seeking the invisible City. The chronicle of Russian religious-philosophical and social life of the first quarter of the twentieth century in the letters and diaries of contemporaries], Moscow, Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1997, 745 p. (in Russ.).

Krienke M. «Logos» e «Sofia» per una filosofia critica della creazione. Vladimir Ern lettore di Rosmini [«Logos» and «Sofia» for the critical philosophy of the creation. Vladimir Ern the reader of Rosmini], *Rivista Rosminiana di filosofia e di cultura*, 2015, no. 109 (1-2), pp. 77-96. (in Italian).

Kusenko O.I. *Istoriko-filosofskie issledovaniya russkoy mysli v Italii (XX–XXI vv.)* [Italian studies in Russian thought in the XX–XXI centuries], Moscow, Institut filosofii RAN, 2018, 210 p. (in Russ.).

Lopatin L.M. *Po povodu sochineniya V.F. Erna «Rozmini i ego teoriya znaniya. Issledovanie po istorii ital'yanskoy filosofii XIX stoletiya»* [About V.F. Ern's work "Rosmini and His Theory of Knowledge. The study of Italian philosophy of XIX century"], *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1915, no. 127 (2), pp. 268-282. (in Russ.).

Ottonello P.P. *Il mito di Rosmini «Kant italiano»* [The myth of Rosmini «italian Kant»], *Rivista Rosminiana*, 1995, no. 3, pp. 229-240. (in Italian).

Ottonello P.P. *Prefazione* [Preface], *V. Ern. Rosmini e la sua teoria della conoscenza*, Cinisello Balsamo, San Paolo, 2010, pp. 5-12. (in Italian).

Raschini M.A. *Validità e limiti dell'interpretazione spaventiana del Rosmini e del Gioberti* [Validity and limits of the Spaventa's interpretation of Rosmini and Gioberti], *Giornale di Metafisica*, 1966, no. 2-3, pp. 265-269. (in Italian).

Renna C. *Lettere di Boris V. Jakovenko a Benedetto Croce (1912–1930)* [Letters of Boris Jakovenko to Benedetto Croce (1912–1930)], *Russica Romana*, 2006, no. 13, pp. 177-184. (in Italian).

Rozmini-Serbati A. *O pyati yazvakh Svyatoy Tserkvi* [Of the Five Wounds of the Holy Church], Tbilisi, Bakur Sulakauri, 1999, 175 p. (in Russ.).

Sapov V.V. *Rytsar' filosofii. Shtriki k portretu B.V. Yakovenko* [The knight of philosophy. Sketches to the portrait of B.V. Jakovenko], *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, 1994, vol. 64, no. 8, pp. 753-760. (in Russ.).

Shevakin G.G. *Ital'yanskie filosofskie zhurnaly pervoy poloviny XX v.* [Italian philosophical journals of the first half of the 20th century], *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik*, 2011, Moscow, Institut filosofii RAN, 2012, pp. 268-277. (in Russ.).

Solmi E. *Vincenzo Gioberti nel 1848: dal carteggio inedito* [Vincenzo Gioberti in 1848: from unpublished correspondence], *Nuova antologia di lettere, scienze ed arti*, Roma, 1912, pp. 215-240. (in Italian).

Spaventa B. *Ital'yanskaya filosofiya v ee otnoshenii k filosofii evropeyskoy* [Italian Philosophy in Relation to European Philosophy], *Filosofskiy zhurnal*, 2013, no. 2, pp. 54-69. (in Russ.).

Stepanova L. B.V. *Yakovenko kak perevodchik: k istorii pervogo russkogo izdaniya «Estetiki» Kroche* [B.V. Jakovenko as an interpreter: to the history of the first Russian edition of B. Croce's «Aesthetics»], *Voprosy literatury*, 2007, no. 1, pp. 318-341. (in Russ.).

Yakovenko B.V. *Ital'yanskaya filosofiya poslednego vremeni. Obzor* [Italian philosophy of the last time. Review], *Logos*, 1910, b. 2, pp. 259-285. (in Russ.).

Yakovenko B.V. *Predislovie (k knige «Russkie filosofy. Ocherk istorii russkoy filosofii»)* [The Preface (to the book “Russian philosophers. Essay on the History of Russian philosophy)], *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*, 2016, no. 3, pp. 240-243. (in Russ.).

Yakovenko B.V. *Sovremennaya amerikanskaya filosofiya. Obzor* [Modern American philosophy. Review], *Logos*, 1913, b. 3-4, pp. 269-343. (in Russ.).

Zhukova O.A. *Logos i Ratio: Vladimir Ern kak issledovatel' evropeyskoy mysli* [Logos and Ratio: Vladimir Ern like a researcher of European thought], *Filosofskie nauki*, 2016, no. 2, pp. 74-88. (in Russ.).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Телин К.О. Имитация «стабильности»: ложная оптика властного дискурса // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2018. Т. 18, вып. 4, с. 55–74.

УДК 323

DOI 10.17506/ryipl.2016.18.4.5574

ИМИТАЦИЯ СТАБИЛЬНОСТИ: ЛОЖНАЯ ОПТИКА ВЛАСТНОГО ДИСКУРСА¹

Кирилл Олегович Телин

кандидат политических наук, научный сотрудник
кафедры государственной политики факультета политологии
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия. E-mail: kirill.telin@gmail.com

Материал поступил в редколлегию 26.09.2018 г.

В статье представлен анализ существующих в политическом поле толкований стабильности как одного из ключевых пунктов официального властного дискурса. Сложившаяся практика словоупотребления, ориентированная, по мнению автора, на различные манипуляции с общественным мнением, сравнивается с научным пониманием стабильности, выраженным в отечественных и зарубежных разработках. Исследование включает развернутую методологическую оптику: детальный разбор ключевых современных концепций стабильности с подробным описанием соответствующих требований к имеющемуся политическому порядку.

Автор делает вывод о рассогласованности трактовок стабильности в научной и политической сферах. В качестве причин подобного положения он рассматривает следующие системные политические обстоятельства: дефекты политической коммуникации и имеющегося политического языка (1); деполитизация и воспроизводящееся

¹ Исследование выполнено за счет гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (проект МК-4685.2018.6 «Проблемы политической стабильности: современные подходы»).

отчуждение граждан от собственных политических прав и отсутствие осознания себя как субъекта политического действия (2); намеренная трансформация вполне конкретного и инструментального дискурса стабильности и стабилизации в размытое этическое требование (3). Автор предполагает, что сохраняющиеся в российской политике тренды, во многом схожие с аналогичными тенденциями в других странах, такие как разрыв истеблишмента с остальным обществом (а), политическая апатия и даже депрессия значительной части населения (б) и продолжающаяся трансформация информационного пространства (в), в состоянии усугубить и без того актуальные для общества проблемы расхождения официального, властного дискурса с научными исследованиями и даже элементарным здравым смыслом.

Ключевые слова: стабильность, политический режим, дискурс, язык, политическая конкуренция.

Думаю, нет большего благословения для нации, чем стабильность эффективного правительства.

Антониу Салазар¹

Вынесенная в эпиграф сентенция, принадлежащая правившему на протяжении 36 лет политическому лидеру, была бы блестящим и абсолютно верным наблюдением, если бы не одно «но», доказывающее, что при осуждении аргументов *ad hominem*, как и указывал Д. Уолтон (Уолтон 2002: 141–142), все же следует предполагать исключения. Дело в том, что ее автор – человек, правление которого демонстрирует не только немало ошибок на пути учреждения стабильности, но и существенные искажения в понимании самого этого феномена.

Речь идет об А. Салазаре, фактическом диктаторе Португалии в 1932–1968 гг., основателе *Estado Novo*, Нового Государства, – режима, легко вписывавшегося в авторитарно-корпоративные схемы первой половины XX в., но с течением времени не раз демонстрировавшего многочисленные внутренние проблемы, очевидные как минимум тем полутора миллионам португальцев (Baganha 2003), которые покинули страну, чтобы не стать заложниками архаичной экономики, не участвовать в колониальных войнах или не быть заключенными в концентрационный лагерь по итогам работы политической полиции. «Стабильность эффективного правительства», отвергавшего избирательные права и открытость экономики в пользу консервативной изоляции (Мендес 2009), закончилась для Португалии «революцией гвоздик», самым низким в Европе уровнем грамотности населения и непомерными расходами на бессмысленные военные интервенции.

В настоящей статье рассматривается понятие политической стабильности, к концу XX в. ставшее универсальной ценностью и драйвером внутренней политики для руководства едва ли не всех государств мира, – при том что интерпретация этого понятия до сих пор нередко расходится с научными представлениями о нем и зачастую неприемлема с позиции здравого смысла. В первой части статьи мы проведем краткий обзор имеющихся

¹ См.: (Salazar 1963).

трактовок политической стабильности, во второй обратимся к вероятным причинам отклонения прикладных оценок стабильности от научных концепций, а в третьей части наметим наиболее характерные препятствия на пути преодоления подобной дивергенции.

Рассвет стабильности. Сравнивая современные друг другу режимы Италии и Португалии, немецкий исследователь Я.-В. Мюллер указывает, что в то время, когда «государство Муссолини бросало вызовы и мобилизовывало массы, Новое Государство Салазара всех расставило по местам и не позволяло с них сойти» (Мюллер 2017: 37); наряду с важной характеристикой внутренней политики Estado Novo это отражает еще и одну из распространенных иллюзий, отождествляющих стабильность с отсутствием изменений.

Нередко именно такой смысл вкладывается гражданами в понятие «стабильность»: так, например, Л.А. Паутова указывает, что значительную долю ассоциаций и когнитивных символов стабильности для россиян составляют категории *равновесия, постоянства, покоя и неизменности* (Паутова 2004). А.О. Ярославцева, уточняя, что в представлении россиян стабильность связана с отсутствием не любых, а преимущественно негативных изменений, все же отмечает, что люди «отождествляют ее со спокойной, нормальной, предсказуемой жизнью» (Ярославцева 2012а: 63). Эта трактовка представлена и в некоторых научных публикациях. Так, В.Ф. Бондаренко и Е.В. Ефанова называют стабильность «идеальным состоянием отечественного социума, гарантирующим подлинный порядок и оптимальное мироустройство» (Бондаренко, Ефанова 2012), А.В. Старцев полагает стабильность равнозначной то ли нормальности, то ли управляемости (Старцев 2010), а В.Н. Иванов описывает общетеоретическое содержание понятия «стабильность», сравнивая его с понятием «неизменность» (Иванов 2000; Матафонова 2015). Подобные экзерсисы с редукцией значений закрепляют упрощенное восприятие стабильности как таковой, а неспособность академических исследований популяризовать более системный взгляд формирует крайне двусмысленную ситуацию: слово, охотно используемое большинством политиков, понимается так плоско, что теряет связь с собственным исходным содержанием.

Следует отметить, что и в социальные исследования, и в политическую науку термин «стабильность» вошел лишь в XX в., будучи заимствованным из естественнонаучных дисциплин (Мюллер 2017), где его использование начинается много ранее. Распространенной (и общепринятой, к примеру, в этимологических словарях) является точка зрения, согласно которой первые упоминания понятия «стабильность» в физических исследованиях датируются XV в.¹, однако аргентинский исследователь Л. Годой указывает, что пионером в этом отношении можно считать математика XIII в. Иордана Неморария (Godoy 2011), чьи разработки и легли в основу более поздних трудов эпохи Возрождения. Упоминание этих хронологических обстоятельств не является попыткой перевести настоящую статью в формат

¹ По мнению составителей словарей Merriam Webster etc.

исторического или семантического исследования; дело в том, что даже столь ранние естественнонаучные разработки имеют прямое отношение к развенчанию упомянутой трактовки понятия стабильности как несостоятельной и вульгарной.

Уже в этих разработках обозначена недопустимость отождествления стабильности не только с неизменностью, но даже и с равновесием, также нередко воспринимаемым как синоним стабильности. Для физиков и других исследователей в области естественных наук (химиков, геологов, биологов) между стабильным и нестабильным равновесием есть фундаментальная разница: в первом случае система возвращается в равновесие, будучи выведенной из него под воздействием внешних сил, в последнем же баланс не восстанавливается даже при небольших возмущениях. Промежуточное состояние, в котором система достигает краткосрочного равновесия, устойчивого при небольших вызовах, нередко называется метастабильным.

Суть здесь заключается в том, что стабильной является система, не просто способная к долговременному продолжению собственного существования, но обладающая достаточным адаптивным потенциалом для восстановления в ситуациях неопределенности и внешних возмущений. Этому естественнонаучному представлению соответствуют более сложные теории стабильности, имеющиеся в социальных науках.

В частности, К. Даудинг и Р. Кимбер, определяя политическую стабильность как «состояние политического субъекта, при котором он может сопротивляться непредвиденным обстоятельствам, угрожающим его существованию» (Dowding, Kimber 1983: 238-239), уточняют, что такого рода сопротивление не должно быть случайным (*non-accidental survival*) (Dowding, Kimber 1983: 241-242). Долгосрочное существование некоей системы или некоего порядка отнюдь не делает их по умолчанию стабильными – продолжительность их действительности может быть обеспечена, допустим, насильственными средствами (Туровский 2006: 58) или внешним патронажем более сильных политических или государственных игроков; о стабильности можно говорить лишь в условиях естественного сопротивления системы как о состоянии, обеспеченном ее собственными ресурсами и возможностями. Даудинг и Кимбер подчеркивают, что данное состояние невозможно представить без динамичных изменений, позволяющих реагировать на вызовы окружающей среды, и базовым требованием стабильности является способность производить контролируемые, управляемые изменения, особо критичные в тех случаях, когда речь идет об основных, идентифицирующих параметрах (*“elements that need to provide continuity”, “elements that used to specify the system”*). И. Дрор писал, что ключевой элемент политического кризиса – это «немыслимость» (Dror 1999); предотвращение подобного рода немыслимости, непредсказуемости действительности представляет собой важную часть курса на стабилизацию.

Г. Экстайн и Т. Гарр также отмечают, что продолжительное существование некоей системы или явления может быть следствием череды «счастливых случайностей» (Eckstein 1966: 227–228); для того же, чтобы вести разговор о политической стабильности, к исследуемым отношениям или системе

необходимо предъявить целый ряд требований. Экстайн и Гарр называют в их числе долгосрочную преемственность (*durability*), политическую включенность (*permeation*), экономическую эффективность и результативность (*efficiency & effectiveness*), легитимность (*legitimacy*), сопротивление внутренним конфликтам (*strife-avoidance*) и параметр, который на русский язык можно перевести как «властность и авторитет» (*authority*) (См. об этом: Zimmermann 1983: 196). Экстайн к тому же считается одним из наиболее ярких сторонников критерия конгруэнтности, разработанного еще в трудах Г. Алмонда; в рамках исследования политической стабильности Экстайн подразумевает под конгруэнтностью согласованность ценностных ориентаций и поведенческих установок политического и неполитического характера (Eckstein 1997). Стабильность в рамках указанного подхода объявляется зависимой от такой согласованности и становится проекцией соответствия между паттернами (поведенческими шаблонами) власти и общества, политических сил и их социального окружения (Rosenthal 1978: 129). Этот тезис был раскрыт в работах С. Хантингтона, указывавшего, что «стабильность любого общества зависит от соотношения между уровнем политической активности населения и уровнем политической институционализации» (Хантингтон 2004: 95).

У. Розенталь, вместе с соавторами (М. Чарльз, П. т'Харт, А. Бойн) разрабатывающий тему стабильности, перечисляет шесть возможных ее интерпретаций (Hurwitz 1980), которые, как мы предполагаем, вполне могут сосуществовать и даже дополнять друг друга, а следовательно, не должны рассматриваться как перечень эквивалентных достаточных критериев. Речь идет об отсутствии радикальных структурных изменений (1), способности к сохранению выбранного курса или имеющихся социальных норм (2), высоком уровне легитимности (3), качественной политической институционализации (4), ограничении внутреннего насилия при доминировании мирных форм урегулирования конфликтов (5) и, наконец, о долговечности существования конкретной системы отношений (6). Можно заметить, что это уже не первая концепция, подчеркивающая важность сдерживания насилия для стабилизации, но отнюдь не предлагающая воспринимать данный критерий как единственный и достаточный; хорошо подчеркивает указанное обстоятельство Р. Йонг-а-Пин: «Несмотря на то что исследования фокусируются на вопросах политического насилия ... ни одно из них не полагает, что политическая нестабильность ограничивается этим единственным измерением» (Jong-a-Pin 2006: 2-3).

Российские ученые также вполне развернуто раскрывают содержание политической стабильности. К числу ведущих теоретиков здесь можно отнести А.С. Макарычева, Р.Ф. Туrowsкого и А.О. Ярославцева.

А.О. Ярославцева в совместном с В.Г. Ивановым исследовании выделяет следующие подходы к стабильности (которые опять же можно представить в качестве отдельных критериев): отсутствие политически мотивированного насилия (1); наличие прочного конституционного порядка (2); высокая легитимность (3); способность системы к управляемому и адаптивному воспроизводству (4); социально-экономическая эффективность (5);

устойчивость социально приемлемых поведенческих моделей (6). «Для сохранения стабильности существует ряд общих условий», – полагают авторы, но вносят в трактовку исследуемого феномена еще одно дополнение, указывая, что «политическая стабильность является также важной политико-идеологической ценностью» (Ярославцева 2012b). К этому замечанию мы вернемся в следующих разделах настоящей статьи.

Р.Ф. Туровский, подчеркивая, что принципиальная «телеология стабильности политических систем является причиной для острой критики этой теории» (Туровский 2006: 29), все же отмечает, что стабильность выступает одним из требований к эффективной работе политических структур и государственных органов. В ряде учебных пособий по политологии, пишет Туровский, «способность обеспечить стабильность и порядок» указывается первой «в списке критериев оценки политических систем» (Туровский 2006: 19); предлагая свою методику такой оценки, исследователь связывает стабильность с эффективностью и выделяет внутри комплексного показателя эффективности четыре кластера – легитимационный, общесистемный, режимный и акторный. Первый подразумевает оценку социальной поддержки сложившейся системы, второй – качество воспроизводства и развития имеющихся норм и институтов, третий – реализацию задач, выдвигаемых конкретным политическим режимом; четвертый кластер представляет возможность удовлетворения социальных, групповых или частных интересов в пределах действительных отношений. «Поддержка со стороны общества, широких слоев населения, участвующих в разделении политического труда и добивающихся за счет этого реализации своих интересов, предполагает системную стабильность», – заключает Туровский (Туровский 2006: 58).

А.С. Макарычев рассматривает восемь предлагаемых в западной литературе критериев стабильности. Это отсутствие нелегитимного насилия (1); устойчивая преемственность правительственных структур (2); сохранение конституционного порядка (3); легитимность (4); отсутствие незапланированных структурных изменений (5); долговременный характер политического равновесия или баланса сил ключевых политических игроков (6); соответствие и инверсия политической власти и общественных институтов (7); распространение общественно безопасных моделей поведения (8) (Макарычев 1998). По мнению исследователя, стабильность представляет собой «многомерное понятие» и ее нельзя отождествлять с подавлением доминирующей политической силой своих соперников и конкурентов.

Нетривиальную и более современную интерпретацию политической стабильности предлагает профессор Университета Боулинг-Грин К. Вэлье. Его модель, которую он характеризует как «агентскую» (*agent-based*), позволяет «различить три концепта политической стабильности – долговечность (*durability*), равновесие (*balance*) и стойкость (*immunity*)» (Vallier 2017). Хорошо управляемое общество (этот термин Вэлье заимствует у Дж. Роулза) сочетает в себе высокую степень социального доверия и согласованного поведения граждан, низкий уровень краткосрочной изменчивости и сопротивление воздействию со стороны антисистемных сил. При этом стойкость Вэлье считает необходимым условием (*precondition*) для долговечности и

равновесия (Vallier 2017: 257). К подобным выводам приходят и С.О. Ханссон и Г. Хелгессон – они выделяют в стабильности такие возможные ее аспекты, как постоянство (*constancy*), надежность (*robustness*) и устойчивость (*resilience*) (Hansson, Helgesson 2003). Постоянство Ханссон и Хелгессон определяют как сохранение системы или ее незначительное изменение в течение времени, надежность – как способность выдержать воздействие неблагоприятных внешних обстоятельств, а устойчивость – как способность возвращаться к равновесному состоянию под воздействием данных обстоятельств. Авторы полагают, что надежность можно охарактеризовать как частный случай устойчивости, а вот постоянство и устойчивость являются двумя не сводимыми друг к другу, а следовательно представляющими разные стороны стабильности, категориями.

А.С. Ахременко, в своем анализе использующий методологию математического моделирования, предлагает выделять в исследовании политической стабильности два основных подхода – статический и динамический (Ахременко 2009), первый из которых «предполагает количественную индексацию уровня стабильности» и характеризует ее «как функцию от нескольких признаков», а второй, исходя из оценки стабильности как динамичного процесса, делает акцент «на структурных характеристиках изменения системы во времени». При этом Ахременко указывает, что политическая стабильность, во-первых, является эмпирически ненаблюдаемой, а во-вторых, не имеет общепризнанного эталона измерения; сам ученый предлагает обратиться к количественным параметрам наподобие Data Envelopment Analysis (DEA).

В целом, характеризуя имеющиеся на сегодня наработки зарубежных и отечественных исследователей в плане изучения политической стабильности, нельзя не отметить, что основные и наиболее признанные ее концепции предъясняют развернутые и сложно структурированные требования к системе, которую можно характеризовать как стабильную. Это резко контрастирует с той вольностью, которая свойственна высказываниям зарубежных и отечественных политиков, охотно обращающихся к концепту в собственных интересах, совсем не похожих на научные.

Пути нестабильности. Несмотря на полноту представленных выше трактовок стабильности, известных в академической среде и довольно убедительно описывающих квалифицирующие требования к использованию этого термина, его значение в политической практике оказывается практически выхолощенным. Само это слово, выступающее в качестве одной из «узловых точек» авторитетной политической речи, превращается в «пустое», или «плавающее», как описывали его К. Леви-Стросс (Levi-Strauss 1987) и Ж. Лакан (Лакан 1999), «означающее без означаемого», чей смысл «состоит в том, чтобы продемонстрировать верховную власть субъекта над самим означаемым, проделывая с ним что угодно, играя с ним с единственной целью уничтожить его» (Лакан 1999: 253-254). В чем же причины такого положения дел? Мы выделяем три ключевых момента.

Первая причина может быть обнаружена в собственно лингвистических, языковых обстоятельствах. В неблагоприятных условиях, когда

адекватное описание наблюдаемой реальности отчего-то становится затрудненным, политикам свойственно обращаться либо к более расплывчатым и абстрактным выражениям (Миллер 2009), либо к архаичным формам, заимствованным, например, в недавнем прошлом (Ушакин 2009), либо к так называемым экспрессивам – словам и высказываниям, в которых первоочередное значение имеет не смысловая, а эмоциональная и ценностная нагрузка (Сёрль 1986).

Намеренную неопределенность – или, например, дополнительную метафоричность кризисных и предвыборных выступлений – анализируют такие авторы, как К. де Ландтсхеер и Д. Вертессен; они утверждают, что «через метафоры, упрощение языка и использование приемов эмпатии политики готовят свою аудиторию к восприимчивости и действию» (Vertessen, De Landtsheer 2008). Разворот в сторону устаревших, но привычных и устоявшихся категорий комментирует С. Ушакин, называющий данное состояние «афазией»: «Афазия проявляется как своего рода дискурсивный паралич ... символическое производство, в котором дезинтеграция способности дискурсивного поля поддерживать адекватность взаимосвязи между означающими и означаемыми компенсируется разнообразными символическими замещениями и регрессиями к формам предыдущих периодов» (Ушакин 2009). Наконец, обращение к экспрессивам и своеобразному «эмоциональному популизму» рассматривается в работах Дж. Сёрля, который указывает, что цель такого рода высказываний состоит «в том, чтобы выразить психологическое состояние, задаваемое условием искренности относительно положения вещей, определенного в рамках пропозиционального содержания» (Сёрль 1986: 183), и исследователей современного «популистского поворота», подчеркивающих, что «апелляция к простоте и понятности предлагаемых мер ... использование готовности больших человеческих масс эмоционально реагировать» (Баранов 2015: 29) маскируют переход политической конкуренции от программ и рациональных аргументов к «полной эмоций и символов метаполитической войне» (Бозоки 2012: 173).

Таким образом, само слово «стабильность» уже ввиду особенностей политического языка может превращаться в неопределенный с содержательной точки зрения инструмент манипуляции общественным мнением: оно многим кажется интуитивно понятным и даже очевидным, однако попытки его «считывания» и объяснения каждый раз оборачиваются неудачей. В ряду подобного рода «плавающих означающих» рассматриваемый нами термин отнюдь не одинок: в современных социальных исследованиях схожим образом анализируется использование терминов «традиция» (Хобсбаум 2000) или, например, «ментальность» и «национальный характер» (Рикер 2004; Lloyd 1990) – данные категории активно задействуются в политической лексике без какого-либо прояснения их смысла или уточнения содержания. Здесь можно говорить даже не об «экспрессиве», а скорее о «репрезентативе» – вводя неопределенные термины, при этом имеющие однозначную эмоциональную окраску, политик стремится скрыть ту реальность, с которой граждане могут столкнуться в повседневности, за вуалью воображаемого «дивного мира», версиями которой могут быть «золотой век», «эпоха стабильности»

или «Америка, снова ставшая великой». Нельзя не отметить, что указанный дискурс часто поддерживается самим населением, поскольку предоставляет гражданам возможность либо оставаться в зоне комфортной стабильности, либо артикулировать крайне размытые требования к политическому истеблишменту, добываясь не решения конкретных (и порой весьма сложных) проблем, а укоренения той же самой стабильности.

Вторую причину прикладных искажений в употреблении слова «стабильность» составляет когнитивное обстоятельство, которое мы охарактеризуем как бессубъектность. Следует обратить внимание на тот факт, что при использовании термина «стабильность» в практической политике все чаще отсутствует пояснение, о стабильности кого (или чего) идет речь, кто выступает агентом или, напротив, бенефициаром стабильности. Кстати сказать, частыми определениями к слову «стабильность» выступают не вполне правомерно отождествляемые прилагательные «общественная», «социальная», «политическая», «государственная» – каждый из этих случаев, вероятно, должен предполагать особую оптику рассмотрения «стабильности» *per se*, но этого не происходит. Она становится неким «автономным явлением», с которым происходит то же превращение, которое описывалось К. Лефором в отношении термина «народ» (Lefort 1988). Французский философ указывал на то, что воображаемый «народ» может не иметь ничего общего с реальными людьми, образующими его; так и «стабильность» как широко употребляемая категория перестает нуждаться в обращении к чьему-либо эмпирическому опыту. Будучи направленной на «общество» в целом, она может быть оспорена и фальсифицирована огромным массивом частных примеров, при этом не наносящих ее риторическому использованию ровным счетом никакого ущерба: каждый из них объявляется «исключением», «отдельной проблемой» или «еще не решенным вопросом». Например, согласно текстам Послания Президента РФ Федеральному Собранию «Россия стала политически и экономически стабильной страной» еще в 2004 г., но при этом даже в 2016 г. указывается, что «стабилизация не означает автоматического перехода к устойчивому подъему», базовые проблемы экономики еще не разрешены, да и «трудностей хватает». Как мы видим, «стабильность» охотно утверждается даже там, где ее существование довольно трудно доказать или проверить – она используется в качестве самобытного, автономного описательного ярлыка, не связанного ни с кем и ни с чем конкретно и опирающегося на столь же абстрактные категории.

Наконец, третья причина, на наш взгляд, может заключаться в том, что стабильность в ряде случаев начинает восприниматься *не как содержательное требование* к функционированию политической системы или деятельности органов государственной власти, а *как этическое условие* для них. Из цели или как минимум ориентира стабильность превращается в инструмент, причем инструмент едва ли не морально-нравственный, – ее сущность раскрывается через требования «не раскачивать лодку», «беречь согласие» и не «раскалывать общество» демократическими лозунгами¹.

¹ Согласно текстам Послания Президента Федеральному Собранию РФ.

По данным, приводимым Л.А. Паутовой, 63% опрошиваемых россиян соглашаются с утверждением наша страна нуждается в стабильности, это важнее, чем реформы и связанные с ними перемены, и только 30% считают, что наша страна нуждается в переменах, новых реформах, даже если эти перемены связаны с риском утраты стабильности (Паутова 2017). Самое ценное здесь – не социологический раскол и противостояние одной трети респондентов двум другим; важнейшее обстоятельство заключается в имплицитном противопоставлении стабильности и перемен, стабильности и реформ. Такую постановку вопроса, конечно, правомерно обозначить просто как некорректную, однако мы полагаем, что подобная интерпретация гражданами термина «стабильность» является отражением специфического его понимания – как этической, нравственной, мировоззренческой предпосылки, а не как сложного процессуального требования.

Прощание с биполярным расстройством. Можно ли достигнуть эффективной конвергенции практического использования понятия стабильности и теоретических концепций, посвященных ей? Несомненно, на пути согласования теории и практики имеются серьезные препятствия, и мы хотели бы перечислить их, чтобы в дальнейшем общественный дискурс мог развиваться с учетом проблемных факторов и критических детерминант.

Важнейшее из таких препятствий – сознательная незаинтересованность партийного или государственного истеблишмента в развитии имеющегося политического языка. Пока существующие формы (вне зависимости от их качества) способствуют эффективному достижению рейтинговых и легитимизирующих целей, нет и смысла от них отказываться; когда же, положим, электоральная конъюнктура ухудшается, конструктивная дискуссия – последнее, о чем думают «хромые утки». Как указывает уже процитированная нами Л.А. Паутова, стабильность *«все активнее трансформируется в легитимную смысловую схему, поскольку становится условием установления и оправдания социального порядка»* (Паутова 2017); вопрос о том, насколько соответствует обсуждение «стабильности» реальному положению дел, не ставится, и притом весьма маловероятно, что в случае ухудшения социально-экономической ситуации остро необходимыми станут разоблачения «нестабильности».

Примером здесь может служить использование лексемы «стабильность» в позднем Советском Союзе. «Под предлогом стабильности создавался застой работников на высоких постах...», – высказывался на XXVII съезде КПСС Н.А. Назарбаев (XXVII съезд КПСС... 1986); «...нас не должна размагничивать постоянная политическая стабильность в стране», – заявлял Б.Н. Ельцин (XXVII съезд КПСС... 1986). Острую актуальность приведенных реплик нивелирует одно-единственное обстоятельство – эти столь знакомые по форме высказывания случились в 1986 г., когда «политическую стабильность советского общества, прогресс нашей страны», по словам Е.К. Лигачева, определяла «правильная социальная политика партии» (XXVII съезд КПСС... 1986). И партия, и страна через считанные годы прекратили свое существование; культ «стабильности», однако, оказался жизнеспособнее тех структур, которые ранее отвечали за правильное его применение.

Это замечание становится вдвойне актуальным в условиях, когда амбиции и устремления политиков не получают противодействия других сил, таких как общественные организации или академическое сообщество, которые при прочих условиях имели бы возможность артикулировать альтернативные суждения по поводу стабильности и нестабильности. Б. Буэно де Мескита и Дж. Даунс подчеркивают, что «широкий доступ к высшему образованию и профессиональной подготовке жизненно важен, если граждане собираются развивать свои навыки коммуникации, организации и политического представительства ... развитое образование также способствует формированию обширного пула оппозиционных лидеров, тем самым увеличивая поддержку соперников правительства-инкумбента» (De Mesquita, Downs 2005: 83); в подобных условиях неудивительно стремление авторитарных режимов ограничивать или подавлять инакомыслие, особенно в столь чувствительной для себя сфере, какой являются язык и политическая риторика. Например, в КНР власти вполне открыто реализуют политику фильтрации интернет-трафика на основе тех или иных ключевых слов и фраз – целью цензуры объявляется недопущение распространения информации, дискредитирующей политиков и чиновников, но «отсеву» подвергаются не только сообщения СМИ, но даже и поисковые запросы (не говоря о контенте социальных сетей). Оппозиционные и критически настроенные акторы вынуждены обращаться к языку эвфемизмов, что влечет за собой если не деградацию, то «замораживание» имеющегося официального дискурса – при том, что шансов оспорить его почти повсеместную монополию у конкурентных игроков практически нет. В долгосрочном горизонте это, однако, лишь ослабляет позиции языка – как замечал П. Бурдьё, «только непрерывное творчество, которое рождается из безостановочных столкновений между разными авторитетами ... может обеспечить легитимному языку долговечность» (Бурдьё 2005); в противном случае язык гипернормализуется – его застывшие формы становятся более предсказуемыми и громоздкими, легко цитируемыми, но трудно считываемыми в части констатирующей их функции (Юрчак 2014).

Для того чтобы использование термина «стабильность» перестало быть одновременно общим местом и узлом неопределенности, желательно формирование конкуренции хотя бы в рамках делиберативных процедур и общественной дискуссии. Оспаривание «авторитетного слова» в публичной политике, в принципе, является нормальной позицией интеллектуальных кругов, и, хотя в условиях концентрации власти в руках государства такие действия представляются затруднительными и рационально невыгодными, защита собственных интересов все равно остается актуальной. Увы, сегодня достаточно популярно убеждение, будто цензура и прочие контрольно-надзорные практики, как и «внутреннее ограничение» публичной критики ради «покоя» и шмиттеанского тождества «своих», играют позитивную роль в развитии общества; исторический опыт, однако, показывает, что роль цензуры можно определить прямо противоположным образом (Рубцов 2014; Аронсон 2004; Куликова 2016).

Потому, вероятно, к числу наиболее значимых препятствий для адекватного использования идеи стабильности в политической практике следует отнести само состояние публичной сферы – в том, конечно, случае, если механизмы представительства и защиты интересов существуют в зачаточной или «витринной» версии. Стратегии «внеаходимости» (исключения себя из пространства официальных высказываний) и «башни из слоновой кости» (исключения себя из массовой повседневности) обладают безусловной привлекательностью в краткосрочном отношении, предоставляя индивидам возможность вырваться из пространства официального дискурса; с течением времени, однако, подобный исход оборачивается негативными последствиями для общества в целом – как писал Э. Бёрк, «когда плохие люди объединяются, хорошие тоже должны объединяться, иначе они падут один за другим»¹. Внеаходимость и «публики своих», о которых говорил А. Юрчак применительно к советской эпохе, имеют следствием современные «коммуникативные барьеры», которые исследует Ю. Гладарев (Гладарев 2014), и «негативную революцию» (апатию, деполитизацию, меланхоличный дискурс), описанную А. Магуном (Магун 2008: 65–66); новое российское общество столкнулось с парадоксальным для демократических форм распадом общественной сферы, недоступностью представительного участия, разрывом политических связей и «параличом катастрофизма» (Хархордин 2011: 291). Еще одним фактором стало упомянутое нами «молчаливое» принятие дискурса стабильности со стороны многих граждан – в условиях деполитизации оспаривание доминирующей линии, своеобразного политического мейнстрима до сих пор представляется многим действием сколь трудно возможным, столь и бесполезным, почти бессмысленным.

К числу прямых следствий относится и антагонизм общественно-политической дискуссии, ограничивающий какой-либо полезный эффект от высказывания номинально альтернативных мнений: конкурирующие позиции просто циркулируют в замкнутой среде, не пересекаясь друг с другом и даже не обнаруживая стремления к такому взаимодействию. К. Санстейн называет такую конфигурацию публичного пространства «эхо-комнатами» (*echo chamber*) (Sunstein 2001) и, хотя подобное состояние характерно не только для России, в отечественных реалиях оно тем не менее существенно осложняет развитие гражданского общества, препятствуя как делиберативным практикам, так и агонистической² конкуренции – они просто не могут сформироваться в условиях автоматического восприятия позиции, отличающейся от собственной, в качестве порочной, нелогичной и «неправильной». В свое время критики-диссиденты характеризовали советское общество шуткой-аллюзией «мы рождены, чтоб Кафку сделать былью» – сегодня акценты окончательно сместились от Кафки к уже упоми-

¹ Перевод: «When bad men combine, the good must associate; else they will fall, one by one» (См.: Вурке).

² Под «агонистичным» здесь подразумевается критерий, описанный Ш. Муфф в соответствующей работе «Агонистическая модель демократии»: перевод политического противоборства из антагонизма в конструктивное соперничество (Муфф 2004).

навшемуся Фуко. «Механизму карательной власти в определенный момент потребовалась связка с природой преступления ... ей пришлось удвоить деление на законные и незаконные поступки делением индивидов на нормальных и ненормальных», – писал Фуко (Фуко 2005: 112); в современной России нетрудно заметить навязчивый поиск «нормальности» в противовес стигматизируемой «ненормальности». «Ненормальными» нарекаются ценности, распространенные на государственной периферии (Марченя 2006: 20), широко распространенные архаичные культурные образцы (Мартыанов 2003), оппозиционные настроения (Моргунова 2010) и многое другое (Макарычев 2013); при этом каждая сторона политической борьбы, не исключая, в частности, тех самых оппозиционеров, оценивает себя именно в качестве «нормальной» и противостоящей иным, «ненормальным».

* * *

В качестве итога проведенного исследования стоит сделать несколько замечаний, отражающих те цели и задачи, которые были обозначены в начале статьи.

Во-первых, необходимо подчеркнуть, что, несмотря на широкое обращение к концепту стабильности в России и за рубежом, его политическое использование редко коррелирует с тем смыслом, который вкладывают в понятие «стабильность» социальные исследователи. Если последние описывают политическую стабильность через сложные системы разнородных требований к функционированию государственных институтов или деятельности гражданских акторов, то политики и чиновники чаще подразумевают под стабильностью некий бессодержательный «экспрессив» или «репрезентатив», удобный им с точки зрения рейтинговых показателей и политических деклараций.

Мы выделили три причины такой дивергенции: проблемы с политическим языком или даже с коммуникацией как таковой (1), отчужденность граждан от представлений о себе как о субъектах политического действия (2) и намеренная морализация стабильности со стороны государственных и политических структур (3). Обсуждая обстоятельства, препятствующие конвергенции научных и обывательских представлений (то есть, по сути, «стабилизации дискурса стабильности»), мы выделили незаинтересованность политиков в отказе от привычных форм взаимодействия с электоратом (а), дефекты публичного пространства, проиллюстрированные российским примером нарастающей апатии и разочарования в политике (б), а также раскол информационного поля на множество «эхо-комнат» – изолированных сегментов, за пределы знаний, представлений и установок которых индивиды не стремятся, предпочитая работать с привычными формами и образцами (в).

Без сомнения, было бы крайней наивностью утверждать, что возможно быстрое разрешение столь серьезных проблем. Тем не менее китайская пословица гласит, что «путь в тысячу ли начинается с одного шага», и, вполне вероятно, активизировавшаяся общественная дискуссия и стремление отстаивать профессиональные знания в публичном пространстве будут способствовать оздоровлению политического дискурса и отказу общества от восприятия идейной манипуляции как чего-то само собой разумеющегося.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 25 февр. – 6 марта 1986 г. [Электронный ресурс] : стеногр. отчет. [В 3 т.]. М. : Политиздат. URL: <http://oveticus5.narod.ru/85/xxvii1.htm> (дата обращения: 01.05.2018).

Аронсон О.В. 2004. Цензура как опыт: симптоматика и этика [Электронный ресурс] // «Index. Досье на цензуру». № 20. URL: <http://www.index.org.ru/journal/20/aronson20.html> (дата обращения: 15.05.2018).

Ахременко А.С. 2009. Динамический подход к математическому моделированию политической стабильности // ПОЛИС : Полит. исслед. № 3. С. 105-112.

Баранов Н.А. 2015. Возрождение популизма: европейский опыт и российские практики // Вестн. Санкт-Петербург. гос. ун-та. Сер. 6. Вып. 3. С. 25-36.

Бозоки А. 2012. Популизм как дискурс венгерских элит [Электронный ресурс] // Сравн. политика. № 3 (9). С. 162-184. URL: <http://www.comparativepolitics.org/index.php/jour/article/viewFile/114/128> (дата обращения: 03.05.2018).

Бондаренко В.Ф., Ефанова Е.В. 2012. Политическая стабильность в современной России: факторы, уровни, противоречия [Электронный ресурс] // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : в 2 ч. Тамбов : Грамота. № 4 (18). Ч. 2. С. 37-40. URL: http://cjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2012_4-2_09.pdf (дата обращения: 06.05.2018).

Бурдье П. 2005. О производстве и воспроизводстве легитимного языка [Электронный ресурс] // Отечество. записки. № 2 (23). URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/o-proizvodstve-i-vozproizvodstve-legitimnogo-yazyuka> (дата обращения: 19.04.2018).

Гладарев Б. 2014. Опыты преодоления «публичной немоты»: анализ общественных дискуссий в России начала XXI века [Электронный ресурс] // Российское общество в поисках публичного языка: вчера сегодня завтра / под ред. Н. Вахтина, Б. Гладарева, Б. Фирсова. СПб. : Изд-во ЕУСПб. URL: https://eu.spb.ru/images/pnis/Гладарев_Опыты_преодоления_публичной_немоты.pdf (дата обращения: 02.05.2018).

Иванов В.Н. 2000. Политическая социология. М. : Мысль. 294 с.

Куликова С.А. 2016. Конституционный запрет цензуры в России : моногр. М. : Проспект. 252 с.

Лакан Ж. 1999. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55) / пер. с фр. А. Черноглазова. М. : Гнозис : Логос. 520 с.

Магун А.В. 2008. Отрицательная революция: к деконструкции политического субъекта [Электронный ресурс]. СПб. : Изд-во ЕУСПб. 416 с. URL: http://abuss.narod.ru/Biblio/polis/magun_or_vv.htm (дата обращения: 05.05.2018).

Макарычев А.В. 2013. Российские олимпийские дискурсы: эффекты унификации и многообразия // Неприкоснов. запас. № 2 (88). С. 86-100.

Макарычев А.С. 1998. Стабильность и нестабильность при демократии: методологические подходы и оценки // ПОЛИС : Полит. исслед. № 1. С. 149-157.

Мартыанов В.С. 2003. Метаязык политической науки. Екатеринбург : Изд-во УрО РАН. 236 с.

Марченя П. 2006. Парадоксы мифологии «правового нигилизма» в России // Закон и право. № 2. С. 20-22.

Матафонова Ю.А. 2015. Политическая стабильность и политическая устойчивость в контексте федеративной системы // Вестн. Кемер. гос. ун-та. № 2 (62). Т. 2. С. 72-75.

Мендес В.К. 2009. Оправдание диктатуры? (диктатор Салазар в 1930 г. и поэт Фернандо Пессоа в 1928 г.) [Электронный ресурс] // Независимый филолог. журн. № 100. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/me9.html> (дата обращения: 02.04.2018).

Миллер Ж.-А. 2009. Лакан и политика [Электронный ресурс] : [беседа Жака-Алена Миллера с журналистами Ж.-П. Клеро и Л. Лотт (Paris : PUF, 2003. № 16)] / пер. с фр. И. Панферовой // Неприкоснов. запас. № 5 (67). URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz-67/4238-lakan-i-politika.-beseda-s-zhakom.html> (дата обращения: 01.12.2017).

Моргунова А.Б. 2010. Идеологии и стратегии доминирования в дискурсе российского и белорусского президентов // Вестн. обществ. мнения. Т. 103, № 1. С. 19-47.

Муфф Ш. 2004. К агонистической модели демократии // Логос. № 2 (42). С. 180-197.

Мюллер Я.-В. 2017. Споры о демократии: Политические идеи в Европе XX века / пер. с англ. М. : Изд-во Ин-та Гайдара. 398 с.

Паутова Л.А. 2004. Комплексный подход к исследованию социального представления о стабильности // Социология. № 19. С. 32-65.

Паутова Л.А. 2017. Стабильность – наше кредо? [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике : (электрон. версия). URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Stabilnost--nashe-kredo-18660> (дата обращения: 01.04.2018).

Рикер П. 2004. Память, история, забвение. М. : Изд-во гуманит. лит. 728 с.

Рубцов А.В. 2014. Наука и власть [Электронный ресурс] // Отечественн. записки. № 1 (58). URL: <http://www.strana-oz.ru/2014/1/nauka-i-vlast> (дата обращения: 14.05.2018).

Сёрль Дж. Р. 1986. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике : [сб. ст.] М. : Прогресс. Вып. 17: Теория речевых актов. С. 170-194.

Старцев А.В. 2010. Стабильность в современной России: состояние и факторы и динамики // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 1. С. 166-168.

Туровский Р.Ф. 2006. Центр и регионы: проблемы политических отношений. М. : Изд-во ГУ-ВШЭ. 400 с.

Уолтон Д. 2002. Аргументы ad hominem. М. : Ин-т Фонда «Обществ. мнение». 351 с.

Ушакин С. 2009. Бывшее в употреблении: Постсоветское состояние как форма афазии [Электронный ресурс] // Новое лит. обозрение. № 100. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/ush55.html> (дата обращения: 12.05.2018).

Фуко М. 2005. Ненормальные. СПб. : Наука. 432 с.

Хантингтон С. 2004. Политический порядок в меняющихся обществах. М. : Прогресс-Традиция. 480 с.

Хархордин О.В. (ред.) 2011. От общественного к публичному / под ред. О.В. Хархордина. СПб. : ЕУСПб. 530 с.

Хобсбаум Э. 2000. Изобретение традиций // Вестн. Евразии. № 1 (8). С. 47-62.

Юрчак А. 2014. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / пер. с англ. М. : Новое лит. обозрение. 604 с.

Ярославцева А.О. 2012а. Ключевые характеристики массового восприятия политической стабильности в современной России: может ли стабильность стать национальной идеей // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Политология. № 1. С. 57-66.

Ярославцева А.О. 2012б. Политическая стабильность: современные параметры и коннотации // Политическая стабильность: новые вызовы, методологические аспекты анализа и прогнозирования, региональные исследования. М. : Изд-во РУДН. С. 11-44.

Baganha M.I. 2003. From Closed to Open Doors: Portuguese Emigration under the Corporatist Regime [Электронный ресурс] // e-JPH. Vol. 1, no. 1. P. 1-16. URL: https://www.brown.edu/Departments/Portuguese_Brazilian_Studies/ejph/html/issue1/pdf/baganha.pdf (дата обращения: 12.05.2018).

Burke E. Select works. Vol. 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://oll.libertyfund.org/titles/burke-select-works-of-edmund-burke-vol-1--5> (дата обращения: 12.05.2018).

De Mesquita B.B., Downs G.W. 2005. Development and Democracy // Foreign Affairs. Vol. 84, № 5. P. 77-86.

Dowding K., Kimber R. 1983. The Meaning and Use of «Political Stability» // European Journal of Political Research. Vol. 11, iss. 3. P. 229-243.

Dror Y. 1999. Beyond uncertainty: Facing the inconceivable // Technological forecasting and social change. Vol. 62, iss. 1-2. P. 151-153.

Eckstein H. 1966. Division and Cohesion in Democracy: A Study of Norway. Princeton : Princeton Univ. Press. 318 p.

Eckstein H. 1997. Congruence Theory Explained [Электронный ресурс] // UC Irvine: Center for the Study of Democracy. URL: <https://cloudfront.escholarship.org/dist/prd/content/qt2wb616g6/qt2wb616g6.pdf> (дата обращения: 03.05.2018).

Godoy L.A. 2011. Structural stability concepts in medieval and renaissance mechanics [Электронный ресурс] // Latin American Journal of Solids and Structures. Vol. 8. P. 83-105. URL: <http://www.scielo.br/pdf/lajss/v8n1/a05v8n1.pdf> (дата обращения: 02.05.2018).

Hansson S. O., Helgesson G. 2003. What Is Stability? [Электронный ресурс] // Synthese 136. № 2. P. 219-235. URL: <http://www.jstor.org/stable/20118329> (дата обращения: 03.05.2018).

Hurwitz L. 1980. Political Order: Rewards, Punishments and Political Stability // American Political Science Review. № 74. P. 269-270.

Jong-A-Pin R. 2006. On the measurement of political instability and its impact on economic growth [Электронный ресурс], March 15. Groningen : Univ. of Groningen. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/87dd/8d93f47cd040c1513b279e3ce8e9b3146d84.pdf> (дата обращения: 01.05.2018).

Lefort C. 1988. Democracy and Political Theory. Minneapolis : Univ. of Minnesota Press. 100 p.

Lévi-Strauss C. 1987. Introduction to the Work of Marcel Mauss [Электронный ресурс]. London : Routledge. 90 p. URL: https://monoskop.org/images/6/65/Levi-Strauss_Claude_Introduction_to_the_Work_of_Marcel_Mauss.pdf (дата обращения: 09.05.2018).

Lloyd G. 1990. Demystifying Mentalities. Cambridge : Cambridge Univ. Press. 184 p.

Rosenthal U. 1978. Political Order: Rewards, Punishments and Political Stability. Alphen aan den Rijn, The Netherlands : Sijthoff & Noordhoff. XI, 286 p.

Salazar A. 1965. Salazar Says: Declaration on overseas policy. Lisbon : SNI. 36 p.

Sunstein C.R. 2001. Echo chambers: Bush v. Gore, impeachment, and beyond [Электронный ресурс]. Princeton, Oxford : Princeton Univ. Press. 20 p. URL: <http://assets.press.princeton.edu/sunstein/echo.pdf> (дата обращения: 05.05.2018).

Vallier K. 2017. Three concepts of political stability: an agent-based model // Social Philosophy and Policy. Vol. 34, № 1. P. 232-259. doi: 10.1017/S0265052517000115.

Vertessen D., De Landtsheer C. 2008. A Metaphorical Election Style: Metaphor Use at Election Time [Электронный ресурс] // Politics, Language and Metaphor / eds. J. Pikalo, T. Carver. London : Routledge. P. 271-285. URL: <https://www.taylorfrancis.com/books/e/9781134114702/chapters/10.4324%2F9780203931233-31> (дата обращения: 06.06.2018).

Zimmermann E. 1983. Political Violence, Crises and Revolutions : Theories and Research. Boston, Mass. : G.K. Hall ; Cambridge, Mass. : Schenkman Pub. Co. 810 p.

K. Telin. Imitatsiya «stabil'nosti»: lozhnaya optika vlastnogo diskursa [Imitation of “stability”: fake optics of political power discourse], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 55–74. (in Russ.).

K. Telin, Candidate of Political Sciences, Research Fellow, Department of Public Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: kirill.telin@gmail.com

Article received 26.09.2018, accepted 15.10.2018, available online 29.12.2018

IMITATION OF «STABILITY»: FAKE OPTICS OF POLITICAL POWER DISCOURSE

Abstract. This paper is dedicated to the study of «stability» ideas existing in the political sphere as one of the key points of official political power discourse. According to the author, the usage of “stability” concept oriented towards various manipulations of the public opinion is compared with the scientific notions expressed in domestic and foreign developments. The paper includes a comprehensive methodological optics: the author offers detailed analysis of the key contemporary concepts of “stability” with detailed presentation of the relevant requirements for the existing political order.

The author makes a conclusion about the discrepancy between the meaning of “stability” in the scientific and political spheres. The paper considers such systematical political circumstances as defects in political communication and existing political language (1); political disenfranchisement and reproducing alienation of citizens from their own political rights and ideas about themselves as political actors (2); and as deliberate transformation of quite specific and instrumental discourse of “stability” and “stabilization” into a vague ethical requirement (3). The author assumes that continuing trends in Russian politics (in many ways similar to similar trends in other countries) – such as the gap between the establishment and the rest of society (a); political apathy and even depression of a large part of the population (b); and the ongoing transformation of the information space (c) – are able to exacerbate the problems of the official authoritative discourse with scientific research and even elementary common sense.

Keywords: stability, political regime, discourse, language, political competition.

References

XXVII s'ezd Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuz, 25 fevr. – 6 marta 1986 g. : stenogr. otchet. V 3 t. [XXVII Congress of the Communist party of the Soviet Union, February 25. – 6 March 1986: verbatim record, in 3 vols.], Moscow, Politizdat, 1986, available at: <http://soveticus5.narod.ru/85/xxviit1.htm> (accessed May 01, 2018).

Akhremenko A.S. *Dinamicheskiy podkhod k matematicheskomu modelirovaniyu politicheskoy stabil'nosti* [Dynamic approach to mathematic modelling of political stability], *POLIS : Politicheskie issledovaniya*, 2009, no. 3, pp. 105–112. (in Russ.).

Aronson O.V. *Tsenzura kak opyt: simptomatika i etika* [Censorship as experience: symptoms & ethics], *Index. Dos'e na tsenzuru*, 2004, no. 20, available at: <http://www.index.org.ru/journal/20/aronson20.html> (accessed May 15, 2018). (in Russ.).

Baganha M.I. From Closed to Open Doors: Portuguese Emigration under the Corporatist Regime, *e-JPH*, 2003, vol. 1, no. 1, pp. 1–16, available at: https://www.brown.edu/Departments/Portuguese_Brazilian_Studies/ejph/html/issue1/pdf/baganha.pdf (accessed May 12, 2018).

Baranov N.A. *Vozrozhdenie populizma: evropeyskiy opyt i rossiyskie praktiki* [Uprising of a populism: European experience and Russian practices], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 6*, 2015, iss. 3, pp. 25–36. (in Russ.).

Bondarenko V.F., Efanova E.V. *Politicheskaya stabil'nost' v sovremennoy Rossii: faktory, urovni, protivorechiya* [Political stability in contemporary Russia: factors, levels and contradictions], *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki : v 2 ch.*, Tambov, Gramota, 2012, no. 4 (18), pt. 2, pp. 37-40, available at: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2012_4-2_09.pdf (accessed May 06, 2018). (in Russ.).

Bourdieu P. *O proizvodstve i vosproizvodstve legitimnogo yazyka* [The Production and Reproduction of Legitimate Language], *Otechestvennye zapiski*, 2005, no. 2 (23), available at: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/o-proizvodstve-i-vosproizvodstve-legitimnogo-yazyka> (accessed April 19, 2018). (in Russ.).

Bozoki A. *Populizm kak diskurs vengerskikh elit* [Populism as a discourse of Hungarian elites], *Sravnitel'naya politika*, 2012, no. 3 (9), pp. 162-184, available at: <http://www.comparativepolitics.org/index.php/jour/article/viewFile/114/128> (accessed May 03, 2018). (in Russ.).

Burke E. *Select works. Vol. 1*, available at: <http://oll.libertyfund.org/titles/burke-select-works-of-edmund-burke-vol-1--5> (accessed May 12, 2018).

De Mesquita B.B., Downs G.W. Development and Democracy, *Foreign Affairs*, 2005, vol. 84, no. 5, pp. 77-86.

Dowding K., Kimber R. The Meaning and Use of «Political Stability», *European Journal of Political Research*, 1983, vol. 11, iss. 3, pp. 229-243.

Dror Y. Beyond uncertainty: Facing the inconceivable, *Technological forecasting and social change*, 1999, vol. 62, iss. 1-2, pp. 151-153.

Eckstein H. Congruence Theory Explained, *UC Irvine: Center for the Study of Democracy*, 1997, available at: <https://cloudfront.escholarship.org/dist/prd/content/qt2wb616g6/qt2wb616g6.pdf> (accessed May 03, 2018).

Eckstein H. *Division and Cohesion in Democracy: A Study of Norway*, Princeton, Princeton Univ. Press, 1966, 318 p.

Foucault M. *Nenormal'nye* [Abnormal], St. Petersburg, Nauka, 2005, 432 p. (in Russ.).

Gladarev B. *Opyty preodoleniya «publichnoynemoty»: analiz obshchestvennykh diskussiy v Rossii nachala XXI veka* [Essays of public muteness overcoming: analysis of public discussions in Russia of XXI century], N. Vakhtin, B. Gladarev, B. Firsov (red.) *Rossiyskoe obshchestvo v poiskakh publichnogo yazyka: vchera segodnya zavtra*, St. Petersburg, Izd-vo EUSPb., 2014, available at: https://eu.spb.ru/images/pnis/Gladarev_Opyty_preodoleniya_publichnoynemoty.pdf (accessed May 02, 2018). (in Russ.).

Godoy L.A. Structural stability concepts in medieval and renaissance mechanics, *Latin American Journal of Solids and Structures*, 2011, vol. 8, pp. 83-105, available at: <http://ww.scielo.br/pdf/lajss/v8n1/a05v8n1.pdf> (accessed May 02, 2018).

Hansson S. O., Helgesson G. What Is Stability? *Synthese* 136, 2003, no. 2, pp. 219-235, available at: <http://www.jstor.org/stable/20118329> (accessed May 03, 2018).

Harhordin O.V. (ed.) *Ot obshchestvennogo k publichnomu* [From social to public], St. Petersburg, EUSPb., 2011, 530 p. (in Russ.).

Hobsbawm E. *Izobretenie traditsiy* [Invention of tradition], *Vestnik Evrazii*, 2000, no. 1 (8), pp. 47-62. (in Russ.).

Huntington S. *Politicheskii poryadok v menyayushchikhsya obshchestvakh* [Political Order in Changing Societies], Moscow, Progress-Traditsiya, 2004, 480 p. (in Russ.).

Hurwitz L. Political Order: Rewards, Punishments and Political Stability, *American Political Science Review*, 1980, no. 74, pp. 269-270.

Ivanov V.N. *Politicheskaya sotsiologiya* [Political Sociology], Moscow, Mysl', 2000, 294 p. (in Russ.).

Jong-A-Pin R. *On the measurement of political instability and its impact on economic growth*, March 15, 2006, Groningen, Univ. of Groningen, available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/87dd/8d93f47cd040c1513b279e3ce8e9b3146d84.pdf> (accessed May 01, 2018).

Kulikova S.A. *Konstitutsionnyy zapret tsenzury v Rossii* [Constitutional ban of censure in Russia], Moscow, Prospekt, 2016, 252 p. (in Russ.).

Lacan J. «Ya» v teorii Freyda i v tekhnike psikhoanaliza (1954/55) [The Ego in Freud's Theory and in the Technique of Psychoanalysis (1954/55)], Moscow, Gnozis, Logos, 1999, 520 p. (in Russ.).

Lefort C. *Democracy and Political Theory*, Minneapolis, Univ. of Minnesota Press, 1988, 100 p.

Lévi-Strauss C. *Introduction to the Work of Marcel Mauss*, London, Routledge, 1987, 90 p., available at: https://monoskop.org/images/6/65/Levi-Strauss_Claude_Introduction_to_the_Work_of_Marcel_Mauss.pdf (accessed May 09, 2018).

Lloyd G. *Demystifying Mentalities*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1990, 184 p.

Magun A.V. *Otritsatel'naya revolyutsiya: k dekonstruktsii politicheskogo sub'ekta* [Negative revolution: To deconstruction of a political actor], St. Petersburg, Izd-vo EUSPb., 2008, 416 p., available at: http://abuss.narod.ru/Biblio/polis/magun_or_vv.htm (accessed May 05, 2018). (in Russ.).

Makarychev A.S. *Stabil'nost' i nestabil'nost' pri demokratii: metodologicheskie podkhody i otsenki* [Stability and instability on democracy: methodological approaches and estimates], *POLIS: Politicheskie issledovaniya*, 1998, no. 1, pp. 149-157. (in Russ.).

Makarychev A.V. *Rossiyskie olimpiyskie diskursy: efekty unifikatsii i mnogoobraziya* [Russian Olympic discourses: effects of unification and plurality], *Neprikosnovennyy zapas*, 2013, no. 2 (88), pp. 86-100. (in Russ.).

Marchenya P. *Paradoksy mifologii «pravovogo nigilizma» v Rossii* [Paradoxes of law nihilism mythology in Russia], *Zakon i pravo*, 2006, no. 2, pp. 20-22. (in Russ.).

Martyanov V.S. *Metayazyk politicheskoy nauki* [Metalanguage of political science], Ekaterinburg, Izd-vo UrO RAN, 2003, 236 p. (in Russ.).

Matafonova Yu.A. *Politicheskaya stabil'nost' i politicheskaya ustoychivost' v kontekste federativnoy sistemy* [Political stability and political sustainability inside federative system], *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 2 (62), vol. 2, pp. 72-75. (in Russ.).

Mendes V.K. *Opravdanie diktatury? (diktator Salazar v 1930 g. i poet Fernando Pessoa v 1928 g.)* [Dictatorship Excused (dictator Salazar in 1930 and poet Fernando Pessoa in 1928)], *Nezavisimyy filologicheskyy zhurnal*, 2009, no. 100, available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/me9.html> (accessed April 02, 2018). (in Russ.).

Miller J.-W. *Lakan i politika: beseda Zhaka-Alena Millera s zhurnalistami Zh.-P. Klero i L. Lott (Paris: PUF, 2003. № 16)* [Lacan and politics: interview with Jacques-Alain Miller], *Neprikosnovennyy zapas*, 2009, no. 5 (67), available at: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz-67/4238-lakan-i-politika.-beseda-s-zhakom.html> (accessed December 01, 2017). (in Russ.).

Miller J.-W. *Spory o demokratii: Politicheskie idei v Evrope XX veka* [Contesting Democracy: political ideas in Twentieth-Century Europe], Moscow, Izd-vo In-ta Gaydara, 2017, 398 p. (in Russ.).

Morgunova A.B. *Ideologii i strategii dominirovaniya v diskurse rossiyskogo i belorusskogo prezidentov* [Ideologies and strategies of domination in discourse of Russian and Belarus presidents], *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, 2010, vol. 103, no. 1, pp. 19-47. (in Russ.).

Mouffe Ch. *Kagonisticheskoy modeli demokratii* [For an Agonistic Model of Democracy], *Logos*, 2004, no. 2 (42), pp. 180-197. (in Russ.).

Pautova L.A. *Kompleksnyy podkhod k issledovaniyu sotsial'nogo predstavleniya o stabil'nosti* [Complex approach to research of social representation of stability], *Sotsiologiya*, 2004, no. 19, pp. 32-65. (in Russ.).

Pautova L.A. *Stabil'nost' – nashe kredo?* [Is stability our credo?], *Rossiya v global'noy politike : (elektronnaya versiya)*, 2017, available at: <http://www.globalaffairs.ru/number/Stabilnost-nashe-kredo-18660> (accessed April 01, 2018). (in Russ.).

Ricœur P. *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, history, forgetting], Moscow, Izd-vo gumanitarnoy literatury, 2004, 728 p. (in Russ.).

Rosenthal U. *Political Order: Rewards, Punishments and Political Stability*, Alphen aan den Rijn, The Netherlands, Sijthoff & Noordhoff, 1978, XI, 286 p.

Rubtsov A.V. *Nauka i vlast'* [Science and Power], *Otechestvennye zapiski*, 2014, no. 1 (58), available at: <http://www.strana-oz.ru/2014/1/nauka-i-vlast> (accessed May 14, 2018). (in Russ.).

Salazar A. *Salazar Says: Declaration on overseas policy*, Lisbon, SNI, 1963, 36 p.

Searle J.R. *Klassifikatsiya illokutivnykh aktov* [Classification of Illocutive Acts], *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*, Moscow, Progress, 1986, iss. 17, pp. 170-194. (in Russ.).

Startsev A.V. *Stabil'nost' v sovremennoy Rossii: sostoyanie i faktory i dinamiki* [Stability in contemporary Russia: state, factors, dynamics], *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Lingvistika i mezhdul'turnaya kommunikatsiya»*, 2010, no. 1, pp. 166-168. (in Russ.).

Sunstein C.R. *Echo chambers: Bush v. Gore, impeachment, and beyond*, Princeton, Oxford, Princeton Univ. Press, 2001, 20 p., available at: <http://assets.press.princeton.edu/sunstein/echo.pdf> (accessed May 05, 2018).

Turovskiy R.F. *Tsentr i regiony: problemy politicheskikh otnosheniy* [Center and regions: problems of political relations], Moscow, Izd-vo GU-VShE, 2006, 400 p. (in Russ.).

Ushakin S. *Byvshee v upotreblenii: Postsovetskoe sostoyanie kak forma afazii* [Being used: post-soviet state as a kind of aphasia], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2009, no. 100, available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/ush55.html> (accessed May 12, 2018). (in Russ.).

Vallier K. Three concepts of political stability: an agent-based model, *Social Philosophy and Policy*, 2017, vol. 34, no. 1, pp. 232-259, doi: 10.1017/S0265052517000115.

Vertessen D., De Landtsheer C. A Metaphorical Election Style: Metaphor Use at Election Time, *J. Pikalo, T. Carver (eds.) Politics, Language and Metaphor*, London, Routledge, 2008, pp. 271-285, available at: <https://www.taylorfrancis.com/books/e/9781134114702/chapters/10.4324%2F9780203931233-31> (accessed June 06, 2018).

Walton D.N. *Argumenty ad hominem* [Ad Hominem Arguments], Moscow, In-t Fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2002, 351 p. (in Russ.).

Yaroslavtseva A.O. *Klyuchevye kharakteristiki massovogo vospriyatiya politicheskoy stabil'nosti v sovremennoy Rossii: mozhnet li stabil'nost' stat' natsional'noy ideey* [Key features of mass perception of political stability in contemporary Russia: could stability become a national idea], *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya «Politologiya»*, 2012, no. 1, pp. 57-66. (in Russ.).

Yaroslavtseva A.O. *Politicheskaya stabil'nost': sovremennyye parametry i konnotatsii* [Political stability: contemporary parameters & connotations], *Politicheskaya stabil'nost': novyye vyzovy, metodologicheskie aspekty analiza i prognozirovaniya, regional'nye issledovaniya*, Moscow, Izd-vo RUDN, 2012, pp. 11-44. (in Russ.).

Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything Was Forever, Until It Was No More. The Last Soviet Generation], Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2014, 604 p. (in Russ.).

Zimmermann E. *Political Violence, Crises and Revolutions : Theories and Research*, Boston, Mass., G.K. Hall, Cambridge, Mass., Schenkman Pub. Co, 1983, 810 p.

Нечкин А.В. Органы конституционного контроля стран СНГ: порядок формирования и компетенция // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2018. Т. 18, вып. 4, с. 75–96.

УДК 342.565.2
DOI 10.17506/ryipl.2016.18.4.7596

ОРГАНЫ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ СТРАН СНГ: ПОРЯДОК ФОРМИРОВАНИЯ И КОМПЕТЕНЦИЯ

Андрей Вадимович Нечкин

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры конституционного права
Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: super.nechkin@gmail.com

Материал поступил в редколлегию 20.06.2018 г.

Институт специализированных органов конституционного контроля является довольно новым для стран СНГ, а в вопросе его правовой регламентации государства СНГ демонстрируют довольно широкое разнообразие подходов. Наибольшие различия правового статуса специализированных органов конституционного контроля стран СНГ прослеживаются в порядке их формирования и в объеме компетенции. Кроме того, правовая регламентация порядка формирования и компетенции в странах СНГ не остается статичной и подвержена частому, нередко конъюнктурному изменению.

В данной статье автор с применением сравнительно-правового метода исследует порядок формирования специализированных органов конституционного контроля стран СНГ, вслед за М.С. Кургузиковым выделяя четыре способа формирования данных органов. Он отдает предпочтение одному из способов, характерному для ряда государств СНГ, который предполагает, что в определении состава органа конституционного контроля участвуют на равных не только представительный орган (парламент) и глава государства, но и представители самой судебной власти в лице специализированных органов судейского сообщества.

Далее автор подробно, на основе сравнительно-правового метода, анализирует компетенцию специализированных органов конституционного контроля стран СНГ, разбивая ее на две большие группы полномочий, а именно на общераспространенные и специфические полномочия. Помимо полномочий автор выделяет и описывает также полномочия специализированных органов конституционного контроля стран СНГ.

В заключении представлены выводы о наиболее целесообразном порядке формирования специализированных органов конституционного контроля, предполагающем максимально равное участие всех ветвей государственной власти, и о путях рационализации их компетенции, которые в будущем могут быть использованы для совершенствования конституционно-правового статуса специализированных органов конституционного контроля как стран СНГ, так и иных государств. Кроме того, автор формулирует предложения по оптимизации правового статуса Конституционного Суда Российской Федерации в части расширения и конкретизации его компетенции.

Ключевые слова: Содружество Независимых Государств, страны СНГ, специализированные органы конституционного контроля стран СНГ, конституционные суды стран СНГ, компетенция, порядок формирования.

Во всех странах СНГ, за исключением Туркменистана, действуют специально уполномоченные органы государства, осуществляющие конституционный контроль, то есть «деятельность по проверке, выявлению, констатации и устранению несоответствий нормативно-правовых актов, а также действий различных органов государства, физических и юридических лиц, уполномоченных государством на государственно-властные действия, Основному закону страны, заканчивающаяся отменой обнаруженных несоответствий» (Гордеев 2007: 50). Или «деятельность, направленную на обеспечение верховенства конституции, предупреждение издания не соответствующих Основному закону нормативных актов, установление и устранение неконституционных законов, иных нормативных актов или действий и в случае необходимости толкование конституции и законов» (Несмеянова 1994: 19).

Такого рода специализированный орган в странах СНГ может быть как судебным (Российская Федерация, Республика Беларусь, Украина, Молдова, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан, Армения, Азербайджан), так и несудебным, или квазисудебным (Казахстан).

Порядок формирования органов конституционного контроля в странах СНГ уже становился предметом научного интереса нашей кафедры. Так, М.С. Кургузиков в своей статье «Формирование органов конституционного контроля в странах СНГ» детально рассмотрел способы формирования данных органов и пришел к выводу, что в СНГ можно выделить четыре способа формирования специализированных органов конституционного контроля (Кургузиков 2016b: 31-37). Первый способ (Республика Казахстан, Республика Беларусь и Республика Армения) предполагает, что членов органа конституционного контроля назначают непосредственно глава государства и представительный орган (парламент), но только в Армении делается это на действительно паритетных началах.

В рамках второго способа (Азербайджанская Республика, Российская Федерация, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан и Киргизская Республика) в формировании состава органа конституционного контроля также участвует глава государства и представительный орган (парламент), однако правом непосредственно назначать должностных лиц наделяется лишь парламент; при этом предложения о кандидатурах на эту должность вносятся главой государства. Автор подчеркивает, что в Кыргызстане, в отличие от Азербайджана, Российской Федерации, Таджикистана и Узбекистана, право главы государства предлагать кандидатуры на должность в орган конституционного контроля ограничено Советом по отбору судей, в определении состава которого глава государства не принимает участия.

Третий способ формирования органов конституционного контроля (Республика Молдова и Украина) предполагает, что в определении состава органа конституционного контроля участвуют на равных не только представительный орган (парламент) и глава государства, но и представители самой судебной власти в лице специализированных органов судейского сообщества.

И, наконец, четвертый способ (Туркменистан) характеризуется тем, что в формировании органа конституционного контроля участвуют все граждане страны, наделенные активным избирательным правом, потому как отдельный специализированный орган конституционного контроля не создается, а его полномочия передаются представительному органу (парламенту). Собственно говоря, выделение данного способа видится весьма спорным, потому как функция конституционного контроля не является основной функцией Меджлиса Туркменистана, а значит, классификация производится не по единому основанию.

Однако необходимо учитывать, что новая редакция Конституции Республики Армении изменила порядок формирования Конституционного Суда. Теперь данный орган формируется следующим, довольно запутанным, на наш взгляд, способом: «...судей Конституционного Суда избирает Национальное Собрание как минимум тремя пятими голосов от общего числа депутатов – сроком на двенадцать лет. Конституционный Суд состоит из девяти судей, трое из которых избираются по предложению Президента, трое – Правительства, трое – по предложению Общего собрания судей» (Конституция Республики Армения: ч. 1 ст. 166). Таким образом, мы видим, что законодатель в Армении предусмотрел некий симбиоз второго и третьего способов, о которых речь идет далее.

Описывая способы формирования органов конституционного контроля в странах СНГ, М.С. Кургузиков отмечает наибольшую предпочтительность третьего способа, потому как он «обеспечивает формирование политически нейтрального независимого органа конституционного контроля» (Кургузиков 2016b: 36). С этим выводом автора трудно не согласиться.

Прежде всего, конституционный контроль предполагает правовую оценку деятельности законодательной, исполнительной, судебной ветвей власти и главы государства. Для того чтобы осуществлять такую деятельность объективно и беспристрастно, орган конституционного контроля не

должен быть судьей в своем собственном деле, то есть в своем составе он по возможности должен иметь представителей всех ветвей власти и главы государства, в том случае, если он юридически не принадлежит к власти исполнительной. Однако первостепенной задачей в данном вопросе все же остается максимальное обеспечение независимости органа конституционного контроля от власти исполнительной и главы государства, особенно если она находится под фактическим контролем последнего (Нечкин 2016: 111-129).

Кроме того, третий способ наиболее прост, понятен и не допускает расщепления ответственности за принятое решение, потому как не содержит многоступенчатых процедур с выдвижением кандидатов одними органами и их последующим одобрением другими органами.

Наконец, вектор недавних конституционных реформ в Армении, ориентированный на третий способ формирования органа конституционного контроля, на практике подтверждает его объективные преимущества.

Компетенция специализированных органов конституционного контроля в странах СНГ также отличается разнообразием.

Вообще вопрос классификации полномочий органов конституционного контроля, в том числе стран СНГ, является довольно разработанным в научной литературе (Витрук 1998: 156-199; Кряжков, Лазарев 1998: 74-97; Клишас 2004: 48-65; Несмеянова 2012: 65-70; Кургузиков 2016а: 18-23; Пастернак 2017: 76-83). Причем в рамках такой классификации, как правило, полномочия делятся на обязательные (характерные для органов конституционного контроля большинства государств) и факультативные (характерные лишь для органов конституционного контроля отдельных государств); далее происходит авторская группировка конкретных полномочий, коих обычно набирается от 16 до 36 наименований.

Представляется, что, говоря о компетенции специализированных органов конституционного контроля стран СНГ, вполне обоснованно выделять общераспространенные полномочия, характерные для органов конституционного контроля многих стран СНГ, и специфические, характерные для органов конституционного контроля лишь отдельных стран СНГ. Подробное рассмотрение компетенции специализированных органов конституционного контроля в странах СНГ начнем с общераспространенных полномочий.

Практически все специализированные органы конституционного контроля стран СНГ наделяются полномочиями по осуществлению последующего *абстрактного нормоконтроля* – как правило, по запросам парламента (палат парламента), его членов, а также иных органов государственной власти (главы государства, правительства, высших судов и т.д.) или *конкретного нормоконтроля* – по жалобам граждан и запросам судов.

В Республике Беларусь конкретный нормоконтроль непосредственно по жалобам граждан и запросам судов Конституционный Суд не осуществляет, но Президент, а также органы, наделенные правом обращения в Конституционный Суд, могут обратиться в данный суд за гражданина или организацию, не являющуюся государственным органом, в случае, если по-

следние обратятся к ним с инициативой «о внесении предложений о проверке конституционности нормативного правового акта, примененного в отношении них в конкретном решении государственного органа или постановлении суда общей юрисдикции» (Кодекс...2006: ч. 3 ст. 22).

В Молдове конкретный нормаконтроль по жалобам граждан и запросам судов также не входит в компетенцию Конституционного Суда. Однако лицо может обратиться в Конституционный Суд посредством судебной инстанции и Высшей судебной палаты, используя исключительный случай неконституционности правовых актов (Конституция Республики Молдова: ч. 1 ст. 135).

Собственно говоря, в Казахстане в обязанности Конституционного Совета тоже не входит конкретный нормаконтроль непосредственно по жалобам граждан, однако суды «в случае, если усмотрят, что закон или иной нормативный правовой акт, подлежащий применению, ущемляет закрепленные Конституцией права и свободы человека и гражданина, обязаны приостановить производство по делу и обратиться в Конституционный Совет с представлением о признании этого акта неконституционным» (Конституция Республики Казахстан: ч. 2 ст. 72).

В Узбекистане наблюдается схожая ситуация, за тем лишь исключением, что Конституционный Суд «рассматривает обращение Верховного Суда, инициированное судами, о соответствии Конституции нормативно-правовых актов, подлежащих применению в конкретном деле» (Конституция Республики Узбекистан: ч. 1 ст. 109).

Относительно последующего абстрактного или конкретного нормаконтроля, осуществляемого специализированными органами конституционного контроля стран СНГ, следует подчеркнуть, что в нескольких государствах СНГ упомянутые органы могут проверять нормативные правовые акты на соответствие не только конституции, но и иным нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу по отношению к проверяемому.

Так, в Азербайджане Конституционный Суд «решает вопросы о соответствии указов Президента, постановлений Кабинета Министров, нормативно-правовых актов центральных органов исполнительной власти законам; постановлений Кабинета Министров и нормативно-правовых актов центральных органов исполнительной власти указам Президента; актов муниципалитетов законам, указам Президента, постановлениям Кабинета Министров и т.д.» (Конституция Азербайджанской Республики: ч. 3 ст. 130).

В Республике Беларусь Конституционный Суд «дает заключения о соответствии законов, декретов, указов Президента, международных договорных и иных обязательств Республики Беларусь международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь; актов межгосударственных образований, в которые входит Республика Беларусь, указов Президента, изданных во исполнение закона, Конституции, международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь, законам и декретам; постановлений Совета Министров, актов Генерального прокурора – международно-правовым актам, ратифицированным Республикой

Беларусь, законам, декретам и указам; актов любого другого государственного органа – международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь, законам, декретам и указам» (Конституция Республики Беларусь: ст. 116).

Кроме того, нельзя не отметить, что в некоторых странах СНГ специализированные органы конституционного контроля могут проверять на соответствие конституции также решения и другие акты судов.

Например, в Азербайджане Конституционный Суд решает вопросы «о соответствии в предусмотренных в законе случаях решений Верховного Суда Конституции». Кроме того, «с целью восстановления нарушенных прав и свобод человека каждый может обжаловать в Конституционный Суд Азербайджанской Республики судебные акты, нарушающие его права и свободы», а «Уполномоченный по правам человека Азербайджанской Республики может подать в Конституционный Суд запрос в связи с судебными актами, нарушающими права и свободы человека» (Конституция Азербайджанской Республики: ст. 130).

В Республике Беларусь Конституционный Суд «дает заключения о соответствии актов Верховного Суда, Высшего Хозяйственного Суда, а также актов любого другого государственного органа Конституции, международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь, законам, декретам и указам» (Конституция Республики Беларусь: ст. 116).

В Таджикистане Конституционный Суд «определяет соответствие Конституции нормативных правовых актов Верховного Суда, Высшего экономического суда и других государственных и общественных органов» (Конституция Республики Таджикистан: ч. 2 ст. 89).

В ряде стран СНГ специализированные органы конституционного контроля обладают полномочием по осуществлению предварительного абстрактного нормоконтроля, как правило, в отношении не вступивших в силу международных договоров (Российская Федерация, Азербайджан, Казахстан, Республика Беларусь, Киргизстан, Таджикистан, Украина, Армения), инициативы, вопросов и (или) проектов правовых актов, предлагаемых для вынесения на всенародный референдум (Российская Федерация, Украина, Армения, Таджикистан), а также поправок к конституции (Казахстан, Киргизстан, Таджикистан, Азербайджан, Армения, Украина, Молдова).

Причем в отдельных государствах СНГ предварительный абстрактный нормоконтроль в отношении поправок к конституции является обязательным (Казахстан, Украина, Армения, Молдова), а в Российской Федерации обязательный предварительный абстрактный нормоконтроль осуществляется в отношении международных договоров о принятии в состав Российской Федерации иностранного государства или части иностранного государства в качестве нового субъекта (Федеральный конституционный закон «О порядке принятия в РФ и образования в ее составе нового субъекта РФ»: ст. 7), а также в отношении инициативы проведения референдума Российской Федерации по предложенному вопросу (вопросам) (Федеральный конституционный закон «О референдуме РФ»: ст. 23).

В Республике Беларусь Конституционный Суд «в порядке обязательно-го предварительного контроля принимает решения о соответствии законов, принятых Палатой представителей Национального Собрания и одобренных Советом Республики Национального Собрания, Конституции Республики Беларусь, международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь, – до подписания этих законов Президентом» (Кодекс «О судостроительстве и статусе судей»: ст. 22).

В Казахстане Конституционный Совет также рассматривает до подписания Президентом принятые Парламентом законы на их соответствие Конституции, но только по обращению Президента, Председателя Сената (верхней палаты парламента), Председателя Мажилиса (нижней палаты парламента), не менее одной пятой части от общего числа депутатов Парламента, Премьер-министра (Конституция Республики Казахстан: ч. 1 ст. 72).

В Узбекистане Конституционный Суд определяет по обращению уполномоченных субъектов соответствие Конституции законов о ратификации международных договоров Республики Узбекистан – до их подписания Президентом (Конституция Республики Узбекистан: ч. 1 ст. 109).

Кроме того, в ряде стран СНГ специализированные органы конституционного контроля обладают исключительным полномочием по толкованию положений конституций своих государств (Российская Федерация, Казахстан, Азербайджан, Украина, Молдова, Узбекистан).

Однако в Республике Беларусь Конституционный Суд по инициативе Президента может давать лишь официальное толкование декретов и указов Президента, касающихся конституционных прав, свобод и обязанностей граждан, а толкование положений конституции и законов осуществляет нижняя палата парламента (Палата представителей) (Кодекс «О судостроительстве и статусе судей»: ст. 22; Конституция Республики Беларусь: ст. 97).

В Азербайджане Конституционный Суд помимо толкования положений конституции может осуществлять толкование законов (Конституция Азербайджанской Республики: ч. 6 ст. 130).

В отдельных странах СНГ специализированные органы конституционного контроля разрешают споры о компетенции (Российская Федерация, Азербайджан, Армения, Таджикистан).

Так, в Таджикистане Конституционный Суд «разрешает споры между государственными органами относительно их компетенции» (Конституция Республики Таджикистан: ч. 2 ст. 89).

В Азербайджане Конституционный Суд «разрешает споры, связанные с разграничением полномочий между законодательной, исполнительной и судебной властями» (Конституция Азербайджанской Республики: ч. 3 ст. 130).

В Российской Федерации Конституционный Суд «разрешает споры о компетенции между федеральными органами государственной власти, между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ, между высшими государственными органами субъектов РФ» (Конституция РФ: ч. 3 ст. 125).

В Армении аналогичное полномочие Конституционного Суда сформулировано, по нашему мнению, наиболее узко. Конституционный Суд

Армении «разрешает споры между конституционными органами, возникающие в связи с их конституционными полномочиями» (Конституция Республики Армения: ч. 1 ст. 168).

В некоторых странах СНГ специализированные органы конституционного контроля наделены полномочиями по даче заключений (принятию решений) о соблюдении установленного порядка проведения различного рода процедур и подтверждению различных юридических фактов, связанных с досрочным прекращением полномочий главы государства, например а) о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления (Российская Федерация); б) о соблюдении установленных конституционных процедур досрочного освобождения от должности Президента при устойчивой неспособности осуществлять свои обязанности по болезни или за действия, совершенные им при исполнении своих обязанностей, в случае государственной измены (Казахстан); в) о совершении Президентом государственной измены (Таджикистан); г) о соблюдении конституционной процедуры расследования и рассмотрения дела об устранении Президента с поста в порядке импичмента (Украина); д) о констатации обстоятельств, оправдывающих отстранение от должности Президента, о временном исполнении его обязанностей, невозможности исполнения Президентом своих обязанностей в течение более чем 60 дней (Молдова); е) о наличии оснований отрешения от должности Президента, а также о невозможности исполнения полномочий Президента (Армения).

В нескольких странах СНГ специализированные органы конституционного контроля обладают полномочием по принятию ежегодных посланий (докладов) о состоянии конституционной законности в стране (Таджикистан, Узбекистан, Республика Беларусь, Молдова, Казахстан).

В Российской Федерации Конституционный Суд также наделен полномочием по принятию посланий (Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде РФ»: ст. 21), однако в силу характера изложения нормы, закрепляющей данное полномочие без детализации порядка его реализации, можно сделать вывод о том, что упомянутое полномочие реализуется Конституционным Судом РФ по собственному усмотрению, являясь в большей степени правом, чем обязанностью. Данный вывод подтверждается и практикой деятельности Конституционного Суда РФ, который полномочие по принятию посланий фактически не реализует.

Последним и одним из важнейших общераспространенных полномочий специализированных органов конституционного контроля стран СНГ является комплексное полномочие по самостоятельному решению вопросов своей внутренней организации, предполагающее возможность налагать дисциплинарные взыскания на судей (Российская Федерация, Республика Беларусь, Молдова), приостанавливать полномочия судей (Таджикистан, Российская Федерация, Узбекистан, Молдова), прекращать полномочия судей (Российская Федерация, Украина, Молдова), а также избирать (назначать) председателя (Киргизстан, Узбекистан, Армения, Украина, Молдова) и его заместителя (заместителей) (Киргизстан, Узбекистан, Армения, Украи-

на, Молдова) или только заместителя председателя (Республика Беларусь), принимать (утверждать) собственный регламент (Российская Федерация, Республика Беларусь, Таджикистан, Киргизстан, Узбекистан, Армения, Украина, Молдова, Казахстан).

Специфические полномочия, в отличие от рассмотренных выше общераспространенных полномочий, характерны лишь для специализированных органов конституционного контроля отдельных государств СНГ.

Так, в Республике Беларусь Конституционный Суд в рамках реализации специфических полномочий а) дает заключение о наличии фактов систематического или грубого нарушения палатами Национального Собрания Конституции; б) принимает решения о наличии фактов систематического или грубого нарушения местными Советами депутатов требований законодательства; в) излагает свою позицию относительно документов, принятых (изданных) иностранными государствами, международными организациями и (или) их органами и затрагивающих интересы Республики Беларусь, в части соответствия этих документов общепризнанным принципам и нормам международного права; г) проводит проверки конституционности определенных главой государства направлений нормотворческой деятельности и правоприменительной практики судов, правоохранительных и других государственных органов; д) принимает решения об устранении в нормативных правовых актах пробелов, исключении из них коллизий и правовой неопределенности (Кодекс «О судостроительстве и статусе судей»: ст. 22).

В Армении Конституционный Суд в рамках реализации специфических полномочий а) разрешает споры, связанные с постановлениями, принятыми по результатам референдума, выборов в Национальное Собрание, Президента Республики; б) выносит решение по вопросу прекращения полномочий депутата; в) подготавливает в установленных законом случаях постановление о приостановлении или запрете деятельности партии (Конституция Республики Армения: ст. 168).

В Казахстане Конституционный Совет решает в случае спора вопрос о правильности проведения выборов Президента, депутатов Парламента и проведения республиканского референдума (Конституция Республики Казахстан: ч. 1 ст. 72).

В Узбекистане Конституционный Суд согласовывает решение Президента о роспуске Законодательной палаты, а также Сената Олий Мажлиса (Конституция Республики Узбекистан: ст. 95).

В Молдове Конституционный Суд в рамках реализации специфических полномочий а) подтверждает результаты республиканских референдумов; б) подтверждает результаты выборов Парламента и Президента; в) констатирует обстоятельства, оправдывающие роспуск Парламента; г) принимает решения по вопросам, предметом которых является конституционность партии (Конституция Республики Молдова: ст. 135).

В Азербайджане Конституционный Суд а) выносит решение о принятии отставки Президента; б) принимает решение о полной утрате Президентом по состоянию здоровья способности исполнять свои полномочия;

в) выступает перед Милли Меджлисом (парламентом) с инициативой об отстранении Президента от должности за совершение тяжкого преступления и впоследствии удостоверяет принятое Милли Меджлисом постановление об отстранении Президента от должности, которое в противном случае не вступит в силу (Конституция Азербайджанской Республики: ст. 104, 107). То есть, по сути своей, принимает в трех вышеуказанных случаях окончательное решение по вопросу о прекращении полномочий действующего главы государства.

В Российской Федерации Конституционный Суд в рамках реализации специфических полномочий разрешает вопрос о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека (Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде РФ»: п. 3.2 ч. 1 ст. 3).

Помимо рассмотренных общераспространенных и специфических полномочий, составляющих компетенцию специализированных органов конституционного контроля стран СНГ, необходимо описать и правомочия таких органов, без упоминания которых разговор об их компетенции был бы, по нашему мнению, не совсем полным.

Правомочия специализированных органов конституционного контроля стран СНГ в отличие от полномочий, представляющих собой «право и одновременно обязанность субъекта действовать в определенной ситуации способом, предусмотренным законом или иным правовым актом» (Тихомиров 2001: 52), заключаются исключительно в праве данных органов действовать.

Ярким и, пожалуй, единственным примером правомочий специализированных органов конституционного контроля стран СНГ является право законодательной инициативы, которое в государствах СНГ предоставлено лишь специализированным органам конституционного контроля Российской Федерации и Узбекистана. Причем в отличие от Узбекистана, где данное право является неограниченным (Конституция Республики Узбекистан: ст. 83), право законодательной инициативы Конституционного Суда РФ ограничено вопросами ведения данного органа (Конституция РФ: ч. 1 ст. 104).

Представленный выше анализ компетенции специализированных органов конституционного контроля стран СНГ позволяет сделать следующие выводы, которые могут быть использованы для совершенствования конституционно-правового статуса данных органов в будущем.

Во-первых, предварительный нормаконтроль в качестве обязательного необходим в отношении не вступивших в силу международных договоров или в отношении отдельных видов таких договоров, особенно в случае, если международные договоры не могут быть проверены на соответствие конституции в рамках последующего нормаконтроля. Требуется это для дополнительной гарантии предотвращения возможных коллизий, которые могут затруднить реализацию государством важнейшего принципа международного права – добросовестного и своевременного исполнения взятых на себя обязательств.

Предварительный обязательный нормаконтроль нужен и в отношении вопросов и (или) проектов правовых актов, предлагаемых для вынесения на всенародный референдум. Цель в данном случае видится предельно конкретно – предотвратить возможное введение в заблуждение неподготовленного властного субъекта со стороны различных политических сил.

Относительно обязательного предварительного нормаконтроля в плане поправок к конституции столь однозначных выводов сделать нельзя. С одной стороны, специализированный орган конституционного контроля призван защищать конституцию, с другой – деятельность данного органа не должна подрывать принципы народовластия и разделения властей. Поэтому мы полагаем целесообразным наделять данным правом специализированный орган конституционного контроля лишь применительно к наиболее важным разделам или даже отдельным статьям конституции.

Во-вторых, в части последующего абстрактного нормаконтроля напрашивается очевидный вывод, что возможность проверять нормативные правовые акты на соответствие не только конституции, но и иным нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу по отношению к проверяемому, усиливает контрольный потенциал специализированного органа конституционного контроля, но в то же время, при определенных обстоятельствах, может приводить к перегрузке данного, зачастую небольшого по численному составу, органа работой, а значит и к закономерному снижению качества принимаемых им решений.

Абсолютно аналогичные выводы можно сделать и в связи с большим объемом специфических полномочий специализированных органов конституционного контроля. Кроме того, специфические полномочия специализированного органа конституционного контроля не должны давать возможности данному органу становиться актором или, еще хуже, инструментом политической борьбы. Исходя из этого можно утверждать, что специализированные органы конституционного контроля должны, главным образом, контролировать соблюдение тех или иных процедур, а не заниматься принятием окончательных решений. Отсюда участие специализированных органов конституционного контроля в даче заключений о соблюдении установленного порядка проведения различного рода процедур и подтверждении различных юридических фактов, связанных с досрочным прекращением полномочий главы государства, следует оценить как абсолютно необходимое.

В-третьих, относительно последующего конкретного нормаконтроля надо подчеркнуть, что среди стран СНГ еще остаются государства, где специализированные органы конституционного контроля не осуществляют данную разновидность контроля непосредственно по жалобам граждан (Республика Беларусь, Молдова, Казахстан, Узбекистан). Причем в научном сообществе упомянутых государств СНГ подобная ситуация оценивается отрицательно и высказывается надежда на скорейшее создание механизмов, позволяющих гражданам напрямую обращаться в специализированные органы конституционного контроля (Ударцев 2018: 123; Костаки, Райлян 2014: 5-6).

Существование механизмов своеобразного «посредничества» со стороны высших судебных органов (Молдова) и тем более главы государства, палат парламента или правительства (Республика Беларусь) следует, по нашему мнению, расценивать исключительно в качестве сдерживающего фактора по отношению к специализированным органам конституционного контроля, а также как серьезный барьер для реализации принципа безусловного приоритета прав и свобод человека и гражданина, который, к слову сказать, все вышеупомянутые государства СНГ закрепили в текстах своих конституций.

Этот вывод правомерен и в случаях, когда при отсутствии у граждан возможности напрямую обращаться в специализированные органы конституционного контроля в рамках последующего конкретного нормаконтроля данным правом наделяются суды низших инстанций или суды низших инстанций при посредничестве высших судов (Казахстан и Узбекистан).

Кроме того, говоря об обращении судов в специализированные органы конституционного контроля с запросами в рамках последующего конкретного нормаконтроля, нельзя не отметить некоторую неопределенность в том, что под этим самым «судом» понимать.

Наиболее логичным было бы под «судом» понимать конкретного судью, который рассматривает конкретное дело и приходит к выводу о возможном противоречии подлежащего применению нормативного правового акта или отдельного его положения конституции, осуществляя при этом правосудие, при отправлении которого он является независимым и подчиняется только конституции и закону.

Однако буквальное толкование норм конституции позволяет говорить о «суде» лишь как об организации, у которой есть руководитель – председатель, отвечающий за работу суда в целом, в том числе и за обращения в специализированный орган конституционного контроля, при этом испытывая особенное беспокойство по поводу сроков рассмотрения находящихся в производстве его суда дел и зачастую не приветствуя приостановления производства по ним без острой необходимости, что, по сути своей, довольно часто ставит судью, рассматривающего конкретное дело, не на сторону интересов личности.

Таким образом, для более эффективной реализации принципа безусловного приоритета прав и свобод человека и гражданина и для более эффективной защиты данных прав и свобод со стороны специализированных органов конституционного контроля было бы целесообразно использовать в текстах норм конституций стран СНГ понятия «судья» вместо понятия «суд».

В-четвертых, рассматривая последующий абстрактный и конкретный нормаконтроль, следует остановиться на возможности проверки специализированными органами конституционного контроля решений и иных актов судов в отдельных государствах СНГ в рамках упомянутой разновидности контроля.

В научной литературе данную возможность оценивают исключительно положительно, особенно в части решений региональных специализированных органов конституционного контроля (Кожевников 2013: 65), а также

в части руководящих пленумов высших судов, которые зачастую приобретают признаки нормативности для нижестоящих судов и в то же время нередко вступают в противоречие с практикой специализированных органов конституционного контроля (Худолей 2011: 78; Либанова 2016: 308-311).

Представляется, что наделение специализированного органа конституционного контроля полномочиями по проверке решений и иных актов судов в рамках последующего абстрактного и особенно конкретного нормоконтроля позитивно скажется на уровне исполнения и соблюдения решений специализированных органов конституционного контроля, что для многих государств СНГ на данный момент является довольно острой проблемой. Кроме того, вышеупомянутая инициатива, безусловно, позитивно отразится и на уровне защиты прав и свобод человека и гражданина.

В-пятых, полномочие специализированных органов конституционного контроля по толкованию положений конституций следует оценивать исключительно положительно, потому как, будучи реализованным, оно позволяет защищать конституционный текст от частых и зачастую конъюнктурных изменений и в то же время открывает возможность конституционным нормам оставаться реальным регулятором постоянно меняющихся общественных отношений.

Что же касается полномочия специализированных органов конституционного контроля по толкованию положений законов и подзаконных нормативных правовых актов, то данное полномочие, скорее, необходимо оценивать как избыточное, потому как фактически такое толкование, в той или иной мере, осуществляется специализированным органом конституционного контроля в рамках реализации предварительного или последующего нормоконтроля. Кроме того, полномочие по толкованию положений законов и подзаконных нормативных правовых актов позволяет специализированному органу конституционного контроля чрезвычайно часто внедряться в функциональную сферу органов законодательной власти, что с точки зрения принципа разделения властей не приветствуется. Поэтому, по нашему мнению, целесообразней наделять этим, безусловно полезным, полномочием исключительно парламент или его нижнюю палату.

В-шестых, полномочие специализированных органов конституционного контроля по разрешению споров о компетенции также является чрезвычайно полезным и необходимым и в большей степени соответствует функциональному предназначению именно данных органов. Однако, по нашему мнению, оно требует точной регламентации перечня субъектов (органов), компетенция которых может стать предметом рассмотрения специализированного органа конституционного контроля. В большинстве государств СНГ на данный момент, к сожалению, это не наблюдается, поскольку такие понятия, как «государственный орган», «законодательная, исполнительная, судебная власть», «конституционный орган», могут быть истолкованы неоднозначно, что, в свою очередь, может повлечь за собой проблемы реализации вышеупомянутого полномочия.

В-седьмых, полномочие специализированных органов конституционного контроля по принятию ежегодных посланий (докладов) о состоянии

конституционной законности в стране безусловно относится к числу полезных и необходимых, что отмечается и в научной литературе (Жаркова 2003: 264-265; Малюшин 2007: 15-16; Несмеянова 2010: 7-8; Митюков 2010: 27-33; Омаров 2011: 61-71; Брежнев 2014: 103-104). Эти послания способствуют исполнению решений специализированных органов конституционного контроля, более точному учету правовых позиций данных органов в правотворческой деятельности органов государственной власти, прежде всего законодательных, а как следствие и повышению уровня авторитета и эффективности деятельности специализированного органа конституционного контроля.

Однако при закреплении данного полномочия за специализированным органом конституционного контроля необходимо как минимум на законодательном уровне регламентировать структуру данного послания (обзор практики за определенный период, информация по фактическому исполнению решений, обобщенные предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы и т.д.), точные сроки его представления, механизм реагирования и отчетности органов государственной власти на послание, а в идеале – предусмотреть также и конкретные меры ответственности за отсутствие реакции на послание.

В-восьмых, комплексное полномочие специализированных органов конституционного контроля по самостоятельному решению вопросов своей внутренней организации в целом характеризует степень независимости данных органов от иных органов государственной власти и в этой части тесно переплетается с порядком формирования специализированных органов конституционного контроля, рассмотренным нами в начале статьи.

Причем нельзя не отметить, что в государствах СНГ, где в определении состава специализированного органа конституционного контроля участвуют на равных не только представительный орган (парламент) и глава государства, но и представители самой судебной власти в лице специализированных органов судейского сообщества (третий способ формирования), специализированные органы конституционного контроля обладают наибольшим объемом возможностей самостоятельно решать вопросы своей внутренней организации (Армения, Украина и особенно Молдова). А в государствах СНГ, где специализированные органы конституционного контроля формируются с преобладающим влиянием главы государства, они имеют наименьший объем возможностей самостоятельно решать вопросы своей внутренней организации (Республика Беларусь и особенно Казахстан). Хотя логичней было бы видеть обратную зависимость, потому как общеизвестно, что эффективность работы контролирующего органа напрямую зависит от степени его независимости от органов, чья деятельность становится объектом его контрольной деятельности.

И, наконец, в-девятых, особого внимания заслуживает право законодательной инициативы специализированных органов конституционного контроля.

Данное право абсолютно не случайно является довольно редким для стран СНГ. Объясняется это тем, что в случае активного использования

права законодательной инициативы специализированные органы конституционного контроля могут создать целый пласт тесно связанных с собой норм и даже нормативно-правовых актов, что рано или поздно заставит эти органы оценивать конституционность плодов своей собственной деятельности, то есть в нарушение одного из основных, сформулированных еще в римском праве, принципов разрешения правовых споров стать судьей в своем собственном деле. Однако в то же время специализированный орган конституционного контроля в силу специфики своей деятельности может быть чрезвычайно эффективным законодателем, способным, как никто иной, к его совершенствованию, что отмечается и в литературе (Несмеянова 2010: 9; Казанцев 2017: 29–30).

Выход из вышеупомянутой непростой ситуации видится в компромиссном подходе, предполагающем разумное ограничение сферы реализации данного права специализированными органами конституционного контроля. При этом подобное ограничение не должно быть подвержено двусмысленному (расширительному или ограничительному) толкованию, как, например, предусмотренное в Российской Федерации по средствам использования в части 1 статьи 104 Конституции РФ словосочетания «вопросы их ведения».

Выглядеть ограничение права законодательной инициативы может, по нашему мнению, следующим образом: право законодательной инициативы является ограниченным вопросами компетенции и порядка деятельности специализированного органа конституционного контроля, установленными законом, а также вопросами устранения пробелов и противоречий в законодательстве, не снятых уполномоченными на то органами по истечению определенного срока, например после принятия ежегодного послания о состоянии конституционной законности, в котором данная проблема была отражена.

* * *

Подводя общий итог настоящему сравнительно-правовому исследованию, хотелось бы также в качестве мнения представителя российского юридического научного сообщества – с опорой на вышеизложенные выводы по совершенствованию конституционно-правового статуса специализированных органов конституционного контроля стран СНГ – высказать некоторые конкретные рекомендации по совершенствованию правового статуса исключительно Конституционного Суда РФ. Представляется, что такого рода совершенствования должны коснуться главным образом компетенции Конституционного Суда РФ.

Так, например, нелишним было бы в рамках последующего конкретного нормоконтроля наделить Конституционный Суд РФ правом проверять на соответствие Конституции РФ решения конституционных (уставных) судов субъектов РФ и постановления Пленума Верховного Суда РФ по вопросам анализа, обобщения судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства РФ судами РФ.

Кроме того, необходимо четко закрепить полномочие Конституционного Суда РФ по принятию ежегодного послания о состоянии конституционной

законности в стране со следующей структурой: обзор практики Конституционного Суда за год, информация по фактическому исполнению решений Конституционного Суда, обобщенные предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы с указанием органов государственной власти, уполномоченных предоставить отчет о принятых мерах к реализации положений послания.

Немаловажным также, по нашему мнению, является конкретизация полномочия Конституционного Суда по рассмотрению запросов судов в части установления невозможности двусмысленного толкования понятия «суд», а также права законодательной инициативы Конституционного Суда РФ в части установления недвусмысленного ограничения такого права. Например, следующим образом: право законодательной инициативы Конституционного Суда РФ является ограниченным вопросами его ведения: вопросами компетенции и порядка деятельности Конституционного Суда, установленными федеральным конституционным законом, а также вопросами устранения пробелов и противоречий в законодательстве, не устраненных уполномоченными на то органами по истечению одного года, после принятия ежегодного послания о состоянии конституционной законности, в котором данная проблема была отражена.

Кроме того, целесообразной видится также возможность расширения объема возможностей Конституционного Суда РФ по самостоятельному решению вопросов своей внутренней организации, что позволило бы мягко нивелировать недостатки в порядке его формирования, который на данный момент, в сравнении с практикой других стран СНГ, все же не позволяет говорить о равном участии в нем всех ветвей государственной власти.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Брежнев О.В. 2014. О некоторых аспектах взаимодействия Конституционного Суда Российской Федерации и Федерального Собрания // Изв. Юго-Запад. гос. ун-та. № 2. С. 101-105.

Витрук Н.В. 1998. Конституционное правосудие : учеб. пособие. М. : ЮНИТИ. 384 с.

Гордеев И.В. 2007. Конституционная юстиция в государствах – членах СНГ : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. М. 151 с.

Жаркова Л.М. 2003. Содержание и применение юридической конструкции «Послание Конституционного Суда Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации» // Конституционные чтения / под ред. Т.Д. Зражевской. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та. Вып. 2: Понятийно-категориальный аппарат для решения научных задач в конституционно-правовой науке (спец. 12.00.02). С. 264-267.

Казанцев А.О. 2017. Право законодательной инициативы конституционного Суда РФ (в контексте принципа «Никто не может быть судьей в собственном деле») // Lex Russica. № 2. С. 26-31.

Клишас А.А. 2004. Конституционная юстиция в зарубежных странах. М. : Междунар. отношения. 288 с.

Кожевников О.А. 2013. Нормативно-правовое регулирование конституционного правосудия на современном этапе развития РФ: проблемы и пути их решения // Рос. юрид. журн. № 4. С. 61-65.

Костаки Г., Райлян П. 2014. Конституционный Суд Республики Молдова: актуальные проблемы и перспективы // Закон и жизнь. № 3. С. 5-6.

Кряжков В.А., Лазарев Л.В. 1998. Конституционная юстиция в Российской Федерации. М. : БЕК. 462 с.

Кургузилов М.С. 2016а. Конституционный контроль в странах содружества независимых государств: сравнительно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. Екатеринбург. 25 с.

Кургузилов М.С. 2016б. Формирование органов конституционного контроля в странах СНГ // Электронное приложение к «Рос. юрид. журналу». № 1. С. 31-37.

Либанова С.Э. 2016. Конституционное отправление правосудия и расширение полномочий Конституционного Суда РФ – гарантия обеспечения защиты прав человека // Проблемы обеспечения, реализации, защиты конституционных прав и свобод человека. № 5. С. 307-313.

Малюшин А.А. 2007. Взаимодействие Конституционного Суда РФ и законодательного органа власти в РФ // Рос. судья. № 7. С. 14-16.

Митюков М.А. 2010. Методология исследования проблемы послания Конституционного Суда Российской Федерации // Конституц. и муницип. право. № 12. С. 27-33.

Несмеянова С.Э. 1994. Правовые проблемы становления специализированного конституционного контроля в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. Екатеринбург. 19 с.

Несмеянова С.Э. 2010. О возможном влиянии Конституционного Суда РФ на законодателя // Журн. конституц. правосудия. № 3. С. 6-9.

Несмеянова С.Э. 2012. Конституционный судебный процесс в России : учеб. пособие. М. : РИОР : ИНФРА-М. 204 с.

Нечкин А.В. 2016. Конституционно-правовой статус правительств стран Содружества Независимых Государств : (сравн. исслед.). М. : Норма. 176 с.

Омаров С.М. 2011. Основные проблемы реализации послания Конституционного Суда Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации // Право : журн. Высш. шк. экономики. № 4. С. 61-71.

Пастернак С.Н. 2017. Компетенция органов конституционного контроля в странах Восточной Европы: сравнительно-правовой анализ // Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия : сб. ст. по материалам IV междунар. науч.-практ. конф. М. : МЦНО. № 2(4). С. 76-83.

Тихомиров Ю.А. 2001. Теория компетенции. М. : Юстицинформ. 354 с.

Ударцев С.Ф. 2018. Казахстан: конституционная реформа 2017 года. Астана : Фолиант. 192 с.

Худолей К.М. 2011. Полномочия Конституционного Суда РФ: проблемы теории и практики конституционного правосудия // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. № 2. С. 71-84.

Конституция Республики Узбекистан от 8 декабря 1992 г. (в ред. от 29.08.2017) [Электронный ресурс]. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=818 (дата обращения: 05.06.2018).

Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (в ред. от 21.07.2014). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=2875&fld=134&dst=100546,0&rnd=0.6093972875036577#06416025885408478> (дата обращения: 05.06.2018).

Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. (в ред. от 17.10.2004) [Электронный ресурс]. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=19903 (дата обращения: 05.06.2018).

Конституция Республики Молдова от 29 июля 1994 г. (в ред. от 13.04.2017) [Электронный ресурс]. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3249 (дата обращения: 05.06.2018).

Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. (в ред. от 22.05.2016) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.president.tj/ru/taxonomy/term/5/112> (дата обращения: 05.06.2018).

Конституция Республики Армения от 5 июля 1995 г. (в ред. от 06.12.2015) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.parliament.am/parliament.php?id=constitution&lang=rus> (дата обращения: 15.07.2016).

Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. (в ред. от 10.03.2017) [Электронный ресурс]. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1162 (дата обращения: 15.07.2016).

Конституция Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 г. (в ред. от 25.07.2016) [Электронный ресурс]. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2618 (дата обращения: 05.06.2018).

Конституция Украины от 28 июня 1996 г. (в ред. от 02.06.2016) [Электронный ресурс]. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=8689 (дата обращения: 05.06.2018).

Конституция Кыргызской Республики от 27 июня 2010 г. (в ред. от 20.12.2016) [Электронный ресурс]. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=31497 (дата обращения: 05.06.2018).

Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в ред. от 28.12.2016) // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.

Федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» (в ред. от 31.10.2005) // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52. Ст. 4916.

Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» (в ред. от 18.06.2017) // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2004. № 27. Ст. 2710.

Закон Республики Молдова от 13 декабря 1994 г. № 317-XIII «О Конституционном Суде» (в ред. от 09.12.2016) [Электронный ресурс]. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3499 (дата обращения: 05.06.2018).

Кодекс Республики Беларусь от 29 июня 2006 г. «О судостроительстве и статусе судей» (в ред. от 13.01.2017) [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk0600139> (дата обращения: 05.06.2018).

A. Nechkin. *Organy konstitutsionnogo kontrolya stran SNG: poryadok formirovaniya i kompetentsiya* [Constitutional control bodies of the CIS countries: order of formation and competence], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 75–96. (in Russ.).

Andrey V. Nechkin, Candidate of Law, Senior Lecturer, Chair of Constitutional Law, Urals State Law University, Ekaterinburg, Russia.
E-mail: super.nechkin@gmail.com

Article received 20.06.2018, accepted 03.09.2018, available online 29.12.2018

CONSTITUTIONAL CONTROL BODIES OF THE CIS COUNTRIES: ORDER OF FORMATION AND COMPETENCE

Abstract. The institute of specialized constitutional control bodies is quite new for the CIS countries; however, in the issue of its legal regulation, the CIS states have shown a rather wide variety of approaches. The greatest difference in the legal status of the specialized constitutional control bodies of the CIS countries is traced in terms of the order of their formation and in the scope of competence. In addition, the legal regulation of the order of formation and competence in the CIS countries does not remain static, but is prone to frequent, often conjuncture changes. The subject of this is the detailed consideration of the two elements of the legal status of the specialized constitutional control bodies of the CIS countries.

In this article, the author, using a comparative method of research, examines the order of formation of specialized constitutional control bodies of the CIS countries, singles out four ways of forming these bodies with a preference towards one of the methods characterising a number of CIS states, which suggests that in determining the composition of the constitutional control body, not only the representative body (parliament), and the head of state, but also representatives of the judiciary from specialized bodies of the judicial community participates on the equal footing.

Further in the article, the author in detail, and with the use of a comparative method of research examines the competence of specialized constitutional control bodies of the CIS countries, breaking it into two large groups of powers, namely, general and specific powers. Moreover, in addition to the powers, the author singles out and examines the rights of the specialized constitutional control bodies of the CIS countries.

In conclusion, the author based on comparative analysis summarizes the most perfect order of formation of specialized constitutional control bodies, involving the maximum equal participation of all branches of state power, as well the ways of rationalizing their competence, which in the future can be used to improve the constitutional and legal status of the specialized constitutional control bodies in CIS countries, and other states. In addition, the author in more detail, formulates proposals for improving the legal status of the Constitutional Court of the Russian Federation in terms of expanding and specifying its competence.

Keywords: Commonwealth of Independent States; CIS countries; specialized constitutional control body of the CIS countries; constitutional court of the CIS countries; competence; order of formation.

References

Brezhnev O.V. *O nekotorykh aspektakh vzaimodeystviya Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii i Federal'nogo Sobraniya* [On some aspects of interaction between the Constitutional Court of the Russian Federation and the Federal Assembly], *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 2, pp. 101-105. (in Russ.).

Federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 17 dekabrya 2001 g. № 6-FKZ «O poryadke prinyatiya v Rossiyskuyu Federatsiyu i obrazovaniya v ee sostave novogo sub»ekta Rossiyskoy Federatsii» (v red. ot 31.10.2005) [The Federal Constitutional Law of December 17, 2001 No. 6-FKZ «On the Procedure for Admission to the Russian Federation and the Formation in Its Composition of a New Subject of the Russian Federation»], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2001, no. 52, art. 4916. (in Russ.).

Federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 21 iyulya 1994 g. № 1-FKZ «O Konstitutsionnom Sude Rossiyskoy Federatsii» (v red. ot 28.12.2016) [The Federal Constitutional Law of July 21, 1994 No. 1-FKZ «On the Constitutional Court of the Russian Federation»], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 1994, no. 13, art. 1447. (in Russ.).

Federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 28 iyunya 2004 g. № 5-FKZ «O referendume Rossiyskoy Federatsii» (v red. ot 18.06.2017) [The Federal Constitutional Law of June 28, 2004 No. 5-FKZ «On the Referendum of the Russian Federation»], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2004, no. 27, art. 2710. (in Russ.).

Gordeev I.V. *Konstitutsionnaya yustitsiya v gosudarstvakh – chlenakh SNG : dis. ... kand. jurid. nauk* [Constitutional Justice in the CIS Member States: dissertation], Moscow, 2007, 151 p. (in Russ.).

Kazantsev A.O. *Pravo zakonodatel'noy initsiativy konstitutsionnogo Suda RF (v kontekste printsipa «Nikto ne mozhet byt' sud'ey v sobstvennom dele»)* [The right of legislative initiative of the Constitutional Court of the Russian Federation (in the context of the principle «No one can be a judge in one's own case»)], *Lex Russica*, 2017, no. 2, pp. 26-31. (in Russ.).

Khudoley K.M. *Polnomochiya Konstitutsionnogo Suda RF: problemy teorii i praktiki konstitutsionnogo pravosudiya* [Powers of the Constitutional Court of the Russian Federation: problems of the theory and practice of constitutional justice], *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, 2011, no. 2, pp. 71-84. (in Russ.).

Klishas A.A. *Konstitutsionnaya yustitsiya v zarubezhnykh stranakh* [Constitutional justice in foreign countries], Moscow, *Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2004, 288 p. (in Russ.).

Kodeks Respubliki Belarus' ot 29 iyunya 2006 g. «O sudoustroystve i statuse sudey» (v red. ot 13.01.2017) [The Code of the Republic of Belarus of June 29, 2006 «On the Judicial System and Status of Judges»], available at: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk0600139> (accessed June 05, 2018). (in Russ.).

Konstitutsii Respubliki Uzbekistan ot 8 dekabrya 1992 g. (v red. ot 29.08.2017) [Constitution of the Republic of Uzbekistan of December 8, 1992], available at: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=818 (accessed June 05, 2018). (in Russ.).

Konstitutsiya Azerbaydzhanskoy Respubliki ot 12 noyabrya 1995 g. (v red. ot 25.07.2016) [Constitution of the Republic of Azerbaijan of November 12, 1995], available at: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=2618 (accessed June 05, 2018). (in Russ.).

Konstitutsiya Kirgyzskoy Respubliki ot 27 iyunya 2010 g. (v red. ot 20.12.2016) [The Constitution of the Kyrgyz Republic of June 27, 2010], available at: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=31497 (accessed June 05, 2018). (in Russ.).

Konstitutsiya Respubliki Armeniya ot 5 iyulya 1995 g. (v red. ot 06.12.2015) [Constitution of the Republic of Armenia of July 5, 1995], available at: <http://www.parliament.am/parliament.php?id=constitution&lang=rus> (accessed July 15, 2016). (in Russ.).

Konstitutsiya Respubliki Belarus' ot 15 marta 1994 g. (v red. ot 17.10.2004) [The Constitution of the Republic of Belarus of March 15, 1994], available at: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=19903 (accessed June 05, 2018). (in Russ.).

Konstitutsiya Respubliki Kazakhstan ot 30 avgusta 1995 g. (v red. ot 10.03.2017) [The Constitution of the Republic of Kazakhstan of August 30, 1995], available at: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=1162 (accessed July 15, 2016). (in Russ.).

Konstitutsiya Respubliki Moldova ot 29 iyulya 1994 g. (v red. ot 13.04.2017) [Constitution of the Republic of Moldova of July 29, 1994], available at: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=3249 (accessed June 05, 2018). (in Russ.).

Konstitutsiya Respubliki Tadzhikistan ot 6 noyabrya 1994 g. (v red. ot 22.05.2016) [Constitution of the Republic of Tajikistan of November 6, 1994], available at: <http://www.president.tj/ru/taxonomy/term/5/112> (accessed June 05, 2018). (in Russ.).

Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii ot 12 dekabrya 1993 g. (v red. ot 21.07.2014) [The Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993], available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=2875&fld=134&dst=100546,0&rnd=0.6093972875036577#06416025885408478> (accessed June 05, 2018). (in Russ.).

Konstitutsiya Ukrainy ot 28 iyunya 1996 g. (v red. ot 02.06.2016) [The Constitution of Ukraine of June 28, 1996], available at: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=8689 (accessed June 05, 2018). (in Russ.).

Kostaki G., Raylyan P. *Konstitutsionnyy Sud Respubliki Moldova: aktual'nye problemy i perspektivy* [The Constitutional Court of the Republic of Moldova: current problems and prospects], *Zakon i zhizn'*, 2014, no. 3, pp. 5–6. (in Russ.).

Kozhevnikov O.A. *Normativno-pravovoe regulirovanie konstitutsionnogo pravosudiya na sovremennom etape razvitiya RF: problemy i puti ikh resheniya* [Regulatory and Legal Regulation of Constitutional Justice at the Present Stage of Development of the Russian Federation: Problems and Ways to Solve them], *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2013, no. 4, pp. 61–65. (in Russ.).

Kryazhkov V.A., Lazarev L.V. *Konstitutsionnaya yustitsiya v Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional Justice in the Russian Federation], Moscow, BEK, 1998, 462 p. (in Russ.).

Kurguzikov M.S. *Formirovanie organov konstitutsionnogo kontrolya v stranakh SNG* [Formation of bodies of constitutional control in the CIS countries], *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiyskomu yuridicheskemu zhurnalu»*, 2016, no. 1, pp. 31–37. (in Russ.).

Kurguzikov M.S. *Konstitutsionnyy kontrol' v stranakh sodruzhestva nezavisimyykh gosudarstv: sravnitel'no-pravovoe issledovanie : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Constitutional control in the countries of the Commonwealth of Independent States: a comparative legal study: abstr. of diss.], Ekaterinburg, 2016, 25 p. (in Russ.).

Libanova S.E. *Konstitutsionnoe otpravlenie pravosudiya i rasshirenie polnomochiy Konstitutsionnogo Suda RF – garantiya obespecheniya zashchity prav cheloveka* [Constitutional administration of justice and expansion of powers of the Constitutional Court of the Russian Federation – a guarantee of ensuring the protection of human rights], *Problemy obespecheniya, realizatsii, zashchity konstitutsionnykh prav i svobod cheloveka*, 2016, no. 5, pp. 307–313. (in Russ.).

Malyushin A.A. *Vzaimodeystvie Konstitutsionnogo Suda RF i zakonodatel'nogo organa vlasti v RF* [Interaction of the Constitutional Court of the Russian Federation and the legislative authority in the Russian Federation], *Rossiyskiy sud'ya*, 2007, no. 7, pp. 14–16. (in Russ.).

Mityukov M.A. *Metodologiya issledovaniya problemy poslaniya Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii* [Methodology of the study of the problem of the message of the Constitutional Court of the Russian Federation], *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2010, no. 12, pp. 27–33. (in Russ.).

Nechkin A.V. *Konstitutsionno-pravovoy status pravitel'stv stran Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv : (sravn. issled.)* [The constitutional and legal status of the governments of the countries of the Commonwealth of Independent States (comparative study)], Moscow, Norma, 2016, 176 p. (in Russ.).

Nesmeyanova S.E. *Konstitutsionnyy sudebnyy protsess v Rossii : ucheb. posobie* [Constitutional litigation in Russia: a textbook], Moscow, RIOR, INFRA-M, 2012, 204 p. (in Russ.).

Nesmeyanova S.E. *O vozmozhnom vliyaniy Konstitutsionnogo Suda RF na zakonodatelya* [On the possible influence of the Constitutional Court of the Russian Federation on the legislator], *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, 2010, no. 3, pp. 6–9. (in Russ.).

Nesmeyanova S.E. *Pravovye problemy stanovleniya spetsializirovannogo konstitutsionnogo kontrolya v Rossiyskoy Federatsii : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal

problems of the establishment of specialized constitutional control in the Russian Federation: abstr. of diss.], Ekaterinburg, 1994, 19 p. (in Russ.).

Omarov S.M. *Osnovnye problemy realizatsii poslaniya Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii Federal'nomu Sobraniyu Rossiyskoy Federatsii* [The main problems of implementing the message of the Constitutional Court of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation], *Pravo : zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 2011, no. 4, pp. 61-71. (in Russ.).

Pasternak S.N. *Kompetentsiya organov konstitutsionnogo kontrolya v stranakh Vostochnoy Evropy: sravnitel'no-pravovoy analiz* [Competence of bodies of constitutional control in Eastern Europe: comparative legal analysis], *Nauchnyy forum: Yurisprudentsiya, istoriya, sotsiologiya, politologiya i filosofiya : sb. st. po materialam IV mezhdunar. nauch.-prakt. konf.*, Moscow, MTsNO, 2017, no. 2(4), pp. 76-83. (in Russ.).

Tikhomirov Yu.A. *Teoriya kompetentsii* [Theory of competence], Moscow, Yustitsinform, 2001, 354 p. (in Russ.).

Udartsev S.F. *Kazakhstan: konstitutsionnaya reforma 2017 goda* [Kazakhstan: Constitutional Reform of 2017], Astana, Foliant, 2018, 192 p. (in Russ.).

Vitruk N.V. *Konstitutsionnoe pravosudie : ucheb. posobie* [Constitutional justice: a textbook], Moscow, YuNITI, 1998, 384 p. (in Russ.).

Zakon Respubliki Moldova ot 13 dekabrya 1994 g. № 317-XIII «O Konstitutsionnom Sude» (v red. ot 09.12.2016) [Law of the Republic of Moldova of December 13, 1994 No. 317-XIII “On the Constitutional Court”], available at: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3499 (accessed June 05, 2018). (in Russ.).

Zharkova L.M. *Soderzhanie i primeneniye yuridicheskoy konstruktsii «Poslanie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii Federal'nomu Sobraniyu Rossiyskoy Federatsii»* [Contents and application of the legal framework “Message of the Constitutional Court of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation”], *T.D. Zrazhevskaya (ed.) Konstitutsionnye chteniya*, Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 2003, iss. 2, pp. 264-267. (in Russ.).

Руденко В.Н. Формы алеаторной демократии: генезис и развитие // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2018. Т. 18, вып. 4, с. 97–125.

УДК 347.9

DOI 10.17506/ryipl.2016.18.4.97125

ФОРМЫ АЛЕАТОРНОЙ ДЕМОКРАТИИ: ГЕНЕЗИС И РАЗВИТИЕ

Виктор Николаевич Руденко

доктор юридических наук, профессор РАН,

член-корреспондент РАН,

главный научный сотрудник

Института философии и права УрО РАН,

г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: rudenkovn@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-1802-2198

Материал поступил в редколлегию 20.10.2018 г.

В статье анализируются формы участия граждан в принятии публично-властных решений, альтернативные традиционным институтам гражданского участия (все-народным обсуждениям гражданами проектов законов, публичным слушаниям, участию граждан в работе общественных советов, формируемых органами власти, и др.). Автор утверждает, что основным недостатком традиционных форм гражданского участия является отсутствие механизмов, обеспечивающих независимое и компетентное обсуждение общественностью важнейших публично-значимых проблем. Поэтому, по его мнению, эти институты в большей степени отвечают политике интересов, выражающей устремления элитарных групп, а не гражданского общества. Автор обращается к теории делиберативной демократии и связанному с ней концепту алеаторной демократии. Он исследует потенциал форм гражданского участия в осуществлении публичной власти, основанных на институте жребия (некоторые формы мини-публик). В статье показано, что моделирование данных форм тесно связано с эволюцией суда присяжных, и в частности с внедрением идеала справедливого поперечного среза общества в целях формирования их состава в США в конце 1960-х гг. Представлены новейшие формы алеаторной демократии. Рассматриваются преимущества и недостатки данных форм, опыт их практической реализации. Формулируется вывод о том, что формы алеаторной демократии в значительной мере обеспечивают рациональную коммуникацию между гражданским обществом и государством, органами местного самоуправления. Развитие данных формы в перспективе может содействовать преодолению кризиса современной либеральной демократии.

Ключевые слова: алеаторная демократия, делиберативная демократия, суд присяжных, мини-публики, ячейки планирования, жюри граждан, консенсусные конференции, делиберативные опросы, ассамблеи граждан, ядерное жюри граждан, парламент граждан, идеал справедливого поперечного среза общества, жюри, отражающие поперечный срез общества.

Демократизация демократии. Политические системы, именуемые в современном обществе демократическими режимами, нередко подвергаются критике за их неспособность адекватно выражать волю носителя суверенитета и единственного источника власти – народа. Более того, слова «демократия», «демократический строй», «демократическое устройство» используются практически всеми официальными властями для характеристики политического режима своей страны, если в ней предусмотрены и проводятся выборы. Решения большинства электората и стоящая за ними борьба доминирующих в обществе групп интересов за власть с целью утверждения своих приоритетов считаются едва ли не основными признаками демократии. Граждане же, как правило, в промежутках между выборами не участвуют непосредственно в управлении делами государства. Механизм властвования даже в странах с высокой степенью демократических свобод, основанный на исходных теоретических посылах, по которым демократическое правление осуществляется «представителями», получившими большинство голосов на всеобщих выборах, фактически означает отстранение подавляющего большинства граждан от процесса принятия публично-властных решений по важнейшим вопросам жизни общества. И хотя устройство публичной власти во многих демократических странах предусматривает наличие институтов непосредственной демократии – референдума, гражданской законодательной инициативы, отзыва выборных должностных лиц, на практике данные институты реализуются настолько редко, что они не способны изменить устоявшийся фактически элитарный стиль правления, именуемый демократией. В силу указанных и других причин, по замечанию Ф. Фон Хайека, данное понятие превратилось в словесный фетиш, лишенный какого-либо ясного смысла. Ввиду злоупотребления им под демократией все чаще стали понимать «режимы господства организованных интересов, неприемлемые для большего числа граждан» (Хайек 2006: 262-363). Эти строки были написаны в середине 70-х гг. прошлого столетия, когда недостатки современной представительной демократии становились все более очевидными. Осознание несовершенства демократических режимов придало импульс поиску альтернативных моделей выражения и учета интересов граждан в публичной сфере.

Спустя несколько лет в новаторских для того времени исследованиях австралийского философа Джона Бернхейма (*John Burnheim*) была выдвинута идея организации демократической политической системы не на основе выборов, а с помощью жеребьевки. В своей книге «Демократия возможна? Альтернатива избирательной политике» Дж. Бернхейм обосновал возможность функционирования политической системы общества, базирующейся на новых принципах представительства. Эту систему, означающую прямое правление отобранных методом случайной выборки граждан, он назвал «демархией»¹ (англ. *demarchy*). Впоследствии подобного рода система

¹ Термин «демархия» впервые использован Ф.А. фон Хайеком для описания демократической политической системы, альтернативной современной демократии. Под демархией он подразумевал политическое устройство, тождественное изономии – древнегреческому идеалу демократического устройства, основанному на всеобщем равенстве перед законом (Хайек 2006: 363).

стала также характеризоваться как «лотократия» (англ. *lottocracy* от слова «lot» – жребий) или алеаторная демократия (англ. *aleatory democracy* от слова «aleatoric» – случайный). Идеи Дж. Бернхайма в момент выхода в свет его работы даже самому автору могли показаться отвлеченными от реальной повседневности философскими обобщениями. Они были нацелены на разработку гипотетической конструкции политического устройства общества без государства и бюрократии и во многом напоминали анархистские футурологические проекты. В то время мало что предвещало возможность их практической реализации (см.: Martin 1992: 13).

Однако уже в конце прошлого века остро назрели проблемы, связанные с устоявшимися представлениями о механизме осуществления власти как политики интересов. Игнорирование данных проблем ставило под угрозу само существование народовластия даже в странах развитой демократии. В частности, обозначилась тенденция обособления элит от общей массы. Как показал американский историк и социальный критик Кристофер Лэш, централизованная государственная бюрократия в США перестала признавать обоюдные обязанности между немногими избранными и массой. Она изъела себя из общей жизни: переориентировавшись на частный сектор, прекратила пользоваться услугами государства. Сфера публичных услуг была исключена из центра ее внимания (Лэш 2002: 39-40). Руководствуясь тем, что демократия означает только либеральные установления, элита взяла за правило обходиться без любых значимых форм гражданского участия в политике. В итоге общество столкнулось с двойственностью норм и правил: одних – для элиты, других – для граждан; это предполагало гражданство двух сортов, что неприемлемо для демократии (Лэш 2002: с. 69-72). Данным заключениям созвучны и выводы британского социолога Колина Крауча, согласно которым результатом политики интересов явилось сращивание политических кругов с бизнес-корпорациями и, как следствие, отмирание концепции государственных услуг. В результате простые граждане отстранены от политики и потеряли все возможности для перевода своего недовольства в политическое действие. Таким образом, политика сегодня превращается в занятие узких элит, а «творчески-демократический демос» воспринимается ими как антидемократическая толпа (Крауч 2010: 130-145).

Последствия не заставили себя долго ждать: демократические общества столкнулись с множеством проблем, которые им приходится решать уже с конца прошлого столетия и по настоящее время. Спектр этих проблем широк: от миграционных кризисов и роста ксенофобии – до необходимости решения острых вопросов общественной и государственной безопасности с одновременным соблюдением прав человека; от проблем, связанных с эксплуатацией опасных производственных объектов и с использованием новых физических, химических, биологических и иных технологий – до вопросов охраны здоровья граждан и обеспечения безопасной окружающей среды; от проблем роста недоверия граждан к государственным институтам, политической апатии и абсентеизма, усиления популизма – к вопросам изменения избирательных систем, совершенствования инструментов

властвования и мн. др. С нарастанием количества всевозможных вызовов проблема оказания государственных услуг невольно оказалась в фокусе внимания. Но редко какое правительство могло взять исключительно на себя ответственность за принятие соответствующих решений. Среди пражящих кругов стало расти понимание важности диалога с обществом. Тем самым вопросы эффективного гражданского участия в решении публично значимых дел обрели свою актуальность и прочно вошли в повестку дня.

С конца XX столетия наблюдается повышенное внимание к проблемам создания оптимальной модели гражданского участия в публичной власти, налаживания действенных механизмов общественного контроля за реализаций властных полномочий через различные формы взаимодействия государства и гражданского общества. Вслед за теоретической проработкой проблем (теории партиципаторной, делегативной, переговорной демократии и др.) на протяжении последних трех десятилетий теория гражданского участия в политике и правотворческая практика претерпевают существенные изменения. Основным их трендом является возрастание интереса к теории делиберативной демократии, развитой, в частности, в трудах Ю. Хабермаса. Понимание значимости хабермасовских идей, и особенно положений о рациональной коммуникации, возросло настолько, что можно констатировать начало глубинных перемен в аксиологии самой демократии (Руденко 2017). Как сущностный атрибут демократии рассматривается рациональный коммуникативный дискурс, и соответственно основной формой участия в осуществлении публичной власти все чаще выступает коммуникация, а не голосование. При этом коммуникация должна отвечать ряду требований, по которым обсуждение общественно значимых вопросов может быть квалифицировано в качестве делиберативного процесса. К таким требованиям можно отнести добровольность, равноправие и тесное взаимодействие участников обсуждения, их диалог, глубокое проникновение в существо обсуждаемых вопросов, готовность к консенсусу, в том числе с учетом экспертных оценок, их стремление к артикуляции интересов граждан и др. (Бусова 2002: 44 и др.; Руденко 2017: 118-119; Тараев 2018: 267). Новый подход к демократии означает возложение ответственности за происходящие в обществе процессы не только на органы власти, сформированные при прямом или косвенном участии избирателей, но и на самих граждан и институты гражданского общества, взаимодействующие с органами власти на разных уровнях их организации (Кэмпбелл 2013: 33).

В сфере правотворческой деятельности данная тенденция находит выражение в развитии и законодательном закреплении новых форм демократии участия, альтернативных традиционным формам, сложившимся в практике конституционализма XX столетия. Наиболее известными из традиционных форм являются: обсуждения проектов законов гражданами; публичные и общественные слушания по важнейшим вопросам общественной жизни; участие представителей гражданского общества в совещательных органах, создаваемых для обеспечения деятельности органов власти и должностных лиц; работа граждан в составе общественных советов и коллегий, формируемых при исполнительных, законодательных, судебных

органах власти; переговоры групп граждан, общественных организаций и органов власти; разработка и подписание соглашений между органами власти и общественными организациями, общественные экспертизы и многие другие формы.

Все они имеют свои преимущества, но одновременно характеризуются рядом недостатков, не позволяющих отнести их к формам делиберативной демократии. Так, всенародные обсуждения законопроектов обеспечивают массовое участие граждан в обсуждении жизненно важных вопросов. В то же время эти обсуждения не обладают достоинствами рационального дискурса, так как не налажен их четкий механизм; граждане, как правило, не информированы в достаточной мере по существу обсуждаемых вопросов, а у органов власти зачастую нет возможности обработать десятки и сотни тысяч поступивших предложений. Публичные слушания позволяют обсудить вынесенные на них вопросы более компетентно, однако к их существенным недостаткам следует отнести имеющуюся возможность подбора «нужных» участников слушаний в целях получения заведомо прогнозируемого результата. К тому же состав участников публичных слушаний не репрезентативен. Участниками публичных слушаний являются представители наиболее активной части того или иного территориального сообщества, которые безусловно не выражают интересы всех его слоев. Аналогично обстоит дело и с общественными советами: как правило, гражданское общество в них репрезентуется отобранными органами власти специалистами. Это не позволяет квалифицировать данные органы как независимые в своих суждениях и рассматривать их в качестве альтернативы политике интересов. Используя указанные формы гражданского участия в осуществлении публичной власти, органы власти часто заинтересованы не в объективном экспертном мнении, а в оценках, легитимирующих принимаемые ими решения. В целом обозначенные формы диалога общества и власти не соответствуют формату рациональной коммуникации (Carson, Martin 2002).

Суд присяжных – «маленький парламент»: к созданию гражданских ассамблей. Таким образом, актуализировался вопрос о выработке новых моделей взаимодействия общества и власти, основанных на рациональном коммуникативном дискурсе. И в данном случае выбор исследователей пал на жребий. Мы полагаем, прообразом новых форм участия граждан в осуществлении публичной власти стали суды присяжных (англ. *juries*), формируемые по жребию. Решающую роль при этом сыграли три важных обстоятельства.

Во-первых, суды присяжных, как отмечал еще в середине XIX столетия Алексис де Токвиль, по существу являются не столько судебными органами, сколько политическими институтами. Благодаря суду присяжных граждане обладают реальными рычагами управления обществом. Разбирая помимо уголовных дел массу гражданских споров, как это происходит и в наши дни в США, граждане вовлекаются в процесс решения важнейших публично-правовых вопросов, затрагивающих интересы каждого члена общества. В результате, согласно А. де Токвилю, участие в общественной жизни становится повседневной формой деятельности, а отправление правосудия

судебными присутствиями с коллегами присяжных начинает олицетворять идею справедливости и воплощать «одну из форм суверенной власти народа» (Токвиль 1992: 211-212). Столетие спустя подобные же идеи были высказаны лордом Дэвлиным, отмечавшим, что жюри, участвующие в разбирательстве дел в суде, «являются более чем инструментом правосудия и более чем одним колесом конституции». По существу «каждое жюри есть маленький парламент» (Devlin 1956: 164).

Во-вторых, опыт работы судов присяжных свидетельствует о том, что небольшие по своему составу коллегии граждан, сформированные на основе случайной выборки, в состоянии выносить обоснованные публично-правовые решения. Несмотря на то что в адрес граждан – членов судов присяжных многими специалистами по уголовному и гражданскому процессу высказываются упреки в некомпетентности, законодатели в большинстве стран общего права, а особенно в США, оценивают суды присяжных как важнейшее достояние конституционализма. Небольшим по своему численному составу коллегиям присяжных, состоящим из простых граждан, отобранных по жребию из списков избирателей или иных легитимных списков, предоставляется огромная власть. В США они уполномочены рассматривать сложнейшие уголовные дела, по которым человек может быть приговорен к смертной казни. Эта власть впечатляюща и применительно к гражданским делам: на практике были случаи, когда на основании решений судов присяжных промышленные компании вынуждены были погасить миллиардные убытки своих контрагентов (Landsman 1999: 285-287)

Работа судов присяжных позволяет ограничить произвол в судебной ветви власти, избежать, за некоторыми исключениями, привлечения к уголовной ответственности невиновных в совершении преступлений, создать дополнительные гарантии независимости и беспристрастности судебного разбирательства дел. Не случайно суды присяжных стали сравнивать с лампой, «показывающей, что свобода живет» («*the lamp that shows that freedom lives*») (Devlin 1956: 164).

В-третьих, в 70-е гг. прошлого столетия федеральный законодатель США и законодатели штатов стали обращать самое пристальное внимание на порядок формирования коллегий присяжных, главным образом на проблемы представительства в коллегиях различных слоев общества, на которые дифференцированы гражданские коллективы в районе юрисдикции соответствующего суда. Вплоть до 1968 г. коллегии присяжных в американских судах формировались из представителей элиты – мыслящих граждан, вызывающих доверие судов. Составы таких коллегий присяжных именовались «жюри с голубой лентой» (англ. *blue-ribbon juries*), то есть тщательно подобранными жюри присяжных заседателей. В результате подобного подхода в судах присяжных фиксировались многочисленные случаи дискриминации, в частности при разбирательстве дел по обвинению в совершении преступления женщины в составе жюри отсутствовали присяжные женского пола. Более того, в южных штатах закрепился обычай не включать в состав жюри граждан афроамериканцев (Abramson 2000: 99). Во избежание этих и других форм дискриминации Актом об отборе присяжных и исполнении

ими обязанностей от 1968 г. (The United States Jury Selection and Service Act of 1968, or “Jury Act,” 28 U.S.C. § 1861) в федеральных судах США была введена новая система формирования состава больших и малых жюри. В основу ее был положен идеал справедливого поперечного среза общества в районе юрисдикции суда: каждый состав коллегий присяжных должен был «формироваться на основе случайного отбора из справедливого поперечного сечения сообщества в округе или участке, где созывается суд» (Jury Act 1968). К разбирательству дел в судах, таким образом, стали привлекаться представители различных рас, религий, полов, этнических групп. С 1975 г. Верховным судом США идеал поперечного среза общества был распространен на суды штатов. Суд постановил, что гарантией беспристрастного судебного разбирательства служит состав коллегий присяжных, являющийся микроскопом соответствующего локального сообщества (Abramson 2000: 99).

В процессе функционирования судов присяжных стало очевидным, что формируемые судебными органами коллегии могут включать в свой состав различное число случайно отобранных граждан. В 1970-е гг. Верховный суд США в ряде своих решений признал, что состав присяжных в количестве 12 человек является исторической случайностью. Согласно его позициям целесообразно ограничение только нижнего предела числа присяжных. В частности, Верховный суд посчитал, что нет оснований оценивать решения шести присяжных как менее обоснованные, чем вердикты двенадцати граждан. Однако он воспрепятствовал законодателям штата Джорджия уменьшить число присяжных до пяти, поскольку такой состав жюри не будет уже представительным, а его решения – объективными (Abramson 1999: 291).

Описанные шаги федерального законодателя США в значительной мере совпали с появлением и развитием теоретических идей о механизмах участия граждан в осуществлении публичной власти. Важнейшей из них является идея «внимательной публики» (англ. *attentive public*), выдвинутая в 1950 г. Габриелем Алмондом (*Gabriel Almond*). Она стала исходным посылом известных разработок Роберта Дала (*Robert A. Dahl*), в которых обосновывается возможность эффективного гражданского участия через «мини-народ» (*mini-populus*). «Эффективность процесса постепенного приближения к демократии, – отмечает Р. Даль, – не требует того, чтобы каждый гражданин был информирован и политически активен по поводу любой важной проблемы. ...Взамен этого потребуется наличие критической массы хорошо информированных граждан, достаточно большой и активной для того, чтобы контролировать политический процесс. Много лет назад Габриэль Алмонд назвал такую совокупность людей “внимательной (*attentive*) публикой” ... Внимательная публика – это меньшая, чем демос, а в большинстве случаев она намного меньшая его часть. Она не обязательно должна быть репрезентативной. Что если, однако, одна из разновидностей внимательной публики была бы не только хорошо информирована, но и соответствовала народу без изъятий?» (Даль 2003: 516). Тем самым американский политолог одним из первых заложил основы современных представлений о делиберативных мини-публиках (*deliberative mini-publics*) – компетентных

и информированных группах граждан, участвующих в процессе принятия публично-властных решений, как правило, формируемых по жребию и отражающих в своем составе поперечное сечение общества (о мини-публиках см.: Shablinskii 2018; Grönlund, Bächtiger, Setälä 2014).

Маленькие парламенты в действии. Высказанные теоретические идеи и гипотезы нашли свое практическое подтверждение в ряде форм алеаторной демократии, получивших развитие на рубеже XX–XXI столетий. К данным формам относятся гражданские ассамблеи, формируемые по жребию из числа граждан, изъявивших желание принять участие в делиберативном процессе выработки решений. Варианты публично-властных решений или рекомендаций адресуются, прежде всего, органам власти и публичного управления. В современном мире наиболее популярны такие формы алеаторной демократии, как ячейки планирования и жюри граждан. Получили также известность консенсусные конференции, делиберативные опросы, ассамблеи граждан; появляются новые формы алеаторной демократии.

Организация и деятельность всех этих форм основана на следующих принципах:

1. Работа гражданских ассамблей обеспечивается независимыми неправительственными организациями, которые осуществляют отбор граждан – участников обсуждения, подыскивают место для проведения заседаний, снабжают отобранных граждан необходимой справочной информацией, привлекают экспертов-докладчиков и представителей групп интересов для информирования участников обсуждений, ищут источники финансирования проектов. Организаторы проекта стремятся создать все условия для всестороннего и свободного от внешнего влияния обсуждения проблем.

2. Финансируются проекты спонсорами – отдельными гражданами либо некоммерческими организациями, корпорациями, правительственными агентствами, органами власти, медиа-холдингами или совместно теми и другими.

3. Выбор граждан для участия в обсуждении проекта осуществляется на основе жеребьевки. Первоначально организаторы отбирают из списков избирателей или иных легитимных списков (телефонные номера, реестры владельцев водительских прав и др.) большое количество граждан (до нескольких тысяч). С ними проводится телефонный разговор. Из списка отобранных граждан, изъявивших согласие на участие в обсуждении, затем по жребию отбирается необходимое число участников проекта. Эта процедура производится по заранее определенным параметрам выборки, обеспечивающим демографическое разнообразие групп, участвующих в обсуждении. Представительные группы должны служить микрокосмом всего большого гражданского коллектива, от имени которого организуется обсуждение.

4. Каждый проект уникален во избежание профессионализации граждан, участвующих в обсуждениях. Один состав граждан отбирается для обсуждения одного или нескольких вопросов в рамках только одного проекта так же, как в судах присяжных малое жюри формируется для разбиратель-

ства только одного дела. После реализации проекта группа граждан, участвовавших в обсуждении, распускается.

5. Обсуждение проблем в рамках одного проекта длится, как правило, от трех до шести дней, в зависимости от сферы обсуждаемых общественных отношений и сложности проблем. В процессе обсуждения граждане участвуют в режиме диалога.

6. Граждане, участвующие в обсуждении, не получают за свой труд денежное вознаграждение. В то же время, как и в судах присяжных, для них предусмотрены небольшие компенсации за проезд, проживание, питание, освобождение от основной работы и др. Тем самым обеспечиваются гарантии серьезного отношения граждан к выполнению своих обязанностей.

7. Цель каждого проекта заключается во всестороннем, информированном обсуждении публично значимого вопроса с тем, чтобы предоставить возможность лицам, принимающим решения, знать, что на самом деле об этом думают люди, когда у них есть возможность изучить обсуждаемый вопрос

Рассмотрим порядок формирования и организации деятельности двух наиболее распространенных из вышеупомянутых форм алеаторной демократии.

Ячейки планирования (англ. *Planning Cells*; нем. *die Planungszelle*). Ячейки или группы планирования изобретены германским профессором социологии Питером Динелем (*Peter C. Dienel*) в 1972 г. для решения проблем взаимодействия между обществом и властью. Группы планирования представляют собой небольшие ассамблеи граждан, состоящие примерно из 20-25 человек, отобранных по жребию. В число этих граждан обязательно включаются лица, чьи интересы напрямую затрагивают обсуждаемые вопросы, а также лица, интересы которых данные вопросы затрагивают косвенно. Учитываются также поло-возрастные и другие демографические признаки. Заинтересованные в исходе разбирательства стороны и должностные лица в группу граждан не отбираются, но участвуют в рассмотрении вопроса в качестве свидетелей. Организаторы обсуждения производят также отбор экспертов, представляющих альтернативные точки зрения и подходы к решению проблем.

После того как группа сформирована, орган, поручающий провести обсуждение (обычно муниципальный или окружной орган, федеральное агентство или министерство и т.п.), адресует гражданам вопросы, которые необходимо рассмотреть. Обсуждение обычно проходит несколько стадий. Первоначально на первой пленарной сессии граждан знакомят с проблемой путем просмотра фильмов, прослушивания лекций, предоставления письменных материалов и разъяснения процедуры определения вариантов решений и критериев оценок. Затем граждане делятся на несколько (четыре-пять) отдельных групп, в каждой из которых на первой групповой сессии проводятся анкетный опрос граждан и всестороннее обсуждение проблем. Каждая группа вырабатывает рекомендации, из которых на основе определенных ею приоритетов и критериев выбирает путем голосования одну наиболее важную рекомендацию для вынесения на обсуждение

всеми участниками проекта. На следующем этапе все группы объединяются в одну и на второй пленарной сессии с помощью медиаторов проводят оценку предложенных рекомендаций, ранжируют их, фиксируют альтернативные предложения. Далее все участники опять разбиваются на группы исходя из принципа ротации их членов. Организаторами вновь проводятся анкетный опрос членов групп и анализ проблем с учетом их обсуждения на первой пленарной сессии. При необходимости могут проводиться дополнительные пленарные и групповые сессии. По итогам проведенного обсуждения на завершающей пленарной сессии готовится окончательный документ – доклад граждан (*citizen report*), который представляется в орган, поручивший провести обсуждение. Весь процесс обсуждения и выработки рекомендаций занимает около одной недели (Sellereit 2010; Renn, Webler, Wiedemann 1995: 193-197). При обсуждении вопросов специалисты и заинтересованные лица не присутствуют.

До 2010 г. ячейки планирования в Германии были организованы 170 раз в 40 различных местах. На обсуждение граждан выносились вопросы практически на всех уровнях принятия решений: федеральном, земельном, муниципальном, корпоративном и др. В частности, в 1982 г. Министерство исследований и технологий ФРГ использовало ячейки планирования для выявления мнения граждан по разным вариантам энергетической политики страны. На протяжении трех лет были проведены 24 ячейки планирования в семи местных сообществах в разных землях страны. Исследование показало, что граждане отдают предпочтение политике энергосбережения и эффективного использования энергии. В 1992 г. Федеральное министерство почтовой службы и коммуникаций провело 22 ячейки планирования по вопросу о телефоне будущего. В итоговом докладе граждане представили 66 рекомендаций, в том числе по защите информации. Некоторые из предложений граждан были приняты правительством Германии (Renn, Webler, Wiedemann 1995: 131).

В 2000 г. по поручению Департамента городского развития Сената г. Берлина организациями «*Inter 3 – Institute for Resource Management*» и «*Nexus Institute for Cooperation Management and Interdisciplinary Research*» были проведены ячейки планирования по вопросу развития квартала *Sparrplatz* в Берлинском районе *Wedding*. В течение четырех дней граждане обсудили неотложные проблемы развития микрорайона и выработали предложения по его развитию. В работе ячейки планирования участвовали 80 отобранных по жребию жителей микрорайона, которые распределялись по четырем группам. Результаты обсуждения вопросов местного значения были изложены в итоговом докладе. Доклад позволил учесть мнения и пожелания жителей микрорайона в рамках реализуемой в Берлине программы развития районов города и оказался значимым для всего Берлина, совмещающего статус города и земли (*Citizens`report for the “Sparrplatz”*).

В 1985 г. Германская ассоциация потребителей заказала доклад граждан по вопросу о тестировании новых продуктов. Цель проекта заключалась в изучении общественных предпочтений в потребительской политике и апробации процедур, используемых Ассоциацией. Результаты обсужде-

ния были использованы Ассоциацией для корректировки собственной политики и совершенствования работы с клиентами (Renn, Webler, Wiedemann 1995: 131).

Кроме Германии ячейки планирования проводились в разные годы в других странах. В Испании по запросу департамента транспорта Страны Басков в 1997 г. 14 ячеек планирования обсуждали логистическую схему прокладки автомагистралей и социально-политические последствия строительства дорог в регионе. В США в 1988 г. в штате Нью-Джерси по заказу Департамента защиты окружающей среды общественность проанализировала приоритеты в использовании осадочных сточных вод (Sellereit 2010). Несколько ячеек планирования работали в Австрии начиная с 1996 г. Жители Вены, Граца, федеральной земли Форарльберг обсуждали проблемные социальные вопросы, в том числе связанные с расходованием бюджетных средств, перспективами городского развития и др. (Rüsch 2005).

Жюри граждан (Citizens' Juries). Данная форма алеаторной демократии наряду с ячейками планирования послужила моделью для ряда других ее форм, реализуемых в современном мире. На теоретическом уровне она получила обоснование в 1971 г. в докторской диссертации американского ученого Неда Кросби (*Ned Crosby*), посвященной этике общественной жизни. В 1974 г. созданным Недом Кросби в штате Миннесота Джефферсон-центром (*The Jefferson Center for New Democratic Processes*) были проведены первые эксперименты по организации небольших по своей численности групп граждан (*Citizens Panels*). Моделью для них послужили суды присяжных (Crosby, Kelly, Schaefer 1986: 170). Впоследствии эти группы стали известны как *Citizen's Juries*; это название было запатентовано Джефферсон-центром во избежание коммерциализации идеи.

Жюри граждан, как и ячейки планирования, – общественные органы, периодически создаваемые негосударственными организациями по инициативе граждан, организаций либо органов власти, различных государственных или муниципальных органов. Непременным требованием к формированию их состава является случайный отбор членов с применением специальных методик, обеспечивающих представительство различных демографических групп. Обычно учитываются следующие демографические критерии: возраст, образование, пол, географическая локализация, раса (в сочетании с большими этническими группами, такими как латиноамериканцы, американские индейцы и др.), партийная принадлежность (*Citizens Jury Handbook 2004: 25-26; Carson, Sargent, Blackadder 2004: 17-18*). В состав жюри отбирают от 16 до 24 присяжных, что сопоставимо с их количеством в больших жюри, создаваемых при федеральных районных судах и штатах при судах округов (*counties*).

Каждый состав жюри граждан имеет целью всестороннее изучение и решение какой-либо одной особо важной общественной проблемы. Продолжительность реализации жюри-проекта обычно составляет 4–5 месяцев, включая время, отведенное на консультации со спонсорами, на создание рабочих органов проекта, подбор свидетелей и экспертов, на утверждение членов жюри и др. (*Citizens Jury Handbook 2004: 15-16*). Поскольку членам

жюри приходится отвлекаться от основной деятельности на достаточно длительный срок, они получают небольшую денежную компенсацию размером 50-100 долларов в день.

Деятельность каждого жюри-проекта обеспечивает штатный персонал, выполняющий множество специфических организационных задач в зависимости от его целей, проблем, спонсоров и т.д. Члены штатного персонала обязаны придерживаться нейтральной позиции, из его состава исключаются лица, идентифицирующие себя с той или иной частной точкой зрения. Ведущая роль в организации деятельности жюри, выработке задания, формулировании повестки дня, подборе свидетелей, понятых, экспертов, показания которых глубоко и всесторонне могут осветить рассматриваемую проблему, принадлежит специально создаваемому консультативному или управляющему комитету (*Advisory committee; Steering Committee*), состоящему из 4-10 человек, знакомых с возникшей проблемой и представляющих различные подходы к ее решению. В состав комитета могут входить представители правительственных агентств, общественных организаций и другие лица. Роль связующего звена между штатным персоналом проекта и консультативным комитетом выполняет директор проекта. В рамках проекта с участием членов консультативного комитета по необходимости формируются рабочие группы, поддерживающие связь со спонсорами проекта.

Работа жюри граждан представляет собой рассмотрение поставленных консультативным советом вопросов, которое организуется с некоторым участием процедур, свойственных для разбирательств дел в судах присяжных. В ходе реализации проекта на протяжении одного или полутора месяцев, по существу, ведется подготовка «внимательной публики» из ранее сформированного микрокосма, представляющего собой поперечный срез общества. Так же, как и при подготовке членов ячеек планирования, перед членами жюри выступают эксперты, освещающие различные точки зрения по проблеме, которую граждане будут обсуждать; осуществляется просмотр соответствующих видеоматериалов, знакомство с печатной продукцией и т.п. После того как члены жюри вникнут в проблему и изучат предоставленные им документы, в течение одной недели проводятся специальные слушания с опросом свидетелей и обсуждением проблемы, по завершении которых жюри выносит свой вердикт. Свое решение жюри граждан обнародует публично с участием представителей средств массовой информации. Выводы жюри граждан и связанные с ними обобщения излагаются в итоговом докладе (*Final Report*), который предоставляется инициаторам проекта. Организаторы проекта обеспечивают доступ общественности к докладу.

С 1974 г. по настоящее время в США накоплен значительный опыт организации и деятельности жюри граждан. Джефферсон-центром было реализовано 36 жюри-проектов. Жюри граждан осуществляли обсуждение самых разных жизненно важных проблем на всех уровнях организации власти и представляли либо граждан страны в целом, либо граждан штата, или местного сообщества. Так, на федеральном уровне в 1991 г. 24 присяжных национального жюри граждан обсудили в округе Колумбия, что необхо-

димо предпринять для обеспечения сильной экономики. На уровне штата в 1984 г. 60 присяжных, распределенных по пяти жюри граждан, решали в разных местах штата Миннесота вопросы, связанные с влиянием сельского хозяйства на качество воды в штате. В 1998 г. в городе Нортфилде (штат Миннесота) жюри граждан в составе 12 присяжных в колледже Святого Олафа рассматривали проблемы эфтаназии. Были выработаны рекомендации для законодательства штата, каким образом регулировать отношения, связанные с уходом из жизни с помощью врача. В 1999 г. 17 присяжных в течение 5 дней по заказу Департамента налогов (*Department of Revenue*) при поддержке губернатора штата Миннесота изучали проблемы налогообложения имущества. Рекомендации граждан были использованы департаментом в числе прочего для организации широкого общественного обсуждения на низовом уровне на всей территории штата проблем налогообложения. На местном уровне организации власти в 1991 г. 24 присяжных обсудили политику государственного и частного сектора по отношению к строительству жилья для малоимущих в городе Рочестере (штат Миннесота).

В процессе исполнения жюри-проектов, организованных Джефферсон-центром в штате Миннесота и в других штатах США, были рассмотрены и другие вопросы, связанные с организацией обучения детей в школах, реализацией энергетических проектов, глобальным изменением климата, с реформированием избирательных систем и мн. др. (перечень реализованных проектов, рассматриваемых вопросов и итоговые отчеты см. на сайте Джефферсон-центра¹). Во всех случаях специалисты формировали жюри граждан на основе случайной выборки. Состав жюри был стратифицирован так, чтобы он в максимально возможной степени являлся микрокосмом всего состава общества, которое представляют присяжные (см., например, о порядке формирования состава жюри граждан в ходе реализации проекта на уровне штата Вашингтон: *Citizens Jury on the Citizens... 2001: 2*).

Практика реализации жюри-проектов на рубеже XX–XXI столетий получила распространение далеко за пределами США. Множество обсуждений назревших публичных проблем проведено в Австралии, в Великобритании. В Австралии жюри граждан становятся органическим элементом политической системы страны. В высших учебных заведениях преподаются учебные курсы, посвященные этой форме гражданского участия в политике. В Великобритании жюри граждан интенсивно стали создаваться при премьер-министре страны Т. Блэре и Г. Брауне (Чернов 2018: 217). Известно, что Г. Браун инициировал несколько жюри граждан по вопросам преступности, иммиграции, образования, здравоохранения и транспорта. Имеется опыт работы жюри граждан в Бразилии, Дании, Канаде, Новой Зеландии, Ирландии, Южной Корее и в других странах. По мере накопления этого опыта в последние годы наметилась дифференциация жюри граждан по ключевым сферам и вопросам общественной жизни.

В частности, прослеживается интерес молодежи к этой форме гражданского участия в принятии публично-властных решений. Получи-

¹ URL: <https://jefferson-center.org/projects/>

ла распространение практика так называемых юношеских (молодежных) жюри граждан (*Young Citizen's Jury, Youth Citizen's Jury*). Состав данных жюри является микрокосмом большого сегмента определенного гражданского коллектива, представленного молодежью. Молодежные жюри граждан обсуждают как проблемы самой молодежи, так и общие вопросы общественной жизни, волнующие молодежь: использование публичного пространства, обеспечение безопасности городской среды в вечернее время и др. В частности, в Великобритании в 2005 г. одно из юношеских жюри изучало проблемы репродуктивности в молодых семьях, связанные с генетическими особенностями родителей (Iredale et al. 2005). Молодежные жюри, формируемые по жребию и работающие по схеме ячеек планирования, создаются и в Германии (об особенностях формирования их состава и деятельности см.: Youth Citizens Jury 2013).

Привлекает внимание и широко распространенная практика обсуждения жюри граждан вопросов охраны здоровья. Вовлечение граждан в процесс принятия решений по вопросам здравоохранения началось в 1995 г. и с тех пор, особенно в Великобритании, была реализована масса проектов. В центре их внимания оказались: этические проблемы охраны здоровья населения (согласие пациентов, генетическое тестирование, ксенотрансплантация, использование плацебо, создание банков биоматериалов); установление приоритетов в сфере здравоохранения (распределение ресурсов и постановка исследовательских задач); выработка основных направлений политики (маммографический скрининг, пандемии, розничная торговля продуктами питания, использование лекарств, телемедицина, реформа системы здравоохранения); проблемы здоровой окружающей среды (использование генно-модифицированных продуктов, интенсивность дорожного движения); благополучие местных сообществ (антисоциальное поведение, здоровье и благополучие населения, коммунальные службы охраны психического здоровья) (Streeta et al. 2014; Citizens Jury Literature... 2017).

Множество жюри граждан рассматривали сложные вопросы охраны окружающей среды.

Сегодня ячейки планирования и жюри граждан выступают базовой моделью для организации иных, но похожих форм участия граждан в принятии публично-властных решений. Среди них получили известность так называемые *консенсусные конференции (Consensus Conferences)*, внедренные в практику в 1980-е гг. Датским советом по технологии (*The Danish Board of Technology*) для консультирования парламентариев по вопросам науки и техники. Отобранные по жребию группы граждан в составе 10-25 человек на первом этапе работы по выходным осваивают материалы по обсуждаемому вопросу и приглашают экспертов и представителей групп интересов, руководствуясь предложенными им списками для консультирования. На втором этапе работы граждане заслушивают экспертов и готовят доклад, в котором формулируют свое коллективное решение. Граждане работают во взаимодействии с консультативным советом, состоящим из ученых, практиков, экспертов и представителей групп интересов. Совет отбирает участников конференции, готовит списки экспертов и представителей групп интере-

сов, формируют команду специалистов, обеспечивающих тесную групповую коммуникацию участников конференции. Консенсусные конференции в разное время были проведены и периодически проводятся в Австралии, Аргентине, Великобритании, Израиле, Канаде, Новой Зеландии, США, Южной Корее, Японии (Escobar, Elstub 2017: 2).

Таким образом, можно констатировать успех предложенной Питером Динелем и Недом Кросби модели «маленького парламента», создаваемого по жребию без института выборов. В то же время органы власти не всегда склонны доверять маленьким гражданским ассамблеям и соответственно расширять практику обращения к ним. Показательно, что в США за более чем сорокалетний период с 1972 по 2015 г. было реализовано всего 36 проектов жюри граждан. Это свидетельствует о применении органами власти традиционных механизмов согласования интересов и отсутствии у них острой потребности в определении *компетентного* мнения граждан по проблемам повседневной жизнедеятельности. Но в случаях возникновения острой потребности для согласования интересов и предотвращения возможных конфликтов органы власти при отсутствии других институтов вынуждены выбирать между опросами общественного мнения и консультативными референдумами. Опросы общественного мнения позволяют выявить настроения и предпочтения граждан, сформировавшиеся на текущий момент. Но эти настроения отражают состояние массового сознания, нередко эмоционально окрашенного. Консультативные же референдумы выражают более устойчивое мнение и настроение большинства граждан. Но они дорогостоящи, а граждане в период подготовки референдума подвержены сильному влиянию СМИ. К тому же на них избиратели дают однозначный ответ на поставленный вопрос. Иначе говоря, и опросы, и консультативные референдумы не позволяют выявить детальное и проблемное видение гражданами возникающих проблем, а тем более получить от граждан аргументированные программные предложения. Этим обусловлена определенная привлекательность гражданских ассамблей.

Но как свидетельствует практика последних лет заказчики того или иного проекта гражданской ассамблеи нередко желают знать мнение и рекомендации более репрезентативной группы граждан. В этой связи с конца 1980-х гг. и по настоящее время наблюдается некоторое изменение подходов к организации их работы и к выработке модификаций форм алеаторной демократии.

От маленького к большому гражданскому парламенту. Формы укрупненных гражданских ассамблей были предложены в 1988 г. учеником Неда Кросби профессором Джеймсом Фишкиным (Fishkin 2009 и др.) и Центром делиберативных опросов (*Center for Deliberative Polling*). Сегодня они широко известны как делиберативные опросы (*Deliberative Polls*). В данном случае для участия в обсуждении по жребию отбирается достаточно большая группа граждан в составе 150-500 человек. При работе с гражданами организаторы опроса следуют методологии «углубленного общественного мнения», с тем чтобы установить точку зрения опрашиваемых, хорошо осведомленных по обсуждаемым вопросам (о самой методологии см.: Докторов

2007). Проект делиберативного опроса предполагает первичное изучение мнения граждан, отправку им необходимой информации, организацию совместного обсуждения вопросов в составе небольших групп, встречи с экспертами на пленарных заседаниях, процедуры повторного изучения мнения после обсуждений и др. Целью реализации проекта является агрегированное общественное мнение, а не итоговый доклад. Результаты опроса широко освещаются в средствах массовой информации. Делиберативные опросы нашли применение более чем в 10 странах мира, включая Китай (Escobar, Elstub 2017: 2, 4).

С начала XXI столетия стали появляться и иные формы алеаторной демократии, сочетающие в себе достоинства малых и больших групп граждан. Исследовательский интерес обращен прежде всего к так называемым *ассамблеям граждан (Citizens' Assemblies)*. Данная форма демократии представляет собой крупную группу участников ассамблеи в составе 100 и более человек. Участники первоначально определяются по жребию по данным избирательных списков в количестве, превышающем планируемый состав ассамблеи. Затем выявляются желающие принять участие в работе ассамблеи; далее по жребию производится окончательный отбор участников проекта. При отборе учитываются возраст, пол, географическая локализация места жительства граждан. По типовой схеме первоначально предполагается ознакомление граждан с проблемой, но затем отобранные по жребию участники ассамблеи участвуют в публичных слушаниях по месту жительства для того, чтобы впоследствии довести мнение жителей местных сообществ до сведения всех участников ассамблеи. На заключительном этапе граждане обсуждают проблему вместе и готовят итоговый доклад. Решения принимаются гражданами путем голосования. Итоговый доклад адресуется парламенту, правительству, организаторам референдума (Escobar, Elstub 2017: 3–4). Возможен и другой порядок работы ассамблей, определяемый их учредителями.

Ассамблеи граждан во многом напоминают парламенты и оказывают значительное влияние на принятие публично-властных решений, как это было в канадских провинциях Британская Колумбия (2003–2004 гг.) и Онтарио (2006–2007 гг.) при подготовке референдумов по избирательной реформе. В Британской Колумбии ассамблея граждан по избирательной реформе была созвана по решению правительства провинции и работала с сентября 2003 г. до декабря 2004 г. В состав ассамблеи входили ее председатель, назначенный легислатурой штата, и 160 избирателей, отобранных по жребию – по два человека (мужчина и женщина) от каждого из 79 избирательных округов. В состав ассамблеи были включены также два представителя коренных народов. При отборе членов ассамблеи учитывались не только гендерные, но и возрастные признаки и географическое распределение населения. Первоначально от каждой провинции из избирательных списков было отобрано 15 800 избирателей – по 200 от каждого избирательного округа. Каждый гражданин получил письменное предложение принять участие в работе ассамблеи в случае избрания ее членом. В результате организаторы ассамблеи получили положительные ответы от 1715 мужчин

и женщин. Из числа согласившихся граждан затем на 27 избирательных собраниях, проведенных по всему штату, по жребию был произведен окончательный отбор членов ассамблеи. После этапа изучения проблемы на территории в мае-июне 2004 г. штата прошли 50 открытых публичных слушаний, в которых приняли участие от 4 до 16 членов ассамблеи. На следующем этапе ассамблея на своих заседаниях, которые проводились по выходным с октября по декабрь 2004 г., представила итоговый доклад с рекомендациями (*Making every... 2004: 9-13*). В 2005 г. проект реформы, предложенный гражданами, был вынесен на референдум провинции, решение которого было обязательным. Практически во всех избирательных округах он был поддержан относительным большинством граждан, а в целом по провинции за него проголосовало 57,7%, чего оказалось недостаточным, так как по установленным правилам для принятия решения было необходимо набрать не менее 60% голосов всех избирателей.

Еще более показателен опыт организации ассамблей граждан в Ирландии. В соответствии с программой парламента, избранного на всеобщих выборах, состоявшихся в 2016 г., в стране было предусмотрено создание ассамблеи граждан, не включающей политиков. Учреждение ассамблеи состоялось на основании резолюции двух палат ирландского парламента в июле 2016 г. Мандат ассамблеи предусматривал ограниченное количество вопросов, которые она была уполномочена рассмотреть. Состав ассамблеи был сформирован следующим образом: ее председателя назначило правительство из корпуса судей Верховного суда Ирландии (*Supreme Court of Ireland*). Другие 99 членов ассамблеи были отобраны по жребию из числа избирателей, представляющих все ирландское общество (отобрали также запасных членов ассамблеи). Отбор членов ассамблеи производился на основе списков избирателей в конце 2016 г. независимой консалтинговой компанией «Red C», выигравшей тендер. При отборе учитывались следующие признаки населения: пол, возраст, социальная принадлежность, географическое расселение. Для решения организационных и других вопросов была создана руководящая группа (*Streep group*) ассамблеи в составе 11 членов (председатель, секретариат и группа членов ассамблеи, сформированная ею). В состав секретариата вошли сотрудники государственных департаментов. Была также организована группа экспертов из специалистов по политическим и социальным наукам, конституционному праву, медицинскому праву и этике, а также по практической медицине и акушерству.

Ассамблея работала по выходным дням в период с октября 2016 по июнь 2017 г. в режиме пленарных заседаний, на которых после выступления председателя проводились экспертные презентации, заседания и прения, обсуждения вопросов за круглым столом. Ассамблея граждан в период своей работы рассмотрела вопрос о целесообразности отмены 8-й поправки к Конституции Ирландии, внесенной в 1983 г. и запрещающей аборты. Кроме того, она провела обсуждение проблемы вызовов, связанных со старением населения, и вопроса об изменении климата. После 6 двухдневных пленарных заседаний, состоявшихся в октябре 2016 – апреле 2017 г., ассамблея рекомендовала отмену 8-й поправки к Конституции Ирландии,

сформулировала предложения в сфере охраны материнства, полового воспитания подростков и др. На других пленарных заседаниях она определила приоритеты социальной политики, выработала рекомендации по пенсионному обеспечению граждан и по уходу за пожилыми людьми. Ею было предложено расширить полномочия независимого органа для решения проблем изменения климата, усовершенствовать систему налогообложения за выбросы парниковых газов, решить ряд транспортных проблем (First Report... 2017: 40-54).

Примечательно, что итоговые доклады ассамблеи граждан были приняты во внимание законодателем. Он, в частности согласился отменить 8-ю поправку в случае, если предложение будет поддержано гражданами на референдуме. Соответствующий референдум состоялся в Ирландии 15 мая 2018 г. и граждане поддержали предложение ассамблеи (Ирландия... 2018).

Работа ассамблеи граждан в Ирландии была высоко оценена руководством страны и экспертным сообществом. Ассамблея продемонстрировала, что труднейшие вопросы, которые не могут быть решены самим правительством и под его ответственность десятилетиями, вполне разрешимы путем принятия политических решений на основе справедливого и разумного обсуждения среди граждан. По мнению экспертов опыт ассамблеи граждан Ирландии является моделью для всей Европы (Humphreys 2016).

На сегодняшний день ассамблеи граждан проводились в Канаде, Голландии, Ирландии. Но, несмотря на небольшой опыт их проведения, сохраняется тренд на моделирование новых разновидностей крупных минипублик. Генератором новых подходов в данном случае выступают Австралия и Южная Корея. Особенно привлекают внимание два новые модификации форм алеаторной демократии.

Ядерное жюри граждан (Nuclear Citizen's Juries). Рассматриваемая форма алеаторной демократии является крупнейшим проектом за всю историю организации жюри граждан в Австралии. Потребность в проекте возникла в связи с планами строительства в штате Южная Австралия высокотехнологичного хранилища ядерных отходов, представленными в докладе созданной в штате Королевской комиссии по ядерному топливному циклу (*Nuclear Fuel Cycle Royal Commission*). По указанию премьер-министра штата для обсуждения планов было решено создать жюри граждан и усилить репрезентативность его состава. Также по-новому была организована работа жюри. Проект предусматривал два состава жюри граждан. Первое жюри граждан в июле 2016 г. проанализировало доклад Королевской комиссии и определило круг вопросов, которые необходимо обсудить. Второе жюри граждан осенью провело рассмотрение дела по существу.

Состав первого жюри граждан был определен по жребию в количестве 50 человек из числа отобранных по случайной выборке 25000 граждан с учетом демографических показателей. В составе жюри также было предусмотрено пропорциональное присутствие лиц, поддерживающих проект и выступающих против него. Присяжным было предоставлено право вызова и опроса свидетелей, они могли формировать группы экспертов и обращаться к ним. Было обеспечено право традиционных владельцев земельных участ-

ков – представителей коренных народов – на обращение к присяжным на их родном языке. Присяжные заседали и вели дискуссии по выходным в общей сложности в течение 50 часов. Каждому из них была выплачена компенсация в размере 500 долларов. По итогам работы присяжные пришли к выводу, что все жители Южной Австралии имеют право на безопасную окружающую среду. В то же время, по их мнению, строительство высоко-технологического хранилища ядерных отходов несет минимальные угрозы безопасности населения (Donaldson 2016).

Второе жюри граждан работало в составе 350 человек и рассматривало вопрос о том, при каких обстоятельствах Южная Австралия могла бы воспользоваться возможностью хранения высокоактивных ядерных отходов из других стран. Работу жюри организовывала неправительственная организация «*DemocracyCo*». Отбор присяжных осуществлялся по жребию, но кроме этого в состав жюри были приглашены 50 граждан, участвовавших в разбирательстве в первом жюри граждан; 30 из них дали согласие.

В течение шести дней присяжным была предоставлена исчерпывающая информация по темам: безопасность; транспарентность и подотчетность; общественное и коммунальное согласие; экономические вопросы, включая выгоду и риски для штата. *DemocracyCo* был представлен список из 160 свидетелей, которые присяжные увеличили до 200 ввиду явного крена в пользу защитников проекта в предложенном списке свидетелей.

Слушания по проблеме вторым «ядерным жюри граждан» заняли в общей сложности 40 часов и прошли в формате общих пленарных заседаний. В результате разбирательств граждане не поддержали проект, во многом руководствуясь стремлением защитить права коренных народов Австралии. Все аргументы жюри граждан изложены в многостраничном итоговом докладе (South Australia's... 2016). Правительство штата вынуждено было отказаться от строительства хранилища.

Деятельность жюри граждан в Южной Австралии получила высокую оценку экспертного сообщества, так как решение граждан по существу означало прорыв в отношениях общества и власти. Граждане сказали «Нет» проекту стоимостью порядка 600 млн долл. Решение было принято, несмотря на многолетнюю пропагандистскую кампанию, развернутую ядерным лобби и правительством штата и вопреки беспрецедентному давлению на присяжных. Обращает внимание даже тот факт, что жюри в составе 350 человек по инициативе организаторов не разделялось на группы и не имело возможности опросить всех свидетелей и заслушать экспертов. Работа жюри придавала импульс развитию институтов делиберативной демократии в Австралии. Жюри граждан стали созываться в разных штатах страны все чаще и чаще (Clark 2016).

Другое «ядерное» жюри граждан в расширенном составе было сформировано в 2017 г. в Южной Корее по инициативе Президента Мун Чжэ Ин. В октябре после нескольких месяцев изучения вопроса и дебатов гражданская ассамблея в составе 471 присяжного проголосовала за возобновление строительства блоков №5/6 АЭС «*Shin-Kori*». За это решение высказались 59,5% присяжных. Одновременно 53,2% присяжных поддержали

политику по сокращению зависимости страны от производства ядерной энергии (Patel 2017).

Парламент граждан (Citizens' Parliament). Данная форма алеаторной демократии сочетает особенности жюри граждан, ячеек планирования и ассамблей граждан. Первый австралийский Парламент граждан был проведен 6-9 февраля 2009 г. в помещении здания Палаты представителей страны в Канберре. В состав парламента вошли 150 граждан со всей страны – по одному от каждого федерального избирательного округа. Первоначально в списках избирателей на основе случайного отбора были выделены 8000 человек, из которых 3000 граждан дали согласие на участие в работе формируемого органа. Затем из 3000 граждан на основе принципа поперечного среза общества были отобраны 150 граждан. При отборе учитывались гендерные, возрастные и культурные различия. Граждане, разбитые на 24 группы, в течение четырех дней обсуждали актуальные проблемы демократического устройства страны. Их внимание было сконцентрировано на вопросе «Что заставляет нас гордиться нашей демократией и как ее сделать лучше?». По окончании дебатов гражданами были выработаны рекомендации, изложенные в итоговом докладе (*Citizens' Parliament. Final Report 2009*). Среди них примечательны, в частности, предложения о введении подотчетности за политические обещания, о расширении возможностей участия граждан в политике на коммунальном уровне, о наделении граждан правом инициативы референдумов, об изменении избирательной системы, о создании парламента граждан коренных народов (*Indigenous Citizens' Parliament*) и мн. др. Граждане, не вошедшие в окончательный состав парламента, могли участвовать в его работе через региональные собрания и онлайн-форумы. Их взгляды и мнения отслеживались на протяжении всего совещательного процесса. Работа парламента граждан осуществлялась во взаимодействии с Фондом новой демократии (*NewDemocracy Foundaton*), являющимся одним из его учредителей, и поддерживалась парламентариями, которые проявили интерес к мнению участников форума. Работу парламента обеспечивали 120 волонтеров, сведения о которых были обнародованы. Деятельность парламента граждан финансировалась Австралийским исследовательским советом (*Australian Research Council–Linkage Grant*). Парламент граждан принял к обсуждению 11 предложений онлайн-парламента (*Citizens Parliament. "How can Australia's..."*). Результаты работы первого в мире парламента граждан, организованного на федеральном уровне организации власти, получили высокую оценку. Прежде всего заслуживает внимания тот факт, что самими гражданами опровергнут тезис об их нежелании участвовать в политической жизни (Dryzek 2009).

Происходящие в мире процессы свидетельствуют о возрастании интереса правительств к делиберативному участию граждан в осуществлении публичной власти, и прежде всего к формам алеаторной демократии. Эти формы постепенно становятся квазипарламентами – подобием парламентских ассамблей. Их основное отличие от последних заключается в неприятии института выборов как ведущего способа формирования представительных органов. Преимущество таких гражданских ассамблей состоит в их относи-

тельной независимости от органов власти, для которых они вырабатывают свои рекомендации, а также в независимости от электората, подверженно-го, как правило, влиянию различных политических партий и групп интересов. Это означает, что участники делиберативного процесса работают, руководствуясь интересами общего блага. Избрание по жребию, кроме того, более справедливо: оно предоставляет возможность каждому принять участие в процессе поиска публично значимого решения. Отобранным по жребию избирателям формы алеаторной демократии позволяют пройти школу гражданственности в ходе совместной работы с другими гражданами. Поскольку же делиберативный процесс означает компетентное и информированное участие, граждане получают шанс вместо голосования по заранее подготовленным ответам проявить свои творческие способности, трудясь над выработкой собственных предложений. Способы формирования гражданских ассамблей, основанные на идеале справедливого поперечного среза общества, вселяют надежду, что коллективное мнение гражданской ассамблеи совпадает с позицией всего сообщества, которое соответствующая гражданская ассамблея представляет. Поэтому гражданские ассамблеи могут рассматриваться как трансляторы мнений и интересов граждан, связующее звено общества и власти. Важным преимуществом форм алеаторной демократии является и тот факт, что они применимы практически на всех уровнях организации власти – от власти в мелких территориальных сообществах до государственной власти в национальном масштабе. Так как во всех случаях обсуждение вопросов ведется группой непривилегированных граждан, отобранных по жребию, реализация форм алеаторной демократии восстанавливает доверие к институтам демократии в целом.

В то же время проведенное выше описание функционирования форм алеаторной демократии не позволяет позиционировать их в качестве антипода выборным и иным органам власти. При всем многообразии обсуждаемых гражданскими ассамблеями вопросов общественной жизни очевидна ограниченность комплекса проблем, которые эти ассамблеи могут решать. В частности, имеются препятствия для решения межрегиональных вопросов, проблем межнациональных и этноконфессиональных отношений, для урегулирования разного рода конфликтов. В формате работы гражданских ассамблей практически невозможна организация непрерывного законодательного процесса. Помимо того, гражданские ассамблеи не подотчетны ни избирателям, ни органам власти, для которых они вырабатывают свои предложения. Налицо и определенное рода зависимость форм алеаторной демократии от самих органов власти: без их заказа самоорганизация граждан во многом теряет свою значимость, так как выработанные рекомендации не имеют конкретного адресата. Проблематичными являются легитимация самих гражданских ассамблей и их решений, а также их использование органами власти, в частности в Китае (о проблемах легитимации подробно см.: Shablinskii 2018). Поскольку же работа этих ассамблей зависит от заказов, намечается очевидный крен в сторону их коммодификации (Hadjimichael, Delaney 2017): вопреки установкам их изобретателей, гражданские ассамблеи становятся значимым товаром на рынке. Показательно,

что проведение «ядерного жюри граждан» обошлось в 3 млн долл., ассигнования на обсуждение 8-й поправки к Конституции Ирландии составили, по разным оценкам, от 300 до 600 тыс. евро. Даже организация небольшого по своему составу жюри граждан численностью 12-25 человек требует затрат в размере 60-100 тыс. долл. США. Данный факт, в свою очередь, влечет манипуляции с гражданскими ассамблеями со стороны их организаторов, что видно на примере подбора свидетелей при формировании состава «ядерного жюри граждан» в Южной Австралии и выборе организаторами формата пленарных заседаний. Нельзя идеализировать и возможности формирования выборочной совокупности граждан на основе современных методик. Идеал справедливого поперечного сечения общества всегда остается недостижим.

В этом свете думается, что и сегодня идеи Джона Бернхейма и его последователей (Рейбрук 2018 др.) о грядущем политическом порядке без выборов и парламентов при всей их привлекательности и убедительности пополняют копилку примеров «демократического экстремизма» (Lucardie 2016: 117-134). Гражданские ассамблеи в перспективе будут выполнять роль достаточно эффективных и разумно организованных собраний граждан, обеспечивающих компетентное участие избирателей в решении сложных публично-правовых вопросов. Но они являются и будут дополнительными формами существующих систем представительства. И в этом плане порою дерзкие и «экстремистские» футурологические воззрения обретают свою актуальность и раскрывают свой позитивный потенциал, способствуя преодолению кризиса современной либеральной демократии, недооценивающей возможности компетентного участия граждан в решении государственных вопросов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бусова Н.А. 2002. Делиберативная модель демократии и политика интересов // Вопр. философии. № 5. С. 44-54.
- Даль Р. 2003. Демократия и ее критики. М. : РОССПЭН. 576 с.
- Докторов Б. 2007. Методология и практика опросов обогащенного общественного мнения // Социальная реальность. № 10. С. 81-94.
- Ирландия: как пал запрет на аборт. О пяти годах кампании за право выбора : ред. ст. Социал. партии Ирландии [Электронный ресурс], 24 июня 2018 / пер. И. Луховицкого. URL: <https://socialist.news/read/article/ireland-how-yes-was-won> / (дата обращения: 20.10.2018).
- Крауч К. 2010. Пост-демократия / пер. с англ. Н.В. Эдельмана. М. : Издат. Дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики. 192 с.
- Кэмпбел Т. 2013. Права человека: демократический путь // Правоведение. № 6. С. 17-34.
- Лэш К. 2002. Восстание элит и предательство демократии / пер. с англ. Дж. Смити, К. Голубович. М. : Логос : Прогресс. 224 с.
- Рейбрук Д. Ван. 2018. Против выборов. М. : Ад Маргинем Пресс. 200 с.
- Руденко В.Н. 2017. Делиберативная демократия в аксиологии защиты прав человека // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Т. 17, вып. 4. С. 115-127.

Тараев А.К. 2018. Мини-паблик как практики делиберативной демократии // Молодой ученый. № 22. С. 267-270.

Токвиль А. 1992. Демократия в Америке : пер. с франц. / предисл. Гарольда Дж. Ласки. М. : Прогресс. 554 с.

Хайек Ф. А. фон. 2006. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева под ред. А. Куряева. М. : ИРИСЭН. 644 с. (Полит. наука).

Чернов Г.Ю. 2018. Жюри граждан: теория, технологические особенности, перспективы использования в политическом пространстве России // Науч. ежегодник Центра анализа и прогнозирования. № 1. С. 216-221.

Abramson J.B. 2000. Jury Selection and the Cross-Sectional Ideal [Электронный ресурс] // J.B. Abramson. We, The Jury: The Jury System and the Ideal of Democracy. With a New Preface. Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Press. P. 99-142. URL: <http://law2.umkc.edu/faculty/projects/frtrial/juryseminar/crosssectional.html> (дата обращения: 20.10.2018).

Burnheim J. 1985. Is Democracy Possible? The Alternative to Electoral Politics. London : Polity Press. 205 p.

Carson L., Martin B. 2002. Random selection of citizens for technological decision making [Электронный ресурс] // Science and Public Policy. Vol. 29, № 2, April. P. 105-113. URL: <https://www.bmartin.cc/pubs/02spp.html> (дата обращения: 20.10.2018).

Carson L., Sargent C., Blackadder J. 2004. Consult you community. A guide to running a youth jury [Электронный ресурс]. Sydney. 79 p. URL: <http://www.activecitizenship.net/parrayouth/docs/youth-juries-handbook.pdf> (дата обращения: 20.10.2018).

Citizens Jury Handbook [Электронный ресурс], 2004. Jefferson Centre. 112 p. URL: http://www.rachel.org/files/document/Citizens_Jury_Handbook.pdf (дата обращения: 20.10.2018).

Citizens Jury Literature Review. Our Voice Citizens Jury Realistic medicine, 2017. London : Shared Future. 24 p.

Citizens Jury on the Citizens Initiative Review [Электронный ресурс]. May 20-24, 2001. Final Report. Prepared: June 2001. A Project of the League of Women Voters of Washington. 4710 University Way NE, Suite 214. Seattle, WA 98105. 24 p. URL: <https://jefferson-center.org/wp-content/uploads/2012/10/CITIZENS-INITIATIVE-REVIEW-.pdf> (дата обращения: 20.10.2018).

Citizens Parliament. "How can Australia's political system be strengthened to serve us better?" [Электронный ресурс]. URL: <http://www.citizensparliament.org.au> (дата обращения: 20.10.2018).

Citizens' report for the "Sparrplatz" neighbourhood [Электронный ресурс]. URL: <https://www.inter3.de/en/projects/details/article/buergergutachten-fuer-das-stadtquartier-sparrplatz.html> (дата обращения: 20.10.2018).

Citizens' Parliament. Final Report. 2009 [Электронный ресурс]. Old Parliament House, Canberra, 6-9 February 2009. 18 p. URL: http://citizensparliament.org.au/wp-content/uploads/2015/02/Citizens-Parliament_final_FINAL-report-10-Feb.pdf (дата обращения: 20.10.2018).

Clark R. 2016. South Australian 'citizens' jury' rejects nuclear dump [Электронный ресурс], November 11. URL: <https://www.greenleft.org.au/content/south-australian-%E2%80%99citizens%E2%80%99-jury%E2%80%99-rejects-nuclear-dump> (дата обращения: 20.10.2018).

Crosby N. 2007. Peter C. Dienel: Eulogy for a Deliberative Democracy Pioneer [Электронный ресурс] // J. of Public Deliberation. Vol. 3, iss. 1. Art. 7. P. 1-2. URL: <https://www.publicdeliberation.net/cgi/viewcontent.cgi?article=1056&context=jpd> (дата обращения: 20.10.2018).

Crosby N., Kelly J.M., Schaefer P. 1986. Citizens Panels: A New Approach to Citizen Participation // *Public Administration Review*. Vol. 46, № 2. P. 170-178.

Devlin P. 1956. *Trial by Jury*. London : Stevens & Sons Limited. 179 p.

Dienel P.C. 1999. *Planning Cells: The German Experience // Participation Beyond the Ballot Box. European Case Studies in State-Citizen Political Dialogue / ed. by Usman Khan*. London : UCL Press. P. 81-93.

Donaldson D. 2016. Going nuclear: inside SA's deliberative policymaking citizens' juries [Электронный ресурс], October 27. URL: <https://www.themandarin.com.au/71948-going-nuclear-inside-sas-nuclear-citizens-jury/> (дата обращения: 20.10.2018).

Dryzek J. 2009. The Australian Citizens' Parliament: A World First. Papers on Parliament No. 51, June [Электронный ресурс]. URL: https://www.aph.gov.au/About_Parliament/Senate/Powers_practice_n_procedures/~-/link.aspx?id=E03B9D7AA31049C2AD126EBD7AC3247E&z=z (дата обращения: 20.10.2018).

Escobar O., Elstub S. 2017. Forms of Mini-publics: An introduction to deliberative innovations in democratic practice [Электронный ресурс], May, 8 / Univ. of Edinburgh. 13 p. (New Democracy Research and Development Note). URL: https://www.newdemocracy.com.au/docs/researchnotes/2017_May/nDF_RN_20170508_FormsOfMiniPublics.pdf (дата обращения: 20.10.2018).

First Report and Recommendations of the Citizens' Assembly. The eight amendment of the Constitution [Электронный ресурс], June 27, 2017 / The Citizens' Assembly. 139 p. URL: <https://www.citizensassembly.ie/en/The-Eighth-Amendment-of-the-Constitution/Final-Report-on-the-Eighth-Amendment-of-the-Constitution/Final-Report-incl-Appendix-A-D.pdf> (дата обращения: 20.10.2018).

Fishkin J.S. 2009. *When the People Speak: Deliberative Democracy and Public Consultation*. New York : Oxford Univ. Press. 256 p.

Grönlund K., Bächtiger A., Setälä M. (eds.) 2014. *Deliberative Mini-Publics. Involving Citizens in the Democratic Process / ed. by K. Grönlund, A. Bächtiger, M. Setälä*. Colchester : ECPR Press. 255 p.

Hadjimichael M., Delaney A.E. 2017. Forming perceptions and the limits to public participation on ocean commons: evidence from a citizens jury workshop // *International J. of the Commons*. Vol. 11, № 1. P. 200-219.

Humphreys J. 2016. Why Ireland's citizens' assembly is a model for Europe // *The Irish Times*. Nov. 27. URL: <https://www.irishtimes.com/culture/why-ireland-s-citizens-assembly-is-a-model-for-europe-1.2876808> (дата обращения: 20.10.2018).

Iredale R. et al. 2005. Young people's citizens jury on designer babies / R. Iredale, M. Longley, A. Shaw, C. Thomas // *Reproductive BioMedicine Online*. Vol. 10. P. 38.

Jacquet V. 2018. The Role and the Future of Deliberative Mini-publics: A Citizen Perspective // *Political Studies*. Aug., 31. Doi: 10.1177/0032321718794358

Jury Act (The United States Jury Selection and Service Act of 1968, 28 U.S.C. § 1861) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/28/1861> (дата обращения: 20.10.2018).

Landsman S. 1999. *The Civil Jury in America // Law and Contemporary Problems*. Vol. 62, № 2. P. 285-304.

Lucardie P. 2014. *Democratic Extremism in Theory and Practice: All Power to the People*. London ; New York : Routledge : Taylor & Francis Group. xii, 194 p.

Making every vote count. The final report of the British Columbia Citizen's Assembly on electoral reform. Final report. December 2004. [Электронный ресурс]. 16 p. URL: https://citizensassembly.arts.ubc.ca/resources/final_report.pdf (дата обращения 20.10.2018).

Martin B. 1992. Demarchy: A Democratic Alternative to Electoral Politics [Электронный ресурс] // Kick It Over. Fall, № 30. P. 11-13. URL: <https://www.bmartin.cc/pubs/92kio/92kio.pdf> (дата обращения: 20.10.2018).

Patel S. 2017. Citizens' Jury Recommends Resuming Nuclear Construction in South Korea [Электронный ресурс] // Power. Oct. 20. URL: <https://www.powermag.com/citizens-jury-recommends-resuming-reactor-construction-in-south-korea/> (дата обращения 20.10.2018).

Renn O. et al. 1993. Public participation in decision making: A three-step procedure / O. Renn, T. Webler, H. Rakel, P. Diemel, B. Johnson // Policy Sciences. № 26. P. 189-214.

Renn O., Webler T., Wiedemann P. (eds.) 1995. Fairness and Competence in Citizen Participation: Evaluating Models for Environmental Discourse / ed. by Renn O., Webler T., Wiedemann P. Dordrecht ; Boston : Kluwer Academic. xix, 381 p.

Rüsch G. 2005. Die Planungszelle in Österreich // Die Befreiung der Politik / ed. by Peter C. Diemel. Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften. P. 132-133.

Sellereit K. 2010. Planning Cells [Электронный ресурс], June 2 // Participedia URL: <https://participedia.net/en/methods/planning-cells> (дата обращения: 10.09.2018).

Shablinskii A. 2018. On Mini-Publics in Deliberative Democracies: Inefficient Instrument or Arendt's "Oasis of Freedom"? // Russian Sociological Review. Vol. 1, № 4. P. 103-116.

South Australia's Citizens' Jury on Nuclear Waste. Final Report. November 2016 [Электронный ресурс]. 48 p. URL: <http://assets.yoursay.sa.gov.au/production/2016/11/06/07/20/56/26b5d85c-5e33-48a9-8eea-4c860386024f/final%20jury%20report.pdf> (дата обращения 20.10.2018).

Streeta J. et al. 2014. The use of citizens' juries in health policy decision-making: A systematic review / J. Streeta, K. Duszynskib, S. Krawczyka, A. Braunack-Mayera // Social Science & Medicine. Vol. 109, May. P. 1-9.

Youth Citizens Jury – Erfahrungen mit einem neuen Modell für Jugendpartizipation (Aufsatz aus "Deutsche Jugend, heft 6/2013, S. 245 bis 253) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.timo-rieg.de/2018/01/youth-citizens-jury-erfahrungen-mit-einem-neuen-modell-fuer-jugendpartizipation/> (дата обращения: 20.10.2018).

V. Rudenko. Formy aleatornoy demokratii: genesis i razvitiye [Forms of aleatory democracy: genesis and development], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 97–125. (in Russ.).

Viktor N. Rudenko, Doctor of Law, Full Professor, Corresponding Member of the RAS, Director, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia. E-mail: rudenkovn@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0003-1802-2198

Article received 20.10.2018, accepted 29.11.2018, available online 29.12.2018

FORMS OF ALEATORY DEMOCRACY: GENESIS AND DEVELOPMENT

Abstract. The article analyzes forms of citizen participation in public decision-making as alternative to traditional institutions of citizen participation (public discussions of draft laws, public hearings, citizen participation in public councils formed by governmental bodies, etc.). The author shows that the main disadvantage of traditional forms of citizen participation is the absence of mechanisms that ensure an independent and competent public discussion of the most important public problems. Therefore, in his opinion, these institutions to a greater extent provide a policy of interests that expresses the aspirations of elite groups, but not the civil society. The author turns to the theory of deliberative democracy and associated concept of an aleatory democracy. He analyzes the potential forms of citizen participation in the implementation of public power based on the institution of draft (some forms of mini-publics). The article shows that the modeling of these forms is closely connected with the evolution of juries and, in particular, with the establishment of cross-sectional ideal in order to form their panel in the United States in late 1960s. The newest forms of aleatory democracy are considered. The author analyzes advantages and disadvantages of these forms, and experience of their practical implementation. He concludes that the forms of aleatory democracy to a large extent ensure rational communication between civil society and the state, as well as local self-government authorities. The development of these forms in the future can help to overcome crisis of contemporary liberal democracy.

Keywords: aleatory democracy, deliberative democracy, jury, mini-publics, planning cells, citizens' juries, consensus conferences, deliberative polls, citizen's assemblies, clear citizen's jury, citizens' parliament, cross-sectional ideal, cross-sectional jury.

References

Abramson J.B. Jury Selection and the Cross-Sectional Ideal, *J.B. Abramson. We, The Jury: The Jury System and the Ideal of Democracy. With a New Preface*, Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press, 2000, pp. 99-142, available at: <http://law2.umkc.edu/faculty/projects/ftrials/juryseminar/crosssectional.html> (accessed October 20, 2018).

Burnheim J. *Is Democracy Possible? The Alternative to Electoral Politics*, London, Polity Press, 1985, 205 p.

Busova N.A. *Deliberativnaya model' demokratii i politika interesov* [Deliberative model of democracy and the policy of interests], *Voprosy filosofii*, 2002, no. 5, pp. 44-54. (in Russ.).

Campbell T. *Prava cheloveka: demokraticeskii put'* [Human Rights: a Democratic Way], *Pravovedenie*, 2013, no. 6, pp. 17-34. (in Russ.).

Carson L., Martin B. Random selection of citizens for technological decision making, *Science and Public Policy*, 2002, vol. 29, no. 2, April, pp. 105-113, available at: <https://www.bmartin.cc/pubs/O2spp.html> (accessed October 20, 2018).

Carson L., Sargent C., Blackadder J. *Consult you community. A guide to running a youth jury*, Sydney, 2004, 79 p., available at: <http://www.activedemocracy.net/parrayouth/docs/youth-juries-handbook.pdf> (accessed October 20, 2018).

Chernov G.Yu. *Zhyuri grazhdan: teoriya, tekhnologicheskie osobennosti, perspektivy ispol'zovaniya v politicheskom prostranstve Rossii* [Citizens jury: theory, technological features, prospects for using in the political space of Russia], *Nauchnyy ezhegodnik Tsentra analiza i prognozirovaniya*, 2018, no. 1, pp. 216-221. (in Russ.).

Citizens Jury Handbook, Jefferson Centre, 2004, 112 p., available at: http://www.rachel.org/files/document/Citizens_Jury_Handbook.pdf (accessed October 20, 2018).

Citizens Jury Literature Review. Our Voice Citizens Jury Realistic medicine, London, Shared Future, 2017, 24 p.

Citizens Jury on the Citizens Initiative Review. May 20-24, 2001. Final Report. Prepared: June 2001. A Project of the League of Women Voters of Washington. 4710 University Way NE, Suite 214. Seattle, WA 98105, 24 p., available at: <https://jefferson-center.org/wp-content/uploads/2012/10/CITIZENS-INITIATIVE-REVIEW-.pdf> (accessed October 20, 2018).

Citizens Parliament. "How can Australia's political system be strengthened to serve us better?", available at: <http://www.citizensparliament.org.au> (accessed October 20, 2018).

Citizens' report for the "Sparrplatz" neighbourhood, available at: <https://www.inter3.de/en/projects/details/article/buergergutachten-fuer-das-stadtquartier-sparrplatz.html> (accessed October 20, 2018).

Citizens' Parliament. Final Report. 2009. Old Parliament House, Canberra, 6–9 February 2009, 18 p., available at: http://citizensparliament.org.au/wp-content/uploads/2015/02/Citizens-Parliament_final_FINAL-report-10-Feb.pdf (accessed October 20, 2018).

Clark R. *South Australian 'citizens' jury' rejects nuclear dump*, November 11, 2016, available at: <https://www.greenleft.org.au/content/south-australian-%E2%80%98citizens%E2%80%99-jury%E2%80%99-rejects-nuclear-dump> (accessed October 20, 2018).

Crosby N. Peter C. Dienel: *Eulogy for a Deliberative Democracy Pioneer*, *J. of Public Deliberation*, 2007, vol. 3, iss. 1, art. 7, pp. 1-2, available at: <https://www.publicdeliberation.net/cgi/viewcontent.cgi?article=1056&context=jpd> (accessed October 20, 2018).

Crosby N., Kelly J.M., Schaefer P. *Citizens Panels: A New Approach to Citizen Participation*, *Public Administration Review*, 1986, vol. 46, no. 2, pp. 170-178.

Crouch C. *Post-demokratiya* [Post-Democracy], Moscow, Izdatel'skiy Dom Gosudarstvennogo universiteta – Vysshyye shkoly ekonomiki, 2010, 192 p. (in Russ.).

Dahl R. *Demokratiya i ee kritiki* [Democracy and Its Critics], Moscow, ROSSPEN, 2003, 576 p. (in Russ.).

Devlin P. *Trial by Jury*, London, Stevens & Sons Limited, 1956, 179 p.

Dienel P.C. *Planning Cells: The German Experience*, U. Khan (ed.) *Participation Beyond the Ballot Box. European Case Studies in State-Citizen Political Dialogue*, London, UCL Press, 1999, pp. 81-93.

Doktorov B. *Metodologiya i praktika oprosov obogashchennogo obshchestvennogo mneniya* [Methodology and practice of of deliberative public opinion], *Sotsial'naya real'nost'*, 2007, no. 10, pp. 81-94. (in Russ.).

Donaldson D. *Going nuclear: inside SA's deliberative policymaking citizens' juries*, October 27, 2016, available at: <https://www.themandarin.com.au/71948-going-nuclear-inside-sas-nuclear-citizens-jury/> (accessed October 20, 2018).

Dryzek J. *The Australian Citizens' Parliament: A World First*. Papers on Parliament, no. 51, June, 2009, available at: https://www.aph.gov.au/About_Parliament/Senate/Powers_practice_n_procedures/~~/link.aspx?_id=E03B9D7AA31049C2AD126EBD7AC3247E&_z=z (accessed October 20, 2018).

Escobar O., Elstub S. *Forms of Mini-publics: An introduction to deliberative innovations in democratic practice*, May 8, 2017, Univ. of Edinburgh, 13 p., available at: https://www.newdemocracy.com.au/docs/researchnotes/2017_May/nDF_RN_20170508_FormsOfMiniPublics.pdf (accessed October 20, 2018).

First Report and Recommendations of the Citizens' Assembly. The eight amendment of the Constitution, June 27, 2017, The Citizens' Assambly, 139 p., available at: <https://www.citizensassembly.ie/en/The-Eighth-Amendment-of-the-Constitution/Final-Report-on-the-Eighth-Amendment-of-the-Constitution/Final-Report-incl-Appendix-A-D.pdf> (accessed October 20, 2018).

Fishkin J.S. *When the People Speak: Deliberative Democracy and Public Consultation*, New York, Oxford Univ. Press, 2009, 256 p.

Grönlund K., Bächtiger A., Setälä M. (eds.) *Deliberative Mini-Publics. Involving Citizens in the Democratic Process*, Colchester, ECPR Press, 2014, 255 p.

Hadjimichael M., Delaney A.E. Forming perceptions and the limits to public participation on ocean commons: evidence from a citizens jury workshop, *International J. of the Commons*, 2017, vol. 11, no. 1, pp. 200-219.

Hayek F.-A. *Pravo, zakonodatel'stvo i svoboda: Sovremennoe ponimanie liberal'nykh printsipov spravedlivosti i politiki* [Law, legislation and liberty], Moscow, IRISEN, 2006, 644 p. (in Russ.).

Humphreys J. Why Ireland's citizens' assembly is a model for Europe, *The Irish Times*, 2016, November 27, available at: <https://www.irishtimes.com/culture/why-ireland-s-citizens-assembly-is-a-model-for-europe-1.2876808> (accessed October 20, 2018).

Iredale R., Longley M., Shaw A., Thomas C. Young people's citizens jury on designer babies, *Reproductive BioMedicine Online*, 2005, vol. 10, pp. 38.

Irlandiya: kak pal zapret na aborty. O pyati godakh kampanii za pravo vybora : red. st. Sotsialisticheskoy partii Irlandii [Ireland: as the ban on abortion fell. About five years of campaign for the right to choose : editorial article of the Socialist Party (Ireland)], June 24, 2018, available at: <https://socialist.news/read/article/ireland-how-yes-was-won> (accessed October 20, 2018). (in Russ.).

Jacquet V. The Role and the Future of Deliberative Mini-publics: A Citizen Perspective, *Political Studies*, 2018, Aug. 31. Doi: 10.1177/0032321718794358

Jury Act (The United States Jury Selection and Service Act of 1968, 28 U.S.C. § 1861), available at: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/28/1861> (accessed October 20, 2018).

Landsman S. The Civil Jury in America, *Law and Contemporary Problems*, 1999, vol. 62, no. 2, pp. 285-304.

Lash K. *Vosstanie elit i predatel'stvo demokratii* [The Revolt of the Elites: And the Betrayal of Democracy], Moscow, Logos, Progress, 2002, 224 p. (in Russ.).

Lucardie P. *Democratic Extremism in Theory and Practice: All Power to the People*, London, New York, Routledge, Taylor & Francis Group, 2014, xii, 194 p.

Making every vote count. The final report of the British Columbia Citizen's Assembly on electoral reform. Final report. December 2004, 16 p., available at: https://citizensassembly.arts.ubc.ca/resources/final_report.pdf (accessed October 20, 2018).

Martin B. Demarchy: A Democratic Alternative to Electoral Politics, *Kick It Over*, 1992, Fall, no. 30, pp. 11-13, available at: <https://www.bmartin.cc/pubs/92kio/92kio.pdf> (accessed October 20, 2018).

Patel S. Citizens' Jury Recommends Resuming Nuclear Construction in South Korea, *Power*, 2017, Oct. 20, available at: <https://www.powermag.com/citizens-jury-recommends-resuming-reactor-construction-in-south-korea/> (accessed October 20, 2018).

Renn O., Webler T., Rakel H., Dienel P., Johnson B. Public participation in decision making: A three-step procedure, *Policy Sciences*, 1993, no. 26, pp. 189-214.

Renn O., Webler T., Wiedemann P. (eds.) *Fairness and Competence in Citizen Participation: Evaluating Models for Environmental Discourse*, Dordrecht, Boston, Kluwer Academic, 1995, xix, 381 p.

Reybrouck D. van. *Protiv vyborov* [Against the elections], Moscow, Ad Marginem Press, 2018, 200 p. (in Russ.).

Rudenko V.N. *Deliberativnaja demokratija v aksiologii zashhity prav cheloveka* [Deliberative democracy in axiology of human rights' protection], *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 115-127. (in Russ.).

Rüsch G. Die Planungszelle in Österreich, *P.C. Dienel (ed.) Die Befreiung der Politik*, Wiesbaden, VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2005, pp. 132-133.

Sellereit K. Planning Cells, 2010, June 2, *Participedia*, available at: <https://participedia.net/en/methods/planning-cells> (accessed September 10, 2018).

Shablinskii A. On Mini-Publics in Deliberative Democracies: Inefficient Instrument or Arendt's "Oasis of Freedom"?, *Russian Sociological Review*, 2018, vol. 1, no. 4, pp. 103-116.

South Australia's Citizens' Jury on Nuclear Waste. Final Report, November 2016, 48 p. available at: <http://assets.yoursay.sa.gov.au/production/2016/11/06/07/20/56/26b5d85c-5e33-48a9-8eea-4c860386024f/final%20jury%20report.pdf> (accessed October 20, 2018).

Streeta J., Duszynskib K., Krawczyka S., Braunack-Mayera A. The use of citizens' juries in health policy decision-making: A systematic review, *Social Science & Medicine*, 2014, vol. 109, May, pp. 1-9.

Taraev A.K. *Mini-pabliks kak praktiki deliberativnoy demokratii* [Mini-publics as a practices of deliberative democracy], *Molodoy uchenyy*, 2018, no. 22, pp. 267-270. (in Russ.).

Tocqueville A. de. *Demokratiya v Amerike* [Democracy in America], Moscow, Progress, 1992, 554 p. (in Russ.).

Youth Citizens Jury – Erfahrungen mit einem neuen Modell für Jugendpartizipation (Aufsatz aus "Deutsche Jugend, heft 6/2013, S. 245 bis 253), available at: <http://www.timo-rieg.de/2018/01/youth-citizens-jury-erfahrungen-mit-einem-neuen-modell-fuer-jugendpartizipation/> (accessed October 20, 2018).

Требования к авторам

1. Автор отправляет на редакционную почту admin@instlaw.uran.ru рукопись статьи в электронном варианте в формате .doc.

2. Статьи должны соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука, право. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Статьи представляются на русском языке.

3. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.

4. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование: имена автора и рецензентов не раскрываются друг другу. К рецензированию привлекаются как члены редакционной коллегии и международного редакционного совета, так и внешние эксперты – специалисты по проблематике представленной статьи. Если мнения двух рецензентов принципиально расходятся, редакция привлекает третьего рецензента или принимает решение самостоятельно. Срок рассмотрения статей – не более 2-х месяцев с момента поступления рукописи в редакцию.

5. По результатам рецензирования статья может быть принята к печати, направлена автору на доработку или отклонена. В случае принятия к печати статья пополняет редакционный портфель, из материалов которого редколлегия комплектует ближайшие номера журнала.

6. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет. Редакция направляет авторам рукописей отзывы рецензентов или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

7. Рекомендуемый объем статьи – 30–60 тысяч знаков (с пробелами). Шрифт (гарнитура) Times New Roman, 14 кегль, 1,5 интервала, текст должен быть отформатирован по ширине без переносов, абзацный отступ – 1 см, левое поле – 3 см, правое поле – 1,5 см, верхнее и нижнее поля – 2 см. При использовании в тексте кавычек применяют типографский вариант («»). Тире обозначается символом «–» (среднее тире); дефис «-».

8. Все иллюстрации, графики, таблицы и рисунки должны иметь последовательную нумерацию, название; быть включены как в основной файл статьи, так и представлены отдельными файлами.

9. Название статьи форматируется по центру, выделяется полужирным шрифтом, 14 кеглем, все буквы прописные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются фамилия, имя, отчество, ученая степень и звание, занимаемая

должность, место работы, электронная почта. В левом верхнем углу указывается код УДК.

После названия приводится аннотация статьи, раскрывающая ее гипотезу, основные положения и выводы. Объем аннотации не менее 2000 знаков с пробелами. После аннотации статьи приводится список ключевых слов (5–10).

10. Внутритекстовые ссылки оформляются в круглых скобках, в которых указываются фамилия (фамилии) автора или составителя (главного или ответственного редактора), или основное заглавие (если авторство нельзя установить), далее через пробел указывается год издания, затем через двоеточие – страницы цитаты, либо статьи правового акта, на который ссылается автор. Например: (Булгаков 1994: 203-204).

11. Библиографический список представлен двумя блоками – Списком литературы и References.

В Списке литературы указываются научные источники, первоначально авторские работы на русском языке в алфавитном порядке, затем источники на иностранных языках. При наличии нескольких источников одного автора, вышедших в одном календарном году, данная группа записей располагается по алфавиту заглавий, а к цифровому обозначению года добавляются строчные буквы латинского алфавита – a, b, c, d, что отражается и во внутритекстовых ссылках.

References – список литературы, где источники на кириллице даны в транслитерации и в переводе на английский язык (фамилия автора, название журнала, сборника – в транслитерации; заглавие монографии или статьи, место издания – в переводе), английские источники приводятся без изменений. Источники на иных языках также даются в переводе на английский язык. Весь массив записей располагается в алфавитном порядке.

При ссылке на книги указывается количество страниц в книге. При ссылке на статью указывается диапазон страниц (например: С. 13-29).

12. К статье должны быть приложены переводы на английский язык: имени и фамилии автора; должности и места работы; контактной информации; названия статьи; аннотации и ключевых слов.

13. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.

14. К представленной в редакцию рукописи автор прилагает письменное согласие на размещение опубликованной в журнале статьи в электронных базах данных; письменное согласие на опубликование персональных данных.

Более подробно с требованиями к авторам и примерами оформления рукописей можно ознакомиться на сайте журнала по адресу: <http://yearbook.uran.ru/avtoram/trebovaniya-k-statiam>

Manuscript conditions

1. Manuscript in doc. format should be sent to the editorial board's email admin@instlaw.uran.ru.

2. Manuscript submitted to the Journal should relate to Journal's subject areas, which include philosophy, political science and law.

3. Previously published papers are unacceptable.

Manuscripts should be submitted in Russian only.

4. If the paper doesn't comply with the subject-matter of the Journal or formal requirements it excludes from further consideration, the author is notified about it.

5. Every manuscript submitted to the Journal is a subject for double-blind review, which means that the identities of reviewers are concealed from the author, and vice versa. Reviewers are experts in the same subject area as the paper submitted. The paper is assigned for reviewing to experts, who are members of the editorial board or the international editorial council, as well as to independent experts. If the first reviewer accepts the paper, while the second reviewer rejects it, the paper will be passed for evaluation to the third reviewer or the decision on acceptance or rejection will be made by the editorial board itself. The procedure for review and approval of papers takes no more than two months.

After reviewing the article may be accepted for publication, sent to the author for revision or rejected. If accepted for publication the paper is placed in the portfolio of editorial board for further publication.

6. The editorial board retains reviews during 5 years. If needed, the editorial board sends reviews or notes of reasoned refusal to the authors. If requested, the editorial board sends copies of reviews to the Ministry of education and science of the Russian Federation.

7. The Journal normally publishes papers between 30000 and 60000 characters in length (with spaces). The texts should be typed using Times New Roman, font size 14, 1.5 spaced, justified alignment, 1 cm. paragraph indention, 3 cm. left margin, 1,5 cm. right margin, 2 cm. top and foot margins. French quotation marks «», dash «-», hyphen « - » should be used in the text.

8. Illustrations, diagrams and tables should be numbered and named. Illustrations, diagrams and tables should be both placed within the text of the manuscript and provided in a separate file.

9. Titles of papers should be centered, capitalized, semi-bold and typed using Times New Roman, font size 14. The author's personal data (full name, scientific degree, academic title, current institutional affiliation, position, e-mail) should be placed in the top-right corner above the title of the manuscript. UDC, if possible, should be placed in the top-left corner of the manuscript.

The abstract should be placed below the paper's title and be no less than 2 000 characters (with spaces). It should summarize the hypothesis and key results presented in the paper. From 5 to 10 keywords are also required.

10. References should be placed within the text in round brackets (). In-text references should include the author's last name or the editor's last name, or the title of the source (for sources with no author named), as well as the year of publication and page reference (or article of the normative legal act). Example: (Jameson 2009: 167).

11. After-text bibliography includes the List of sources and References.

The List of sources should be composed alphabetically. It should be organized in the following order: sources in Russian (books and articles); sources in foreign languages (books and articles). If there are two or more sources by the same author in the same year, lower-case letters (a, b, c, d) with the year should be used. The lower-case letters with the year should be added to the in-text references as well.

References is the List of sources which should be transliterated and translated into English (author's last name, title of the journal or collection should be transliterated; title of the monograph or article, and the place of publication should be translated into English). Titles in other languages should be translated into English as well. List of References should be alphabetized.

Description of books and articles listed in after-text bibliography should contain number of pages, while description of articles should contain page ranges. Example: P. 13-29.

12. The author should also submit a separate file containing the following information in English: full name, scientific degree, academic title, current institutional affiliation, position, e-mail, as well as title of the paper, abstract and keywords.

13. Publication of accepted papers is free of charge. Honorarium is not paid to the author.

14. In addition to the manuscript, the author provides written consent to display published paper in the electronic databases, as well as written consent to make public his/her personal data.

More detailed information for authors as well as samples of papers, abstracts et al. are provided at the Journal's website: <http://yearbook.uran.ru/en/for-authors/accepted-papers>

Научное издание

**НАУЧНЫЙ ЕЖЕГОДНИК
ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Том 18

Выпуск 4

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института философии и права
Уральского отделения РАН*

Ответственные за выпуск
В.С. Мартьянов, В.В. Эмих

Редактор *Н.М. Юркова*
Корректоры *А.И. Никонова, Е.М. Олову*
Компьютерная верстка *А.Э. Якубовский*
Дизайн обложки *Е. Ширяевой, «РА4»*

Подписано в печать 01.10.2018 г. Формат 70x100/16
Бумага типографская.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 10,5 Уч.-изд. л. 11,7
Тираж 500 экз. Заказ №
Цена свободная.

Институт философии и права УрО РАН.
620990. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

Изготовлено ООО «Издательство УМЦ УПИ»
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 17, офис 134